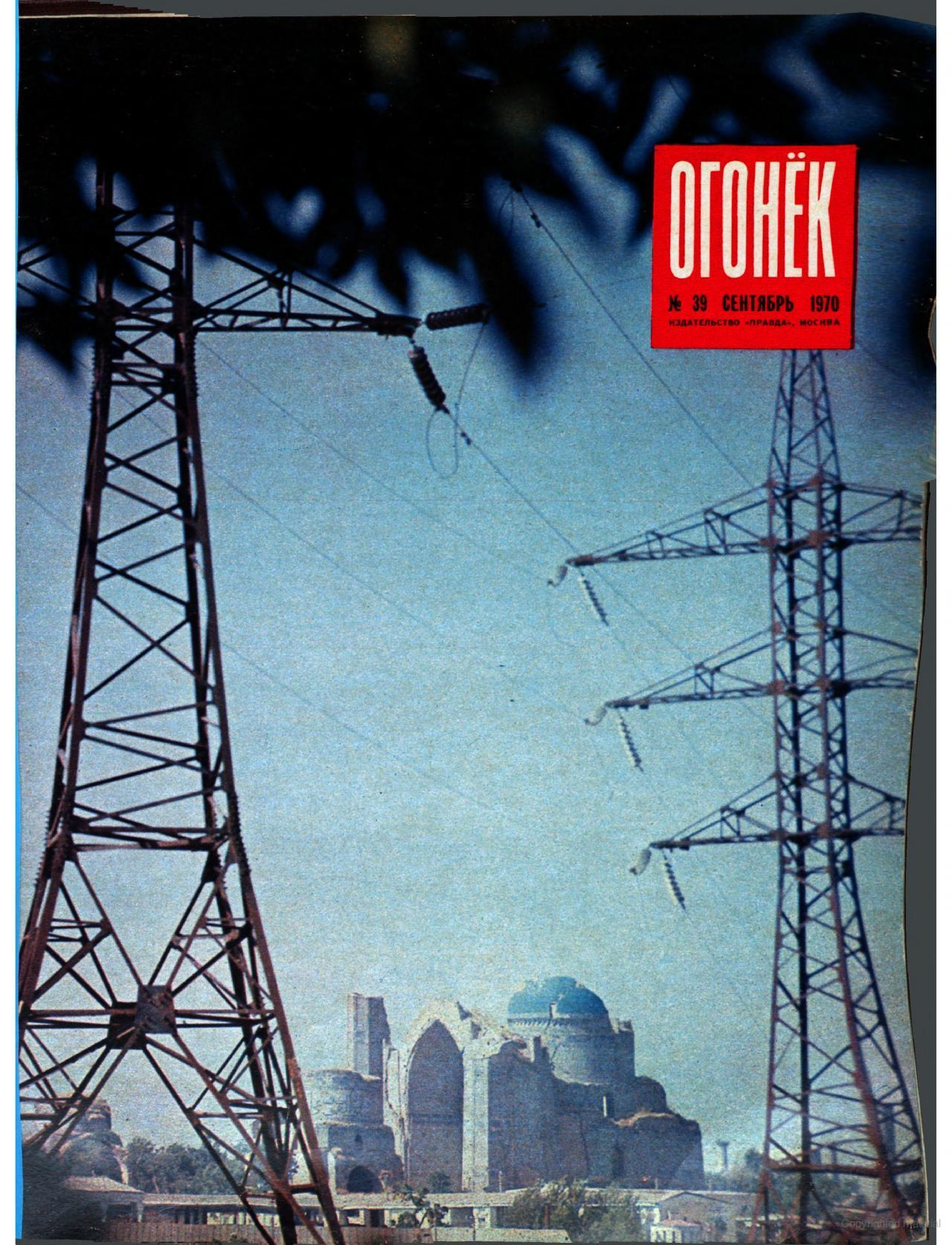
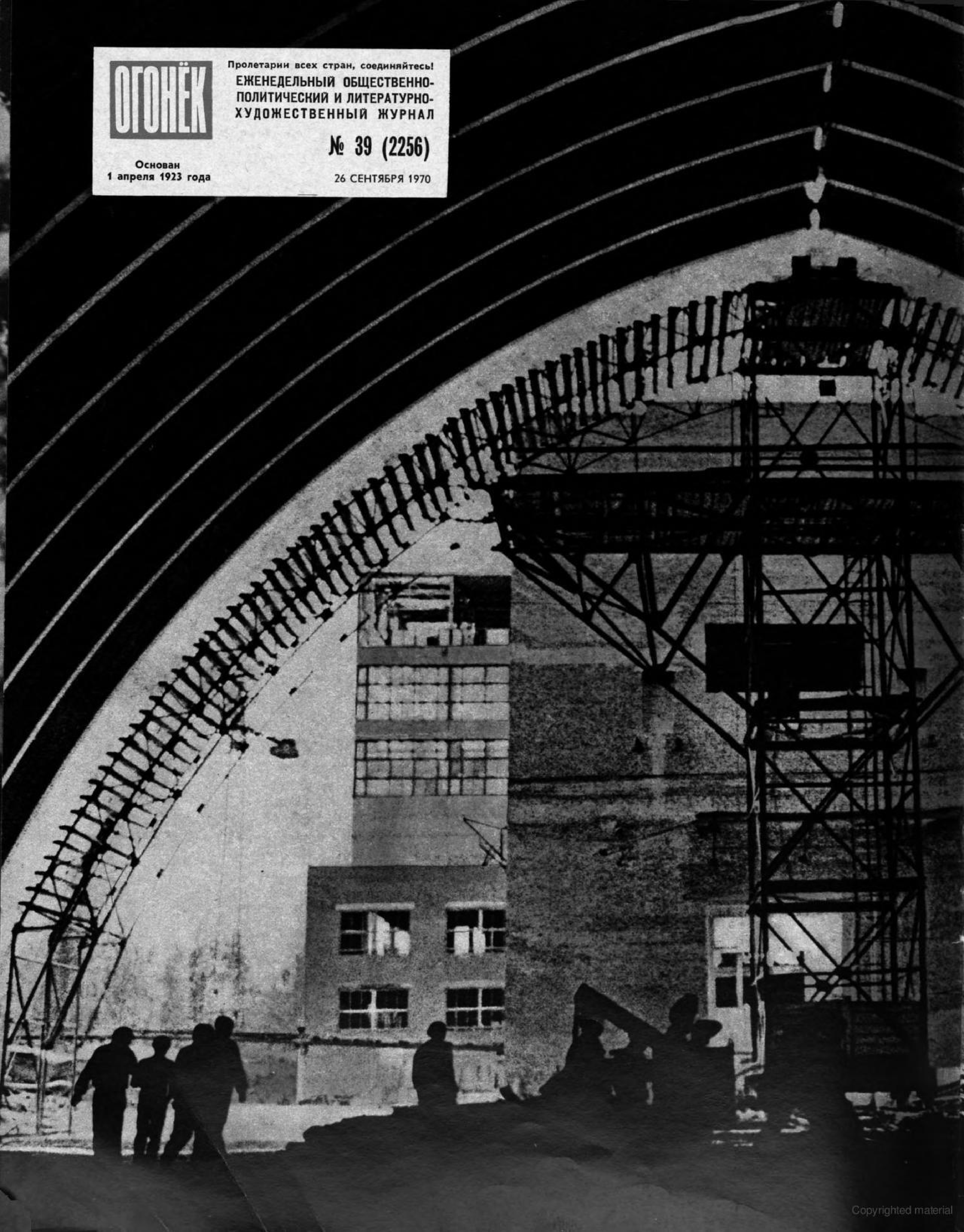

ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 39 (2256)
Основан 1 апреля 1923 года
26 СЕНТЯБРЯ 1970

Люда Ковальчук — бывший продавец, а ныне блюститель подземного порядка.

БЕЗ СЕНСАЦИИ

5 трудовых, героических лет

Склад удобрений — как крытый стадион.

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика... Построить второй калийный комбинат в Березниках» — строка из Директив XXIII съезда КПСС.

Продолжение см. на стр. 28.

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

ПОЛЕТ «ЛУНЫ-16»

- **БУРЕНИЕ В МОРЕ ИЗОБИЛИЯ**
- **В КОНТЕЙНЕРЕ—ЛУННЫЙ ГРУНТ**
- **РЕШЕНА ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВАЯ ЗАДАЧА**
- **БОЛЬШОЙ УСПЕХ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ**

Советская автоматическая станция «Луна-16», совершившая мягкую посадку в районе моря Изобилия, выполнила программу работы на лунной поверхности, и 21 сентября 1970 года в 10 часов 43 минуты по московскому времени с нее стартовала космическая ракета к Земле. На борту космической ракеты находятся образцы лунного грунта.

Центральное место в программе полета станции «Луна-16» отводилось решению принципиально новой задачи — автоматической доставки лунного грунта на Землю. После посадки станции «Луна-16» был выполнен комплекс технологических операций, включавших измерение углового положения станции относительно местной вертикали и проверки функционирования различных агрегатов и бортовых систем.

По завершении подготовительных операций была подана команда на начало работы грунтозаборного механизма. Электрический бур станции «Луна-16», управляемый по командам с Земли и имеющий возможность перемещения в горизонтальной и вертикальной плоскостях, был выставлен в необходимое положение, произвел бурение лунного грунта и осуществил забор образцов породы до глубины 350 миллиметров.

По окончании бурения лунная порода с помощью манипулятора была помещена в контейнер космической ракеты и загерметизирована.

Используя посадочную ступень станции, как стартовую платформу, космическая ракета с возвращаемым аппаратом, содержащим образцы лунной породы, стартовала с Луны. Посадочная ступень осталась на ее поверхности и продолжает производить температурные и радиационные измерения.

Космическая ракета вышла на баллистическую траекторию движения к Земле, близкую к расчетной. С ней проведено два сеанса радиосвязи на частоте 183,6 мегагерц.

Проводятся траекторные и телеметрические измерения с целью уточнения района посадки на Землю, которая произойдет 24 сентября 1970 года.

При подлете ракеты к Земле от нее отделится возвращаемый аппарат с образцами лунной породы, который войдет в плотные слои атмосферы и после аэродинамического торможения совершит спуск на парашюте.

Поскольку район территории возможного приземления довольно большой, поиск и обнаружение возвращаемого аппарата будут представлять сложную задачу.

Средства поискового комплекса приведены в необходимую готовность.

(ТАСС)

ЛУНА СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ

Луна. Наш естественный космический спутник, ближайшая планета Солнечной системы. Немало автоматических аппаратов и обитаемых кораблей отправил человек к Луне. Многие споры относительно того, какая она, кажутся разрешенными. Но было бы большой ошибкой считать, что основные загадки Луны раскрыты. Недаром в последнее время, после полетов американских космонавтов к Луне, ученые пришли к заключению, что Луна поставила больше загадок, чем ответила на них.

Немало мнений существует о том, как произошла Луна. Действительно ли она наша космическая сестра, плоть от плоти Земли, часть ее, оторгнутая в результате космического катаклизма? Или она захвачена Землей? Или она сформировалась из протопланетного облака, из миллиардов частиц, через которые пролетело Солнце? Последние сообщения говорят о том, что на Луне обнаружены породы, которым около 4,6 миллиарда лет, породы такого возраста пока не найдены на Земле. Не говорит ли это о том, что Луна древнее Земли, что Луну нам надо называть старшей сестрой, если между ними вообще есть родство?..

Вопрос о том, откуда взялась Луна, еще предстоит выяснить ученым. Но даже простое перечисление существующих гипотез дает представление о том, какие глубокие выводы о происхождении Земли и всей Солнечной системы соприкасаются с проблемой прошлого Луны.

Луна привлекает к себе пристальное внимание ученых самых различных специальностей, инженеров, конструкторов космических кораблей, космонавтов, но, конечно, не только их, а и самые широкие круги общественности во всем мире. Луна занимает заметное место в планах исследования космоса двумя космическими державами — СССР и США.

«Наша страна располагает широкой космической программой, рассчитанной на долгие годы. Мы идем своим путем, идем последовательно и целеустремленно»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на митинге, посвященном встрече экипажей космических кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8».

20 сентября 1970 года в районе лунного моря Изобилия совершила мягкую посадку новая автоматическая станция.

Полет советской автоматической станции «Луна-16» подготовлен ее предшественницами из серии «Луна». Они провели большое число уникальных экспериментов, радиолокационных, магнитных, механических, гравитационных, фотографических исследований, обогатили науку новыми знаниями о нашем ближайшем космическом соседе.

Задачи, которые стояли перед новой советской автоматической станцией, можно разделить на две группы. С одной стороны, выполнение самой программы исследования Луны, с другой — проверка в реальных лунных условиях созданной советскими конструкторами, учеными, инженерами новой автоматической аппаратуры — сложнейшего комплекса, в котором воплотились последние достижения многих отраслей науки и техники.

Трудность заключалась в том, чтобы «Луна-16», управляемая людьми, находящимися за сотни тысяч километров от нее, благополучно села на Луну, с помощью бура взяла пробу почвы, с помощью «механической руки» — манипулятора доставила ее на борт станции, где образцы почвы были загерметизированы в специальном контейнере. Труднейшей научно-технической задачей было, конечно, и все, что связано со стартом космической ракеты с Луны и возвращением ее на Землю.

Что нового принесет изучение лунной почвы, доставленной советской автоматической станцией? На какие не решенные еще вопросы будет дан ответ? Это покажут результаты полета «Луны-16». Сейчас ясно одно: впервые в истории созданный человеком автомат побывал на другой планете и возвращается на родную Землю.

Москва. 22 сентября. Встреча Президента Республики Индии Варахагири Венката Гири, прибывшего с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

Слева направо: первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Республики Индии Варахагири Венката Гири.

Фото М. Савина.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ

По просьбе журнала «Огонек» корреспондент АПН в Дели В. Симонов рассказывает о встрече с Президентом Республики Индии В. В. Гири.

На полицейском — синие шорты и белый тропический шлем. Рядом, у его ног, выстроилась шеренга глиняных кувшинов с питьевой водой. Дневная порция, без которой не обойтись на трудном, на солнцепеке, посту. Четкий взмах руки, и лавина машин, наращивая скорость, начинает подъем на холм. Над выпуклой линией асфальтового горизонта медленно вырастает бьющийся на ветру флаг, сфера купола и, наконец, торжественные очертания президентского дворца Раштрапати Бхаван, перекрытые кружевами старинной ограды.

Флаг — это традиционный знак: «Президент во дворце». Но в Дели уже привыкли читать его по-иному: «Президент работает». В четыре тридцать утра, когда полотнище флага еще неразличимо на темном фоне неба, в кабинете на первом этаже дворца вспыхивает настольная лампа. К своим обязанностям приступает тот, кого одна делийская газета недавно назвала «энергичным молодым человеком, выигравшим поединок с возрастом». В тот день президенту Индии Варахагири Венката Гири исполнилось 76 лет.

Эти слова невольно приходят на память, когда президент по-юношески легко поднимается навстречу, стремительно и четко формулирует свои ответы, в которых то и дело вспыхивают искорки юмора. На столе стопка газет. С международной полосы смотрит набранное крупно слово «Ольстер».

Взгляд президента задерживается на газетной строке. В 1913 году там, в Ирландии, ручной печатный станок таким же крупным шрифтом оттиснул обложку брошюрки — «Ужасы Южной Африки». Девятнадцатилетний Гири, студент Дублинского университета, крутил чугунный маховик, и в его размеренном мелькании ему виделись вращающиеся колеса парохода, который доставит тираж в родную Индию. Тысячи экземпляров разойдутся по университетам и колледжам. В душу молодых индийцев западут новые зерна ненависти к британскому колониализму, запятнавшему себя преступлениями не только в Индостане, но и на черном континенте. Стук печатного станка в Дублине был эхом борьбы за права человека с темным цветом кожи, которую вел в те дни в Южной Африке Махатма Ганди.

В Дублине будущий юрист Гири изучал сложную и, как твердили учебники, совершенную систему британского правосудия. Но самый наглядный урок дала ему жизнь после разгрома ирландского восстания 1916 года, когда кое-кто из его сокурсников и педагогов без суда и следствия был отправлен «совершенным правосудием» на гильотину.

Гири было предписано покинуть Ирландию к 1 июля 1916 года. Юридическое образование осталось незавершенным.

— Еще в штормовые дни Дублина меня поразили результаты одной стачки,— вспоминает президент.— Бастовали железнодорожники, докеры и транспортные рабочие. Английскую администрацию словно разбил паралич. Онемел кулак, занесенный над борцами за освобождение Ирландии, «отнялись» на миг все средства передвижения. Надолго запала в память эта демонстрация рабочей воли, удивительных возможностей, которыми обладают транспортники. Я решил, что этот опыт может быть применен и в Индии.

Возвратившись на родину, Гири установил связь с рабочими вожаками Бенгало-Нагпурской железной дороги, крупнейшей британской транспортной компании, известной под инициалами «БН». В ее штатах числилось более ста тысяч рабочих, рельсы «БН» тянулись на три тысячи миль, пересекая четыре индийские провинции. Это была важная артерия, питавшая организм колониальной администрации, и ее закупорка грозила англичанам многим.

Весной 1922 года звякнул засов тюрьмы в городке Берхампур. Гири вышел на волю после очередного ареста за участие в кампании против сотрудничества с властями. Его встречали сотни кули, механиков, клерков из контор компании. На митинге, созванном здесь же, у ворот тюрьмы, было положено начало боевой организации служащих «БН», а бывший заключенный стал президентом многотысячного профсоюза.

Вместе с Н. М. Джоши, Чаманлалом и другими ныне известными демократическими деятелями Гири создал Всеиндийскую федерацию железнодорожников (АИРФ) — хребет нарождавшегося в стране организованного рабочего движения. В 1927 году Дублин повторяется в Восточной Индии: паровозы застывают на рельсах, а в депо Калькутты, Раджпура, Нагпура бушуют людские волны. Тридцать пять тысяч транспортников охватила эта крупнейшая в истории Индии стачка. Предпринимателям пришлось отступить.

В последующие годы имя Гири становится символом служения людям труда. Голос президента Всеиндийского конгресса профсоюзов звучит с международных трибун. На родине Гири отдает все силы борьбе за единство индийского профсоюзного движения, ставит перед ним, может быть, еще далекие, но четкие цели.

...Двести ступенек ведут на верхнюю площадку грандиозного минарета в индийском городке Рурки. Два человека спешат взглянуть на землю с высоты птичьего полета. Эти двое — Гири и Джавахарлал Неру.

Несколько десятилетий дружбы связывало первого премьер-министра свободной Индии с ее будущим президентом. По ступеням прогресса, которые с трудом одолевала тогда страна, они всегда шагали в ногу. В 1939-м вместе

«РУДЕ ПРАВО» — 50 ЛЕТ

Первый номер газеты «Руде право» вышел в свет 21 сентября 1920 года. Этот день отмечается в Чехословакии как День коммунистической печати. Но 21 сентября 1970 года — особый праздник: коммунисты и весь народ ЧССР торжественно отмечают пятидесятилетие самой любимой, самой популярной газеты.

Славный путь прошла за полвека «Руде право». Она выдержала все испытания и гонения собственной буржуазии и периода гитлеровской оккупации. За семь лет, с 1928 по 1934 год, газета и ее вечерний выпуск конфисковывался властями 2 566 раз. Газета выходила в подполье на протяжении всего периода фашистской оккупации Чехословакии. Лучшие ее журналисты пошли на смерть за то, чтобы осталась жить «Руде право». Среди них герой чехословацкого народа, великий сын международного коммунистического и рабочего движения Юлиус Фучик и многие, многие другие беззаветные борцы за свободу своей родины.

После освобождения Чехословакии расправила свои крылья «Руде право», проникнув в каждый дом страны, вставшей на путь строительства социализма. В состав ее редакции влились свежие силы — бывшие воины-освободители, рабочие, представители интеллигенции. Это они остались самыми стойкими и принципиальными коммунистами-интернационалистами, твердые убеждения которых не смогли поколебать оппортунистические течения 1968 года. Эти люди и сегодня делают свое обычное дело, пишут и редактируют статьи, рассказывают читателям о событиях политической и хозяйственной жизни ЧССР и о том, что происходит в мире. Что значит сегодня для чехословацких трудящихся «Руде право»? Вот как отвечают на этот вопрос ее читатели.

Штукатур из Праги Карел Боучек:

создали Национальную плановую комиссию — колыбель грядущих индийских пятилеток. После первых в независимой республике парламентских выборов Неру вручил Гири портфель министра труда.

Заветами великого друга руководствовался В. В. Гири и прошлой осенью, когда Дели сотрясал острый политический кризис, связанный с выборами нового главы государства. Вопреки желаниям руководства правящего Индийского национального конгресса (ИНК), в том числе премьер-министра Индиры Ганди, группировке старых партийных боссов, так называемому «синдикату», удалось навязать тогда своего официального кандидата от ИНК. Выдвинутый ими деятель правого толка был призван сыграть роль «президентской гаубицы», чтобы пробить брешь в системе прогрессивных социально-экономических преобразований, предпринятых правительством Ганди.

Пытаясь обеспечить своему ставленнику победу любыми средствами, «синдикат» пошел на открытую измену принципам конгрессизма. Он вступил в тайный сговор с партией монополий «Сватантрой» и религиозными шовинистами из «Джан Сангх», добившись от них согласия на сотрудничество у избирательных урн. В этих условиях Варахагири Гири принял решение выступить в качестве независимого кандидата в президенты. Он победил своего соперника убедительным большинством голосов.

Реакция оккупировала затем под свои бастионы Верховный суд страны и пыталась доказать там «неконституционность» избрания Гири. Впервые в мире президент занял скамью свидетеля. Он сделал это с присущим ему достоинством, с уважением к правосудию Республики Индии. Сенсационный процесс окончился в его пользу. В чем же основа этого успеха, символизирующего победу прогрессивных сил Индии?

— Я оптимист и твердо верю в политическую зрелость, обретенную нашим народом за 23 года независимости,— отвечает на этот вопрос президент.— Мы переживаем время, когда нужно активно восстать против узости интересов некоторых групп, против сил религиозной разобщенности и кастовой дискриминации, которые подрывают здоровье нашего демократического порядка. Главное сейчас — это труд. Работа с удвоенной энергией ради одной цели — создания на индийской земле нового общества, свободного от какой бы то ни было эксплуатации.

Страна удостоила меня высокой чести,— продолжает президент.— Я хочу расплатиться за это доверие добросовестным трудом. Меня заботит судьба «незанятых рук», тех, кто лишен счастья созидания. Как хотелось бы видеть, что люди отбросили общинные разногласия и посвятили себя экономической и социальной эмансипации Индии, которая даст каждому право на труд, право на жизнь!

В заключение беседы я прошу В. В. Гири прокомментировать через журнал «Огонек» его визит в Советский Союз.

— Разделенных Гималаями Индию и Советский Союз,— говорит президент,— объединяют крепкие связи дружбы и сотрудничества. Надеюсь, что мое посещение СССР еще более упрочит этот мост между нашими странами.

Дели.

«Это наша великая поддержка и опора в жизни».

Заслуженный деятель культуры, художник Лев Шиман:

«Руде право» — это богатырь, на которого всегда можно положиться».

Директор завода, кавалер ордена Труда Нозеф Подроужек:

«Эта газета в значительной мере способствовала да и теперь помогает консолидации жизни в нашей стране, она заботится о том, чтобы люди могли спокойно жить и трудиться».

Да, такова «Руде право», боевой орган чехословацких коммунистов, который вот уже полстолетия борется за осуществление генеральной линии партии.

К. НИКИФОРОВА
(Наш соб. корр.)

Прага. По телефону.

В ДУХЕ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Доброй традицией стали встречи и личные контакты между государственными деятелями Советского Союза и Афганистана. Дальнейшему укреплению связей между двумя странами будет способствовать и приезд в нашу страну с неофициальным дружественным визитом по пути в ЧССР короля Афганистана Мухаммеда Захир Шаха и королевы Умайры.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Афганистана и Советского Союза, высоких гостей встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский и другие официальные лица.

21 сентября в Кремле состоялась встреча Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянского с королем Афганистана Мухаммедом Захир Шахом.

В беседе, которая прошла в обстановке дружественного взаимопонимания и искренности, обсуждались вопросы советско-афганских отношений, а также актуальные международные проблемы. Было выражено взаимное удовлетворение успешным развитием отношений дружбы и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Афганистаном, стремлением к всемерному дальнейшему их укреплению в интересах обоих государств и международного мира.

На снимке (слева направо на переднем плане): Мухаммед Захир Шах, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский во время встречи.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

ГОСТЬ ИЗ СИНГАПУРА

По приглашению Советского правительства нашу страну с официальным визитом посетил Премьер-Министр Республики Сингапур Ли Куан Ю.

Высокий гость нанес в Кремле визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, а также имел встречу с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянским.

17 августа в Сухуми Премьер-Министр Республики Сингапур встретился с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. В ходе обмена мнениями главы правительств с удовлетворением отметили прогресс, достигнутый в деле расширения взаимополезного сотрудничества между Советским Союзом и Сингапуром, и высказались за его дальнейшее развитие в интересах народов обеих стран и мира в Азии.

На снимке: Н. В. Подгорный обменивается рукопожатием с Ли Куан Ю. В центре — заведующий Протокольным отделом МИД СССР Б. Л. Колоколов.

Фото А. Конькова (ТАСС).

К семидесятипятилетию Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

ЖИЗНЬ ВОИНА

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский — один из самых прославленных советских полководцев.

В трудном сорок втором он возглавлял Генеральный штаб, был первым заместителем наркома обороны.

Под его руководством разработаны и осуществлены крупнейшие операции на самых ответственных фронтах Великой Отечественной войны.

Именно Александр Михайлович был среди тех полководцев, которые командовали нашими войсками в тяжкие дни обороны Сталинграда. Он же, Маршал Советского Союза А. М. Василевский, в числе авторов плана окружения и уничтожения армии гитлеровского фельдмаршала Паулюса.

В начале Белорусской операции, в результате которой были разгромлены отборные гитлеровские дивизии, а наши войска вышли на границу Германии и вступили в Восточную Пруссию, Александр Михайлович Василевский являлся представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Первом Прибалтийском и Третьем Белорусском фронтах. А потом и сам принял командование Третьим Белорусским фронтом.

После победы над гитлеровской Германией Александр Михайлович был Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, которые в течение считанных дней разгромили японскую Квантунскую армию и принудили империалистическую Японию к безоговорочной капитуляции.

«Во время войны А. М. Василевский показал себя выдающимся полководцем наших вооруженных сил. Под его руководством проведен ряд крупнейших и блестящих операций» — так пишет об Александре Михайловиче Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления».

За его заслуги, помимо многих орденов, среди которых есть и два высших полководческих — ордена Победы, Александр Михайлович дважды удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Когда отгремела война, в 1949 году он был назначен на пост министра Вооруженных Сил СССР.

Однажды мне пришлось побывать у Александра Михайловича на его даче в Архангельском. Маршал был нездоров, лежал в постели, но над ней, на металлическом столике, стояла пишущая машинка. Из нее торчал лист бумаги.

— Вот пишу воспоминания,— улыбнулся Александр Михайлович, перехватив мой взгляд.— Так что вас привело ко мне?

— Хочу задать вам несколько вопросов. Скажите, пожалуйста, какой день на войне был для вас самым тяжелым?

— Да,— сказал он, помолчав,— не так-то просто ответить на этот вопрос... Все-таки, пожалуй, самым тяжелым был еще мирный день, точнее, субботний вечер 21 июня сорок первого года. Мы в Генеральном штабе уже знали, что до начала войны остаются считанные часы. И понимали, какое преимущество имеет враг от того, что мы узнали это слишком поздно.

— А на войне какой самый тяжелый день?

— На войне этот день приходится на лето сорок второго. Враг тогда был на окраинах Сталинграда. Город горел... Командный пункт, на котором я находился, располагался в железобетонной трубе, под насыпью. Кругом все ревело и стонало от взрывов. Проводная связь была прервана, и нам приходилось говорить со Ставкой по радио, открытым текстом. Вот там, в Сталинграде, и был для меня самый тяжелый военный день...

Мы говорили долго. Я б и еще не ушел. Но адъютант Александра Михайловича шепнул, что врач беспокоится, пора кончать...

Сейчас Маршал Советского Союза А. М. Василевский продолжает трудиться на поприще, которому отдал всю жизнь,— он Генеральный инспектор Министерства обороны СССР.

В день семидесятипятилетия мы от имени читателей «Огонька» сердечно поздравляем Александра Михайловича со славным юбилеем.

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

Колумбус. На пьедестале почета штангисты полусреднего веса. В центре — В. Куренцов, слева от него — Л. Иенсен (Норвегия), справа — Г. Сарваш (Венгрия).

ПОЛНАЯ ПОБЕДА!

В истории тяжелой атлетики мировой чемпионат в американском городе Колумбусе будет занимать особое место. До сих пор сильнейшие штангисты вели борьбу непосредственно у штанги. На сей раз американец Кларенс Джонсон — президент Международной федерации тяжелой атлетики, и ее генеральный секретарь англичанин Оскар Стейт попытались решить спор за кулисами чемпионата с помощью различных темных махинаций. Сперва они лишили мирового рекордсмена Яна Тальтса принадлежавшей ему золотой медали чемпиона мира, завоеванной им в прошлом году в Варшаве, в борьбе с американским штангистом Р. Беднарски, затем дисквалифицировали ряд спортсменов социалистических стран, и в том числе советского штангиста Сметанина, якобы за применение допинга, нарушив все правила проверки, что вызвало резкий протест медицинской комиссии чемпионата. Но вся эта грязная игра ничем для ее организаторов хорошим не закончилась. Чемпионат прошел на высоком спортивном уровне, американская команда полностью провалилась, не завоевав ни одной золотой медали, а советские спортсмены получили пять золотых медалей, установили 9 новых мировых рекордов и завоевали командное первенство.

Триумфальное шествие к победе начал наш полусредневес Виктор Куренцов, за ним победу одержал средневес Геннадий Иванченко, установивший новый мировой рекорд в троеборье — 505 килограммов. Успех своих товарищей с огромной убедительностью развил атлет полутяжелого веса Василий Колотов. Он установил три мировых рекорда, в том числе и в сумме трех движений — 537,5 килограмма. И вот пришел черед Яна Тальтса. Удастся советскому спортсмену, потратившему столько нервов еще до выхода на помост, проявить свои возможности? Тальтс установил мировой рекорд в жиме, подняв штангу весом в 200 килограммов, а затем улучшил и свой мировой рекорд в троеборье — 565 килограммов!

Последнее слово, как всегда, было дано атлетам второго тяжелого веса. И наш Василий Алексеев и на сей раз показал, что силы его безграничны. В борьбе с бельгийцем Сержем Редингом Алексеев установил новый мировой рекорд в толчке — 228 килограммов и победил, подняв замечательную сумму — 612,5 килограмма. Так советские атлеты достигли полнейшего успеха, в 14-й раз завоевали командное первенство, еще раз доказав, что они являются сильнейшими в мире.

●

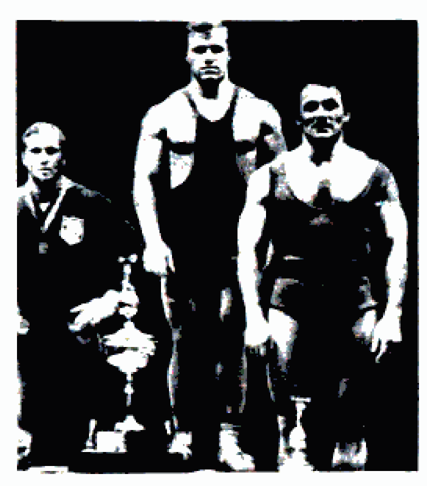
В Роттердаме советские баскетболистки в десятый раз завоевали почетное звание чемпионов Европы. Они победили в финальном матче команду Франции со счетом 94 : 33.

На снимке сидят слева направо: З. Черникова, Н. Бильмайер, У. Семенова, Л. Крестьянинова, Л. Швецова, Г. Воронина. Стоят (слева направо) тренер В. Колпаков, Л. Базаревич, В. Дмитриева, Л. Гусева, Л. Бубчикова, Н. Захарова, Т. Кабаева, старший тренер Л. Алексеева.

Фото Ю. Моргулиса (ТАСС).

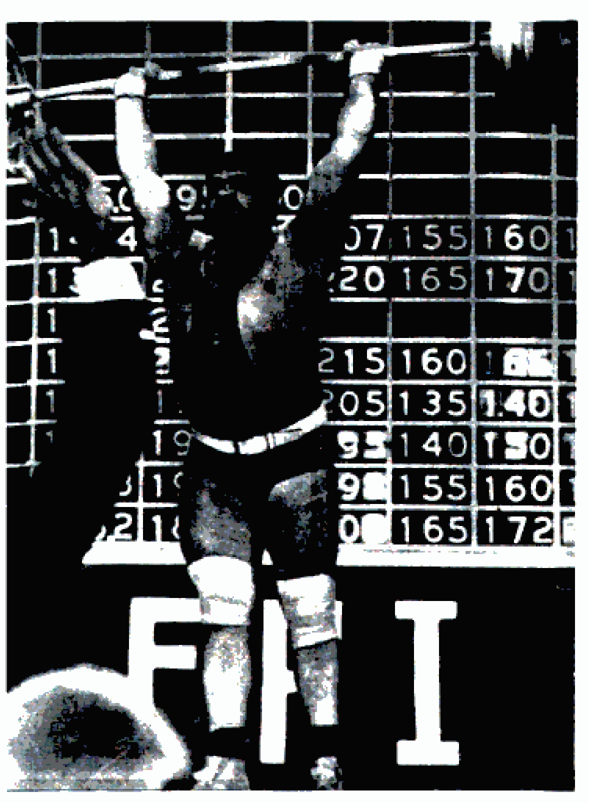
Геннадий Иванченко — штангист среднего веса, новый чемпион мира. Второе место занял Н. Озимек (Польша), на третьей ступеньке молодой советский атлет Д. Ригерт.

На пьедестале почета В. Колотов. Слева от него — второй призер американец Ф. Гриппальди, справа — бронзовый призер венгр Г. Тот.

Ян Тальтс второй раз завоевал первенство мира в первом тяжелом весе.

Василий Алексеев, сильнейший человек мира, был непобедим и в Колумбусе.

Фото АП — ТАСС.

ПОИСКИ ДОБРОГО СОСЕДСТВА

Даниил КРАМИНОВ

За время, которое прошло со дня подписания советско-западногерманского договора, в Европе еще более усилилось активное размежевание между теми, кто добивается нормальных, более тесных, добрососедских отношений на континенте, и теми, кому выгодно сохранение международной напряженности и продолжение холодной войны. Договор, безусловно, поддерживают самые широкие слои европейского населения. Профсоюзы — эти выразители интересов и воли организованного рабочего класса — нашли нужным в основных европейских странах высказать свое одобрение либо в официальных заявлениях, либо в выступлениях своих руководителей. Договор поддержали профсоюзы Западной Германии, крупнейшая профсоюзная организация Франции — ВКТ. Несколько ранее съезд Британского конгресса тред-юнионов от имени девяти с половиной миллионов своих членов одобрил резолюцию, приветствующую шаги, ведущие к обеспечению европейской безопасности.

Слова одобрения советско-западногерманского договора прозвучали даже на сессии Европейского парламента в Страсбурге. Председатель комиссии европейских сообществ Мальфатти увидел в этом договоре своего рода поворот к улучшению экономической обстановки в Европе, что должно сказаться и на политическом климате. «Развитие торговли с Восточной Европой,— сказал он,— должно внести существенный вклад в дело разрядки в Европе».

Деловым кругам Западной Европы политическая разрядка открыла благодатную возможность расширения взаимовыгодных торговых и других экономических связей. На них не подействовали истеричные вопли и причитания находящейся на американском иждивении прессы, пытавшейся представить договор как своего рода «благотворительность» со стороны Западной Европы, которая якобы должна помочь Советскому Союзу. Они деловито учли выгоды — капиталисты еще никогда ничего не делали для коммунистов за их красивые глаза,— прежде чем решиться, например, на то, чтобы взяться за строительство крупнейшего в мире завода автомобилей-грузовиков. Руководители крупных европейских автомобильных фирм, начиная с государственной французской фирмы «Рено», пытаются объединить свои усилия, чтобы справиться с предложенной им задачей. Показательно, что западногерманский канцлер, посылая своего министра хозяйства в Москву, нашел нужным посоветоваться прежде всего с руководителями западногерманской промышленности и торговли: в основе их усилий лежат экономические интересы.

Деловой мир Европы по достоинству оценил результаты советско-французского экономического и научно-технического сотрудничества, которые были подведены на недавнем заседании совместной комиссии в Париже. Это сотрудничество обогатило обе стороны, и они решили распространить его на другие области.

Несомненно, этому сотрудничеству содействуют добрые политические отношения между обеими странами, которые находят свое дальнейшее развитие в предстоящем визите президента Франции Жоржа Помпиду в Москву.

Советско-западногерманский договор ускорил также поиски практических возможностей создания системы европейской безопасности. В столицах европейских стран стали повседневными разговоры о подготовке всеевропейского совещания, предложенного Советским Союзом, другими социалистическими странами. После визита французского министра иностранных дел Шумана в Хельсинки, где им была вновь подчеркнута готовность Франции содействовать созыву европейского совещания, эта идея вновь активно обсуждается в печати. Специальный представитель Финляндии побывал в Бонне, где получил заверение, что правительство ФРГ благоприятно относится к идее созыва совещания и намерено вложить свой вклад в его подготовку.

Чем шире поддержка миролюбивой политики Советского Союза, нашедшей выражение в советско-западногерманском договоре, тем ожесточеннее сопротивление врагов мира и сотрудничества. Ныне их усилия сконцентрированы на срыве ратификации этого договора в бундестаге (парламенте) Федеративной республики. Незначительное большинство, которым располагает нынешнее правительство в бундестаге, дает оппозиционной партии христианских демократов и христианских социалистов (ХДС—ХСС) возможность шантажировать сторонников договора, требуя от них «заверений» и «обязательства» такого решения «западноберлинского вопроса», которое противоречит духу и букве договора. Боннские реваншисты вдохновляются из-за океана. В течение короткого времени в Вашингтоне нашли нужным принять «на высшем уровне» двух посланцев ХДС — ХСС, которым, судя по их хвастливым заявлениям, была обещана поддержка подрывных усилий ХДС — ХСС, направленных против советско-западногерманского договора. С ведома своих заокеанских покровителей западногерманские поборники холодной войны разжигают в ФРГ национализм и шовинизм, прибегают к тем же лозунгам и приемам, которые позволили Гитлеру прийти к власти, а затем бросить Германию и весь мир в пучину второй мировой войны. «Известные политические деятели ХДС — ХСС,— говорил недавно бундес-канцлер Брандт,— воспользовались заключением этого договора как поводом для злостной демагогии. Кое-кто из них начал апеллировать к инстинктам, хотя весь мир и мы сами надеялись, что инстинкты угасли и исчезли». Штраус, Кизингер, Шредер, Барцель, которых Брандт имел в виду, идут, как и лидер неонацистов фон Тадден, по пути Гитлера и Геббельса, обвиняя сторонников договора в отказе от национальных интересов и даже в их предательстве.

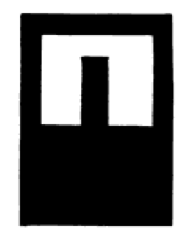
Советско-западногерманский договор, как показали события последних недель, укрепил давние надежды на то, что социалистическому содружеству удастся не только сохранить мир в Европе, гарантией чего является растущее экономическое могущество и военная мощь стран Варшавского договора, но и добиться создания на европейском континенте системы безопасности, которая обеспечит европейским народам мир и сотрудничество.

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Фото авторов.

ПОЛЕ, ГДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ — АТОМ

рикрепляем к лацканам радиометры — так заведено, порядок один для всех. Расписываемся в журнале — против наших фамилий уже проставили по «О». Это показания шкалы счетчиков. «Можете проходить!..» Светло-зеленое табло тоже разрешает: «Идите!» Щелкает турникет. На световом табло появляется цифра «1». Еще один щелчок. Неоновая цифра, такая же, как в торговых автоматах, вычертила двойку. Получено еще одно разрешение — от автомата.

На пульте, командующем механизмами башни, к которой мы хотим пройти, отмечается все, что делается на поле и вокруг него. Каждый входящий добавляет на счетчик единицу, всякий выходящий сбрасывает. Раз... два... три... Теперь мы — корреспонденты и сотрудник гамма-поля — на площадке, за проволочной, высотой в полтора человеческих роста оградой. За спиной остались турникет и двое ворот. Одни обычные, с простым замком. Вторые открываются и закрываются лишь по команде все с того же пульта, взявшего на себя охрану этих 12 гектаров подмосковной земли.

И высоченная ограда, и замки, и автоматы, и сигнализация, и раз-навсегда заведенные тут строгости понятны и объяснимы: поле это атомное. Впрочем, предосторожности тут лишь демонстрируют строгий порядок, присущий всем отраслям хозяйства, использующим атомную энергию. А вообще-то здесь совершенно безопасно. Ни малейшей остаточной радиоактивности тут не обнаружено, и быть ее не может. Практически уже за земляным валом счетчик радиометра не реагирует на исходящие из башни лучи. Если даже оказаться внутри вала, на шкале счетчика будет отмечена доза, почти равная той, которую получаешь, проходя рентгеновское обследование. Но, даже зная, что все эти меры предосторожности излишни, что они от перестраховки, следует все же заметить: эти меры весьма кстати, так как вносят во всю работу особую организованность и дисциплинированность, собранность и четкость.

Вокруг — забор с желто-красными знаками радиационного предупреждения. В центре — нам туда и надо — едва заметный отсюда, почти полностью скрытый от посторонних глаз земляным валом, поблескивает в солнечных лучах серебристый цилиндр, увенчанный красным «абажуром». Напрямик, через поле, к цилиндру дороги нет. Кандидат биологических наук Владимир Михайлович Зезюлинский ведет нас по выскобленной дочиста асфальтовой дорожке.

Асфальт разрезает поле светло-серой черточкой, мы идем мимо пшеничной грядки, упрятанной от воробьев под сетку. Лента ведет к земляному валу, который разомкнут одними, ярко-зеленого цвета воротами. Разметка секторов с указателями: «100», «150», «200»... Это метры, если считать от центра, от стального цилиндра. Но есть и другая мера — в рентгенах. Чем ближе к источнику, тем сильнее облучение. На поле 150 регистрируемых точек, они разбежались по восьми радиусам: решето с облучаемыми ячеями. Сито, сквозь которое проходят гамма-лучи. Владимир Михайлович показывает растения вовсе нам не ведомые — лиловатые ромашки, к примеру. Растут на поле и обыкновенная рябина, смородина. Есть тут и яблони. «Чтобы не скучно было операторам...»

— А разве выращенное на этом поле можно есть?

— Отчего же?.. Угощайтесь,— предлагает Зезюлинский и сам надкусывает только что сорванное яблоко: дескать, не бойтесь, журналисты.

С некоторой опаской срываем несколько ягод смородины... Вкусно.

Земля эта и все, что на ней растет, после облучения так же «опасны», как после грозового ливня, не более. И мы бы поставили силу атома в один ряд — если говорить о его сельскохозяйственном применении — с солнечными лучами или дождем.

На этом поле основное внимание уделено науке, а вот на других делянках — в Молдавии, в Краснодарском крае, например,— атомное излучение прочно вошло в практику сельского хозяйства, и результаты великолепные.

Внутренние ворота совсем близки, метрах в 20—25. Оттуда, из-за вала, раздаются звуки, что каждый из нас слышал, наблюдая работу косарей. Широко размахивая косами, по полю идут двое. Есть и косилка, но сегодня так много подопытных растений, что ей сквозь них не пробраться. И потом прогон за прогоном ложится срезанная трава. А косы такие же, наверное, как в начале века. Это неожиданно: только что мы видели самые современные приборы и машины.

Коса — и атом!

...Наверху, по гребню земляного вала, протянута тонкая проволока. Если кто-то вдруг попробует перемахнуть через земляной заслон, то непременно наткнется на этот почти невидимый проводочек. И там, в белом домике, из которого мы недавно ушли, раздастся сигнал тревоги, поднимая на ноги дежурного. Это ЧП — надо принимать срочные меры. Однажды так и было. Но когда дежурная служба с аварийной стремительностью отключила источник и заторопилась к башне, вокруг никого не оказалось. Лишь потом догадались: виноваты усевшиеся на проволоку вороны...

В самом центре стоит цилиндр — обхвата в три. Он и упрятал в своем свинцовом чреве небольшой, если сравнить с многослойной защитой, источник радиоактивного кобальта — материала, который в наше время меняет многие представления и в технике и в науке,— кобальта, на счету которого много добрых дел. Сам цилиндр в общем-то невелик — метра четыре высотой.

Согласно программе, по команде, посылаемой из того самого небольшого и тихого домика, выводится из свинцового заточения кобальтовая пушка и заливает все вокруг невидимыми и неотразимыми гамма-лучами. По 18 часов в сутки «светит» этот радиоактивный «прожектор». Но прежде чем выпустить его из укрытия, автоматика тщательно осмотрит все поле: не остался ли кто? А если зазевался, задержался хоть на минуту, то из-под кожуха, что возле ворот, вырывается звук пронзительной сирены и стелется по полю, перекатывается через земляной барьер: «Берегись!..»

...Скорее догадываемся, чем слышим: уши словно ватой заложило. «Запускаю систему!» Низкий, басовитый вой сирены снова заполняет все вокруг, забирается во все щели, повисает в жарком воздухе вегетационного домика. Торопливо шагаем к выходу. Проходим мимо ворот. Створки их медленно сдвигаются.

Под ногами чуть колыхнулась плита-порог, турникет снова щелкает. Один из нас уже в операторской и видит, как скачут в обратном порядке цифры. Три... два... один... Ноль! Оператор осматривает панель. Порядок. Через несколько секунд маленькое «атомное солнце» выползет из-за свинцового «горизонта» — кобальт из верхнего положения начнет опускаться к рабочему месту.

На «атомных делянках», как и всюду, где работают с атомом и изотопами, практически почти не может быть случайностей. Если хоть один человек окажется в зоне готового начаться облучения, происходит переблокировка всей системы и кобальтовая пушка не будет «стрелять», источник просто-напросто не опустится в рабочее состояние.

Конечно, его не видно, он там, внутри башни, прикрытый забралом из свинца, стали, чугуна. Но его размеренное, неторопливое движение с придирчивой педантичностью отмечается на центральном пульте: чередуясь, одна за другой, слева направо от таблички «Источник убран» до слов «Источник выведен» перемигиваются лампочки. За движением кобальта следят приборы. И когда он опускается совсем и замирает в отведенном ему конструкторами месте, все замирает на пульте и остается только одна, тревожно-красная лампа, хорошо видимая и в ярком свете дня и в вечернем полумраке. На пульте только этот красный сигнал.

Кобальт-60 бросает жесткие пучки своих невидимых лучей. Под их влиянием одни растения склоняют головы, чахнут, засыхают. А другие, напротив, набирают неведомую силу, стебель становится упругим, колос — крупным, яблоко — румяным.

...С вертолета эти двенадцать гектаров, засаженные и засеянные самыми разнообразными и порой причудливыми растениями, чем-то напоминают блюдо, расписанное художником, решившим испробовать все оттенки зеленого. И не только зеленого. Все цвета радуги перебывали на этом поле. Одни закрепились, прижились, другие сошли мгновенно — не понравились атому, не «сработались» с ним.

— Некоторые растения, подвергнутые облучению, начинают быстрее плодоносить. Значит, они быстрее стареют, не так ли? — вскользь замечает Зезюлинский.— А понимание процессов старения может привести и к разработке методов его предотвращения.

Возможности ядерных излучений неисчерпаемы, как сама природа. Выяснилось, например, что садовая земляника дает на этом поле нескудеющие урожаи. Разрослась, раскустилась земляника — только плоды помельче. Атом помогает земледельцу, привнося качественно новые свойства возделываемым растениям. На гамма-поле получены мутанты — в их числе устойчивый против болезней горох,

Пульт автоматизированного управления атомной нивой. Сюда поступают сведения о работе всех систем. Отсюда уходят команды оператора.

Кобальтовый «прожектор» смонтирован в этой башне.

В вегетационном домике собрано 2 500 растений, воспитанных на «атомной делянке».

У лаборанта Л. В. Гореловой свои заботы.

Владимир Михайлович Зезюлинский, хозяин «атомной фермы».

Внимание! Источник выведен...

Установка выключена... Ворота открыты...

лен, низкорослые томаты, словно взращенные специально для механизированной обработки. Они сами по себе хороши, эти томаты: крепкий стебель, яркие, сочные, вкусные плоды. Наивно, конечно, предполагать, что будут строить теплицы с кобальтовым «подсветом» — это дорого. Но как метод научного исследования, как селекционный прием — дело весьма перспективное.

Радиоактивное облучение имеет и стимулирующее действие. Пока это проблема, требующая дальнейшего изучения.

Зезюлинский приводит примеры «за» и «против», подчеркивая при этом: главное — получить материал для дальнейших исследований. Это основное. Авторитеты утверждают: «Не все... мутации полезны, наоборот, почти все они вредны. Секрет успеха заключается в том, что вредны не все, а только почти все... Из этих немногих полезных мутаций селекционер может выбрать наилучшие формы».

«Атомная» статистика свидетельствует: на тысячу полученных мутаций одна-две обладают благоприятным сочетанием признаков. Это немало. При использовании радиоактивных излучений повышается разнообразие форм исходного материала. С помощью атома создаются растения с хозяйственно полезными свойствами. Полученные, а затем отобранные опытом селекционера формы могут быть или размножены для производственного использования или — чаще — для дальнейшего скрещивания. Работа селекционера не терпит суеты, но и ей не повредит ускорение, обещаемое атомом.

На поле сотни растений. Каждое пронумеровано, на каждое заведен особый паспорт. Но, кроме подопытных, появилось много и таких, за которыми наблюдение снято. Вся территория «атомного заповедника» — сплошной сад. Розарий. Заросли жасмина. Шпалеры смородины. За оградой — кусты черноплодной рябины: осенью из нее варят варенье. Есть даже виноградничек — несколько лоз. У этих растений одна судьба. Когда-то они были помещены на атомное поле, в зону действия установки. Затем, после завершения опыта, их перевели сюда. И теперь, получив определенную дозу радиации, укрепившись ею, растут вовсю. Еще в декабре 1919 года академик Д. С. Рождественский говорил: «Мы и предугадать не можем, как преобразится жизнь человека в ближайшие десятилетия, когда загадка атома будет разгадана... Благо человечеству, если оно сумеет понять, что в этой работе источник его живых сил». Многие исследования, проводимые на гамма-поле, служат подтверждением этого философского, проникнутого заботой о человеке высказывания. Основной урожай «атомного поля» — исходный материал для исследования ученых. Самых разных. Включая палеоботаников и специалистов по эволюционной биологии.

Природа демонстрирует тут удивительные, пока до конца не объясненные примеры радиоустойчивости. Небольшие белые банки со льном буквально облепили башню, подвешены к ней и стоят вплотную, днем и ночью принимая «атомный душ». И хоть бы что! Или гладиолусы, береза, наша обычная российская береза — им тоже облучение нипочем! Зато бобы, горох — неженки.

Мы ехали по аллее, обсаженной тополями, обычными для средней полосы и пирамидальными красавцами, саженцы которых когда-то тоже были на гамма-поле. Их высадили расходящимся от атомной башни клином — острие возле самого стального конуса. Те, что росли на первых пяти метрах от источника, не перенесли атомного удара, погибли. Остальные закалились, хорошо росли и растут.

Неожиданны и результаты радиостимуляции, хоть ею и не очень увлекаются на поле. Все вокруг этой башни бурно, густо заросло сорняками. Клевер с крупными бутонами. Среди обычных розово-белых бутонов встречаются пурпурно-белые, с резкими цветовыми переходами. Это, говорят, влияние кобальтового излучения. Как-то появилась тут гвоздика, пожалуй, единственная в своем роде — коричневая.

* * *

В постановлении июльского Пленума ЦК КПСС отмечается важное значение дальнейшего развития научных исследований по сельскому хозяйству. Это полностью относится и к такому небольшому научному подразделению, каким является гамма-поле, занявшее небольшой участок подмосковной земли, каждое утро на котором начинается словами:

— Внимание! Эксперимент продолжается...

Мы веселились, как дети. Мы катались на колесе обозрения, крутились на карусели, качались на качелях, гонялись друг за другом на электрических автомобильчиках, вертелись на самолетах и ракетах до ряби в глазах. Причем все это в рабочее время! Нет, мы не нарушали трудовой дисциплины — просто нам было поручено редакцией окунуться в мир аттракционов и потом рассказать, чем он дышит, этот самый мир. Накатавшись до одури и настоявшись в очередях перед заборчиками-ограждениями, мы отправились туда, где аттракционы рождаются,— в город Ейск, на завод, который так и называется: «Аттракцион».

Мертвая петля за 10 копеек

РЕПОРТАЖ-ИНТЕРВЬЮ С ЛИРИЧЕСКИМИ ОТСТУПЛЕНИЯМИ И ПРОЗАИЧЕСКИМИ ВОПРОСАМИ.

Ю. КРИВОНОСОВ, А. БОЧИНИН

На заводе нас встретили радушно. И мы задали первый прозаический вопрос:

— Ну, как дела?..

— Дела у нас не так чтобы очень, но и не так чтобы уж совсем...— уклончиво ответил Анатолий Валентинович Шимановский, начальник технического отдела.— В этом году делаем аттракционы тринадцати наименований — от русских качелей до передвижных театров. В будущем году будем выпускать двадцать три... Большинство из них разработали у себя на заводе. Придумали и создали сами — от чертежа до серии.

— Кто же на вашем заводе придумывает новые аттракционы?

— Двадцать пять конструкторов техотдела. Мы единственное в стране предприятие, которое занимается разработкой и выпуском аттракционов. Сейчас нас заинтересовали электронные игровые автоматы. Но нам самим такая разработка не под силу. Пришлось заключить договор с Таганрогским радиотехническим институтом. К сожалению, свои новые конструкции мы не можем как следует проверить в эксплуатации. Отправили не так давно «Ромашку» в Ташкент, а как она там работает, не знаем. Есть у нас в Ейске, в парке культуры, площадка, где мы устанавливаем свои новинки, но они там и вполсилы не работают: посетителей мало. Парк расположен далеко от моря, а летом всех на пляж тянет. Зимой же, сами знаете, не сезон. Перенести бы нам все аттракционы на пляж, такая бы загрузка была! Но у нас для этого денег нет.

— А план выполняете?

— Вообще-то выполняем, но какой ценой! — продолжает разговор директор завода Павел Иванович Воронов.— Тут дело сложное. Предприятие наше как завод существует всего лишь одиннадцатый год. А до того был промкомбинат, а еще раньше — артель «Красный кузнец». В довоенные годы кому-то из бывших ее руководителей пришла на ум веселая идея. Привез он старую карусель, разобрали ее, посображали и стали делать сами. Так родился наш советский аттракцион. Читатель, который постарше, верно, помнит, как в парках появились и такие простенькие силомеры, вроде «Быка за рога» или «Ударь сильней». Человек лупил огромной деревянной кувалдой по пеньку, а вверх взлетала стрелка, и болельщики либо одобрительно гудели, либо хохотали, если удар был хлипкий. Аттракционы эти давным-давно состарились. Пришли им на смену «ракетопланы», «центрифуги» и прочие современные изделия Ейского завода. Но это все к слову говоря. А теперь насчет плана. За счет суббот да сверхурочных выполняем его. Продукция наша металлоемкая, порой в день уходит двести — триста, а то и восемьсот тонн металла. Обеспечивают же нас материалами плохо. Мы подсчитали: если только наладится снабжение, завод сможет в полтора раза увеличить выпуск продукции. Мы почти не получаем комплектующих изделий и все вынуждены делать сами, как в натуральном хозяйстве. А вы посмотрите хотя бы французские сталкивающиеся автомобильчики, что сейчас прокатывают в Москве на ВДНХ. Там детали чуть не со всей Европы собраны, а подшипники советские стоят! Мы же вот все сами...

И с реализацией аттракционов туго приходится,— продолжает директор.— Чуть не половину продукции реализуем без нарядов. Это значит, что коллектив целиком зависит от воли случая. За полгода покупатели отказались от аттракционов на сумму в триста восемьдесят тысяч рублей. Это наш месячный план.

— Значит, паркам не нужны ваши аттракционы?

— Да нет же... От желающих отбою нет, только денег они не имеют. Есть постановление, в котором прямо сказано: парки могут получать в банке ссуду. А банки отказывают: подумаешь-де, мол, веселая индустрия. И без нее обойдется народ. Вот и шлем мы по всей стране коммивояжеров искать «богатых» покупателей, таких, которым банк кредит даст на аттракционы. Есть такие.

— И этот кредит оправдывает себя?

— С лихвой. И быстро. И государству доход, и люди могут весело время провести.

— Вот у нас, например! — сказали нам в Рязани, куда мы поехали после Ейска, решив проследить путь аттракциона «в люди».— Источник основного дохода нашего центрального парка — аттракционы,— рассказывает Татьяна Ивановна Тренина, заведующая отделом культуры горисполкома.— Я приведу только две цифры: Зеленый театр за полгода дал прибыли 3 900 рублей, а одна лишь цепочная карусель — 7 тысяч! Сейчас в нашем парке тринадцать аттракционов. Скоро к ним прибавятся еще два: автодром и электромобили. Устанавливаем их. Это тоже проблема. Надо, чтобы Ейский завод имел бригады монтажников и ремонтников. Мы вынуждены монтировать аттракционы силами местных предприятий, а у них нет опыта. И арифметика при этом выходит плачевная. За электромобили мы уплатили заводу двадцать четыре тысячи триста двадцать рублей, а установка обошлась в тридцать тысяч!

— Судя по количеству аттракционов в вашем парке, банк вас поддерживает кредитом?

— В какой-то мере да. Но пока еще робко. Пытались мы обзавестись американскими горками, теми самыми, что в Америке называются русскими. Не вышло: банк отказал в кредите.

— А ведь аттракционы — это выгоднейшее дело,— продолжая рязанский разговор, говорит Алексей Сергеевич Веселов, заместитель начальника «Росткультпромсбыта» главного управления Министерства культуры РСФСР.— И не только в деньгах выражается та выгода. Смех — это здоровье! Широкое распространение игральных автоматов поможет молодежи научиться водить автомашину, решать шахматные задачи, проверять свои знания, скажем, в грамматике, следить за своим весом: автомат подскажет вам, на сколько нужно по-

Карпатская рапсодия

Курит трубку человек
У резной гуцульской хаты.
Исподлобья, из-под век
Смотрит нежно на Карпаты.
От ветров густая сеть
Мелколесья стала реже.
В чаще топчется медведь,
Ладит угол свой медвежий.
Туча, падая в залив,
Мутит воду понизовья.
Щеки лопаются слив,
Брызжут соком полнокровья.
Вечереет... Серебря
Горизонта хвост павлиний,
Вьется иней сентября —
Первый иней, ранний иней.

ЯРЕМЧИНСКИЙ ВОДОПАД

Слоистых,
Скальных нор нагроможденье,
Как будто
Рыли их
Гигантские кроты.
Я здесь почувствовал
Всю глубину паденья,
Всю беспредельность
Взлета высоты!
Как падший ангел,
Рвался я из ада
Кипящих волн
К восходу,
В небеса...
И сосны,
Словно крылья водопада,
Несли меня
Сквозь горы
И леса.

ЛЕГЕНДА О ВЛЮБЛЕННЫХ

В теснинах скал,
Столетьями граненных,
Где не смолкает гул
Гремучих вод,
Прекрасная легенда
О влюбленных,
Как горная волшебница, живет.
Когда, с лица
Смахнув заботы тени,
Приходит путник
К лону мирных трав,
Она к нему
Садится на колени,
Усталый стан
Его полуобняв.
Как плеск волны,
Как ветра трепетанье,
Как оброненный
С кручи бубенец,
Звучат, лаская
Путника вниманье,
Слова ее
Про верность двух сердец.
Их разлучали
Люди-вурдалаки,
Ромео и Джульетту
Горных лоз.
В тревожном
Предрассветном полумраке
Они взошли, обнявшись,
На утес,
Решив, что смерть
Для них
Милей разлуки,
Что жизни их
Прочитана тетрадь,
Готовые любую
Боль и муки
Во имя, в честь
Любви своей принять.
В последний раз
Река на них глядела,
Когда влекла их
Пропасть все сильней.
Мелькнув, как птицы,
В воздухе,
Два тела
Недвижно распластались
Меж камней.
Замшелый крест,
Как память
Мрачной даты,
На этом месте
Врезан в постамент.
Сняв шапки туч,
Стоят вокруг Карпаты —
Хранители сказаний
И легенд.

НА ВЫСОКОЙ ПОЛОНИНЕ

Пожелтел узор садов.
Пар клубится по долине.
Гаснут запахи цветов
На высокой полонине.
Замедляет бег река,
Огибая камнепады,
Льется гулко, как строка
Героической баллады.
Мимо ясеней в росе,
По лугам, где дремлют травы,
Мчит ракетою шоссе
К плесам дальней переправы.
Терпкий холод ежевик
Вяжет губы, колет десна.
Неба серый дождевик
На холме надели сосны.
Бронзой кованы стволы,
Охрой мечены вершины.
В стороне стоят волы,
Жмых жуют с автомашины.

НАД ЩЕБНЕМ ЛИНИИ АРПАДА

Как розовый хрусталь,
Звенит над Тиссой воздух.
В вечернем небе
Беркута зигзаг.
Иршавский луг
В цветах,
Подобных звездам.
В гуцульских
Скальных, дымчатых лесах
Висячий мост
Застыл у водопада,
Как серый конь,
Поднявшись на дыбы
Над мокрым щебнем
Линии Арпада,
Испепеленной
Мужеством борьбы.
Сойдя с горы,
В волнении глубоком
Стоят над крутояром деревца.
Где глины срез
Лежит кровоподтеком,—
Там стыла кровь
Советского бойца.
Он заплатил
Той кровью за красоты
Селений, окруживших водосток,
За нашу жизнь,
За горные высоты,
За каждый камень,
Куст и лепесток.
Смолкает, гаснет
Воздуха звучанье
Над Тиссой,
Напряженной, как струна.
Погибших сон
Минутою молчанья
Почтить, как мать,
Готовится она.

правиться или похудеть... И потом, если в парках будет много интересных аттракционов, то дети непременно потащат туда родителей. И пусть лучше у иного папаши голова закружится на карусели, чем от чего-то другого.

Есть тут и свои проблемы. Вот, скажем, география аттракционов. Тут следует учитывать специфику города, района. В Нижнем Тагиле мы установим игральный автомат «Оператор прокатного стана», а, скажем, в Донецке — «Оператор угольного комбайна». Представляете, с каким веселым интересом посмотрят люди на «работу» своего коллеги и приятеля!

И еще одна проблема. Сейчас появляются такие высокоскоростные и перегрузочные аттракционы, что не каждого можно к ним допустить. Нужно изучить, какая «доза» катания допустима. Мы же к этому только подступаем, нам нужна своя научно-исследовательская база и учебные заведения для подготовки кадров. Уже есть решение коллегии нашего министерства о создании специального конструкторского бюро, пока же мы пользуемся услугами студенческих конструкторских бюро. А потребность в аттракционах огромная. В стране ежегодно открывается около сотни новых парков. Вот и прикиньте. Кроме того, нужно учитывать, что старые игорные автоматы надоедают да и снашиваются со временем. Решено еще три завода перевести на производство аттракционов: кроме Ейска, их будут делать в Краснодаре, Зуевке и Астрахани. Сейчас мы большое внимание уделяем передвижным комплексам. Это автопоезд, который везет с собой и веселые машины, и кино, и библиотеку, и артистов, и культработников. Такой культурный центр на колесах можно направить в любой поселок, на полевой стан. Ведь мы занимаемся не только аттракционами.

— А мы единственная в стране организация, которая занимается непосредственно только аттракционами! — принял эстафету управляющий всесоюзным объединением «Союзаттракцион» Министерства культуры СССР Ю. Л. Домогаров.

— Тогда скажите, сколько аттракционов требуется в нашей стране?

— Двадцать пять тысяч. Это только для парков, подчиненных министерствам культуры. Подсчитать потребности — дело не очень сложное, хотя мы организация совсем еще молодая. Куда труднее создать необходимую материальную базу. Пока еще у нас нет опыта, специалистов. Сейчас устанавливаем деловые контакты с зарубежными фирмами. В будущем году проведем в Москве международную специализированную выставку аттракционов. Уже есть договоренность об участии фирм Италии, Японии, ФРГ и Франции. Вероятно, представят свою продукцию и фирмы Англии, США. Из социалистических стран наибольшее внимание развитию индустрии развлечений уделяет Чехословакия. Там организовано объединение «Паркцентрум», родственное нашему. Для разработки новых аттракционов создан проектный сценографический институт. Мы связаны с ним и планируем совместный выпуск новых аттракционов. Сейчас они, если можно так выразиться, прокатывают у нас в Сочи и Риге два луна-парка. И очень успешно. Недавно в Москве в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького мы на паях с «Паркцентрум» открыли зал игорных автоматов. Выручка бара «Времена года», при котором работает этот зал, тут же подскочила вдвое. Аттракционы, я имею в виду, конечно, хорошие, весьма доходны. Например, в США американский картовый автомобильчик стоит 500 долларов, аттракцион из двенадцати таких машин при половинной загрузке дает за день 540 долларов. Убыточных парков нет ни в одной стране. И только пренебрежительным отношением к аттракционам можно объяснить то, что все наши парки, кроме рижского, убыточны!

Надо создавать новую отрасль индустрии. Между тем наше всесоюзное объединение пока что не имеет ни проектного института, ни

Геннадий БУРАВКИН

В чистой деревенской синеве

* * *

Это в Белоруссии издревле:
Все поэты
родом из села.
Лапотная, сивая деревня
Некогда Купалу родила!

И хоть нет былого и в помине —
Городам сегодня несть числа! —
А поэты все-таки и ныне
В города приходят
из села.

Видно, это нужно для зачина,
Чтоб над русой детской головой
Прошумел веселый май грачиный
Чистой деревенской синевой.

Видно, нужно, чтобы к струнам
песни
Прикоснулись,
пробуждая их,
Ветры бора,
ветры поднебесья
И смычки травинок полевых.

Видно, нужно, чтобы полной
мерой
Полем надышался паренек,
Чтобы был с космическою эрой
Сопряжен ручей и василек...

* * *

Подвода катит через площадь.
Испуг на морде у коня.
А вслед за ним —
«Смотрите, лошадь!» —
Гурьбою мчится ребятня.

Мелькают смуглые колени,
Глаза восторженно горят
И с первородным удивленьем
На диво дивное глядят.

Вознице на подводе тряской
Не догадаться нипочем,
Что конь его чудесной сказкой
Явился в шуме городском.

Он, окруженный малышами,
Перед орудовским постом
Копытом бьет,
стрижет ушами
И машет стриженым хвостом!..

И я невольно рассмеялся,
Недавнюю припомнив быль:
Как я стремглав
к дороге мчался,
Чтоб увидать
автомобиль!..

* * *

Сколько б нам за жар-птицей
ни гнаться сквозь все непогоды,
Все равно мы однажды
вернемся в родное село,
Где в далекие годы,
в счастливые юные годы,
На царя-журавля мастерили
силок.

Солнце тихо за старые хаты
садится.
У калиток рябины червонные
гроздья зажгли.
У соседа в саду
колокольчики сытой синицы...
Недоступные,
в небе
курлычут
мои журавли.
Журавли!
Журавли!
Я иду по заглохшим тропинкам,
Я аукаю вам —
откликается эхо в лесах...
В синеве — паутинка.
В траве — паутинка.
Паутинка — в моих волосах...

* * *

Язык галактик мы понять
стремимся...
Но кто мне скажет,
шепчутся о чем
Березки в поле,
сосны у тропинки,
Серебряные ивы над ручьем?

Кто расшифрует трубный зов
оленей
И трели соловьиные в тиши?..
О, сколько сокровенных
откровений
Еще сокрыто от моей души!

Плач перепелки... Шелесты
соцветья...
Колокола озерные во мгле...
Мы слушаем далекие созвездья!..
Понять бы всех,
кто рядом
на Земле...

* * *

Шепчут клены возле хаты,
Что до осени — немного...
Я же все спешу куда-то
От родимого порога.

И не то чтобы транжирю —
Не считаю дни и ночи.
С каждым годом — жизнь все
шире!
С каждым днем — она короче...

Но на сердце, как ни странно,
Нет и тени сожаленья,
Что потухшими кострами
Стали жаркие поленья.

Только грусть порой охватит,
И почувствуешь тревогу,
Что дорогу к отчей хате
Забываешь понемногу.

Я иду на зов лосиный,
Я к борам родимым еду...
И за мною сине-сине:
Васильками дни по следу...

* * *

Мы не находим песен
дома...
И часто стих заветный свой
В краю мы ищем незнакомом,
Под сенью пальм или секвой.
А там,
где спали в колыбели,
Где наши матери живут,
Растут березоньки и ели,
Кувшинки желтые плывут.

Но мы поверили наивно,
Что станут нам
нужны потом
И бор грибной, и цвет на иве,
И ясный месяц над прудом.

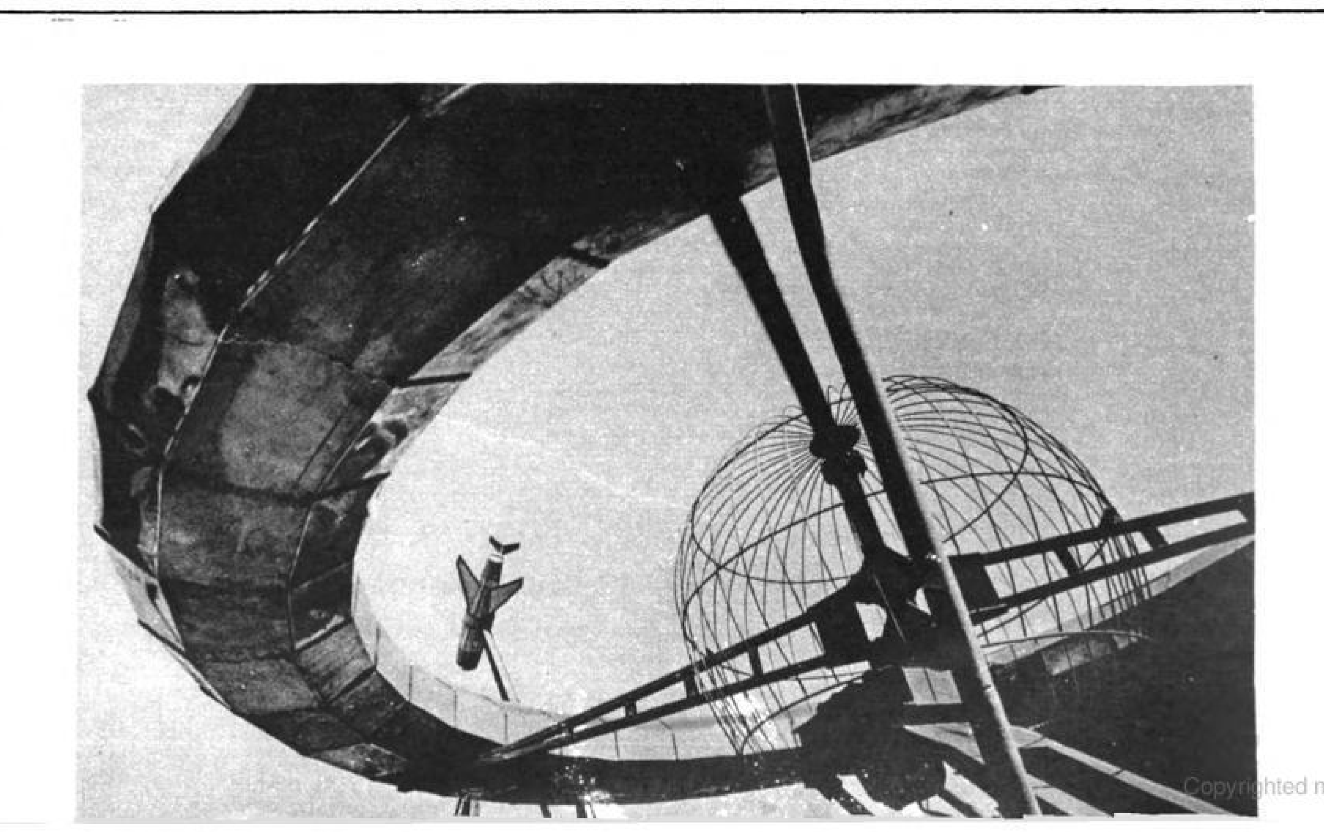
Куда-то торопливо катим,
Чужие топчем большаки...
А песни ждут
в родимой хате,
У теплой маминой щеки.

Перевел с белорусского
Валентин ТАРАС.

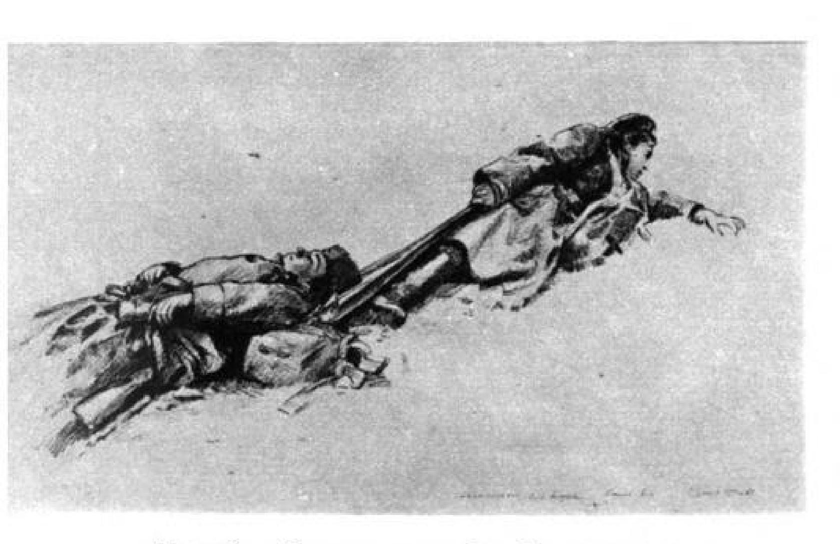
центрального конструкторского бюро, нет даже экспериментальной производственной базы. А дело надо ставить широко, освобождаться от кустарщины и создавать настоящую индустрию развлечений.

И последний вопрос, скорее всего, полемический, к Министерству культуры СССР.

«Роскультпромсбыт» имеет свою производственную базу, но, кроме аттракционов, занимается многими другими вопросами. «Союзаттракцион», наоборот, никакой базы не имеет, но явно претендует на роль объединителя всех усилий на пути аттракциона к людям. Тем более, что и создан-то он исключительно для этой цели. Так не передать ли ему все бразды правления: и научные, и технические, и производственные, и, конечно же, организационные? Пусть он и координирует все силы, ведь на то он и «всесоюзное объединение». Чтобы люди могли весело отдыхать в наших парках, отлично оборудованных развлекательными машинами.

Т. ДОСТУПОВА-КАРАВАЕВА

Поле боя. Санинструктор Оля Ершова. 1943 год.

Художница в шинели

«Я знала, что уйду теперь на войну, что нет такой силы, которая остановила бы меня. Участвовать в великом общем движении, выполнять любую работу для армии — все равно какую, лишь бы быть рядом с солдатами — и, если возможно, рисовать походы по живым следам!» — эта запись в дневнике молодой художницы Софьи Урановой появилась в первые дни войны. Все, что к этому времени она, ученица М. В. Нестерова и П. Д. Корина, успела сделать: несколько портретов, пейзажей и натюрмортов,— показалось ей сейчас всего лишь подступом к главному.

Почти год спустя после многочисленных просьб, рапортов попала Софья Сергеевна на фронт. Вместе с солдатами художница видела и испытала все, что испытывает человек на переднем крае. Но еще и ни на час не расставалась с карандашом, походным альбомом для эскизов и с дневником.

— Когда я рисовала, все другие чувства — страх, усталость, грусть — отступали: с ними просто нельзя да и некогда было считаться,— вспоминает Софья Сергеевна.

Фронтовые альбомы художницы хранят более 200 рисунков с натуры и множество замыслов картин, портретов героев сражений.

...Февраль 1943 года. Вьюга, бездорожье, мороз. «Утром,— записывает художница в дневнике,— как только двинулись вперед и выехали в открытое поле, с трудом могли определить направление большака. Первое орудие застряло в снегу и завалилось набок... Слышу, майор Гайдель кричит издали:

— Где же Уранова? Где художник? Пусть рисует скорее, пока стоим, батарею на марше!»

На ветру и морозе, от которого коченели пальцы, сделала Софья Сергеевна один из первых своих фронтовых рисунков — «Батарея на марше».

«Завтрак на батарее». Расположившись на траве, по-крестьянски обстоятельно едят солдаты. Пейзаж почти мирный: нежная зелень травы — она зримо ощущается, несмотря на черно-белые тона рисунка,— белоствольe берез. И лишь колеса гаубицы да военная форма людей говорят сами за себя.

«Поздно вечером, когда взошла луна, в нашей землянке собрался народ, пришел старший лейтенант А. П. Бенедиктов и долго играл на гитаре. Бойцы любят слушать его!» — описала тот фронтовой вечер Софья Сергеевна в дневнике, а в альбоме появился рисунок «Ночь в землянке».

«Идут тяжелые, решительные бои за Днепр,— читаем мы дневниковую запись, относящуюся к осени 1943 года, когда 12-я Гвардейская дивизия после боев на Курской дуге, участия в освобождении Орла, а позднее Чернигова вышла к Днепру.— Мы в Смолеговке, в нескольких километрах от Днепра. В помещении школы много раненых. Ждут эвакуации. Есть возможность зарисовать... Пришла женщина из прифронтовой деревни, бедно одетая, почти в одних опорках, принесла кринку молока... Застенчиво, с глубоким уважением ставит она ее на нары, где сидят раненые.

Я спросила, к кому из этих солдат она пришла.

— Милая! Никого я здесь не знаю... У меня у самой двух сынов убило,— сказала она тихо, и слезы текли по ее щекам...»

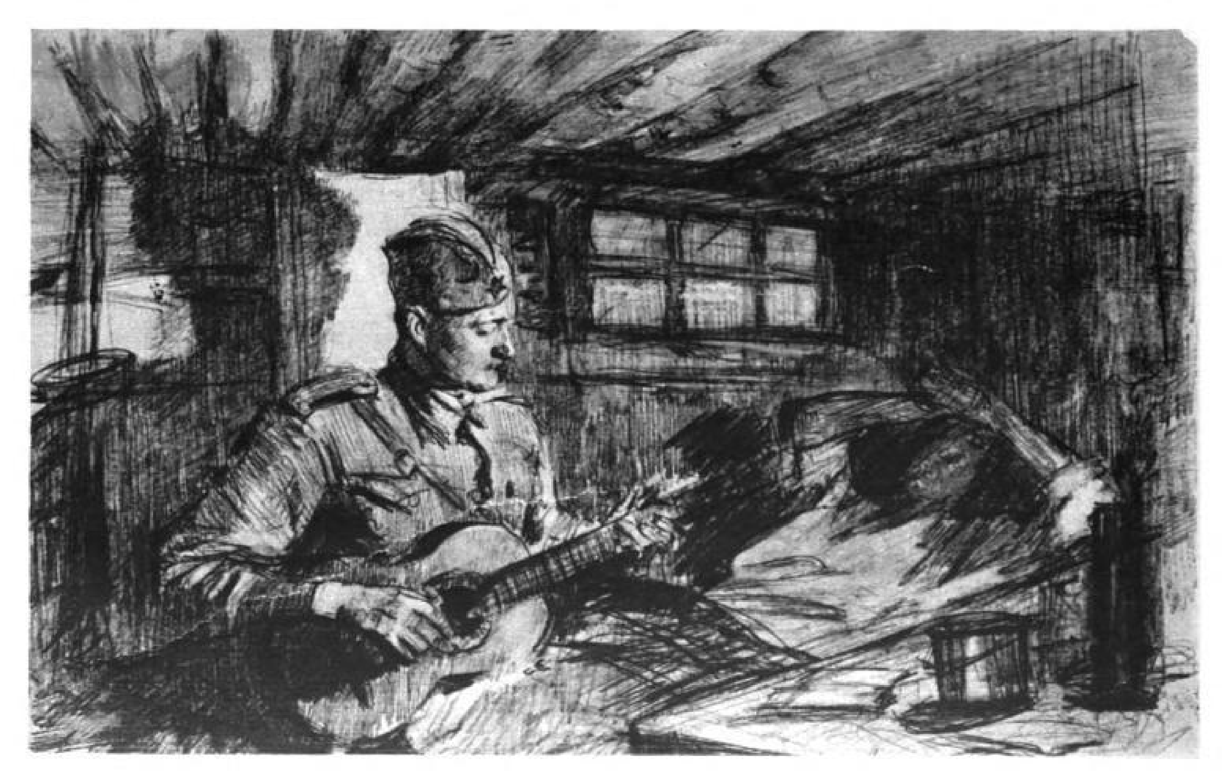
Этой встречей и был навеян рисунок «Они форсировали Днепр».

А сколько их было, таких встреч! Вот еще одна.

Зима. Белоруссия. 1944 год. «Напротив нашей избы взорванная хата. Как будто кто наступил на нее гигантским сапогом и раздавил, как спичечную коробку. В то время, когда я делала зарисовку, к бывшей усадьбе подошла женщина и с ней сынишка. Она остановилась и долго-долго молча смотрела на мертвый остов родной хаты».

Рисунок, запечатлевший эту окаменелую в немой скорби женщину и названный «Отчий дом», словно требует: «Люди, не дайте этому повториться!»

Все ближе победа. Летом 1944 года после освобождения Бреста 12-я Гвардейская дивизия совершает пеший переход Брест — Белосток. Плечом к плечу с пехотинцами шагала и художница. В районе Бреста повстречались с телегами, везущими раненых. В лежащем почти без чувств офицере Софья Сергеевна с трудом узнала молодого комбата из своей диви-

Ночь в землянке. Старший лейтенант А. П. Бенедиктов.

зии Героя Советского Союза Василия Ивановича Акимова.

— Вот без ноги остался... Нет ноги...— еле слышно проговорил капитан, узнав художницу. Она проводила его до медсанбата и во время операции, стиснув зубы от боли душевной, сделала первый набросок рисунка: «Герой Советского Союза капитан В. Акимов тяжело ранен».

— Но представьте себе, капитан-то жив! — с радостью говорит мне Софья Сергеевна.— После войны кончил Институт внешней торговли, побывал во многих странах.

Сама художница закончила службу в Советской Армии на берегах Эльбы, вернулась домой с орденом Красной Звезды и тремя медалями. После войны Софья Уранова особенно много и увлеченно работала над портретами.

Недавно Софья Сергеевна закончила большую — более двух метров в длину — картину «Солдаты. Отдых в пути».

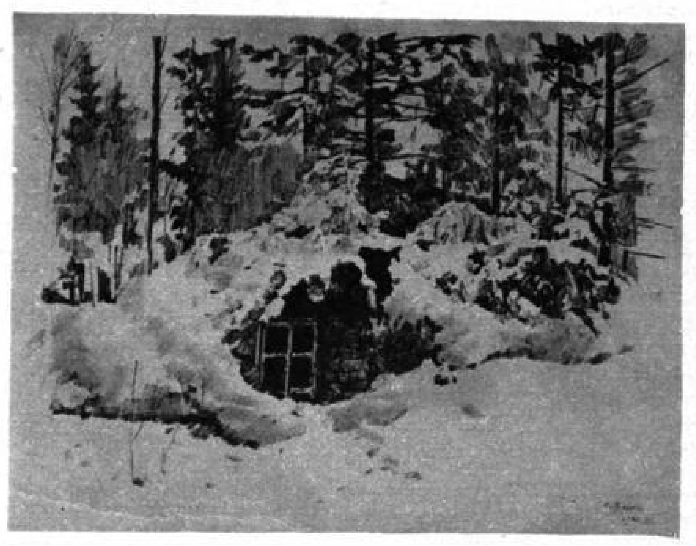
— Персонажи моей картины не плод творческого воображения. В ней изображены мои боевые товарищи, с которыми я прошла дорогами войны,— рассказывает Софья Сергеевна.— Солдат на переднем плане — Василий Михайлович Павлов. Рядом с ним боец нашего расчета Иван Григорьевич Колесов. Молодой, тот, что не спит, капитан — это Володя Черноусов, геройски погибший в боях. В профиль виден наш радист, старшина, ныне здравствующий Слава Семин. Девушка-санинструктор, тоже наша однополчанка Зоя Корнеева, сейчас она сотрудник одного из научно-исследовательских институтов Воронежа.

Да и сама тема картины — отдых солдат — родилась на дорогах войны зимней ночью сорок третьего года в полуразрушенной хате русской деревни Карлово. Я записала тогда на память: «С головы до ног занесенные снегом входят в избу солдаты. Страшно смотреть, как они идут, и идут безмолвно один за другим, озябшие, измученные... Как подкошенные, валятся на пол и засыпают мертвым сном... Всю ночь я делала рисунки, к рассвету задремала...»

Фрагмент картины «Солдаты. Отдых в пути». 1943—1970 годы.

Письмо на родину. Комбат Романов. Переход Брест — Белосток, лето 1944 года.

Наша землянка зимой. 1942 год, деревня Чернышино.

С фронта на фронт. В эшелоне. Санинструктор Нюра Шебалина. Белоруссия, 1944 год.

К 175-летию со дня рождения К. Ф. Рылеева

Владимир ДРОБЫШЕВ

„Поклонник пламенный добра...“

. Пять профилей под созвездием Большой Медведицы, под ними плаха и топор — обложка «Полярной звезды» А. И. Герцена. Силуэты декабристов, казненных 13 июля 1826 года на плацу кронверка Петропавловской крепости в Петербурге. Она воспроизведена во всех учебниках истории и каждому знакома с детства. Вторым после пехотного полковника Павла Ивановича Пестеля изображен отставной подпоручик Кондратий Рылеев, один из духовных вождей Северного общества, поэт и пламенный гражданин. Кондратий Федорович Рылеев обвинялся в том, что «умышлял на цареубийство, назначал к совершению оного лица, умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуготовлял к тому средства; усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приуготовлял способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинять манифесты о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приуготовлял опасные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь». Так гласило царское обвинение, по которому поэт был «поставлен вне разрядов» и приговорен к смерти. Ему шел тогда тридцать первый год. Когда сегодня вы услышите или запоете сами давно ставшую народной песню о Ермаке, вспомяните и автора ее слов...

...В 1795 году в сельце Батово, Петербургской губернии, в родовой усадьбе небогатого дворянина екатерининских времен отставного подполковника Федора Андреевича Рылеева и супруги его Анастасии Матвеевны, урожденной Эссен, родился сын Кондратий. Сразу после окончания кадетского корпуса Рылеев выступил с бригадой, в которую был зачислен, в заграничный поход. Прошел с русской армией всю Германию и Швейцарию, сравнительно долго жил в оккупированном союзниками Париже. Впоследствии на допросе Рылеев показывал: «Свободомыслием заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оное постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов...»

Но не только заграничные походы пробудили «свободомыслие» поэта-декабриста. Отечественная война 1812 года для многих мыслящих людей того времени явилась ключом, открывшим перед ними народ как источник великой нравственной силы. Война эта дала примеры всеобщего народного патриотизма, заставила передовых дворян уважать народ, еще более подчеркнула контраст между могучими силами народными и бесправной жизнью его. Просвещенное общество России стало понимать пагубность крепостного права не только для народа, но и для благополучия государства. Отличавшийся чувствительным и пытливым характером, Рылеев не мог не видеть противоречия между великой исторической миссией русского народа, освободившего Европу, и тем состоянием России, при котором народ-освободитель сам оказывался рабом чиновников и помещиков.

Рылеев рано начал писать стихи. Одно из первых напечатанных его стихотворений сразу сделалось широко известным и популярным. Это была сатира на всесильного Аракчеева, появившаяся в 1820 году на страницах «Невского зрителя». Это выступление поэта стало и актом гражданского мужества, началом политической деятельности Рылеева, показавшего современникам пример того, как говорить истину, не опасаясь преследований:

Твои дела тебя изобличат народу:
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...

Выдающиеся достоинства личности Рылеева, его высокие нравственные принципы привлекли к нему внимание участников тайного Северного общества. С разрешения Думы Пущин ввел в общество Рылеева. С того времени, с 1823 года, деятельность заговорщиков заметно оживляется. В этом была немалая заслуга Рылеева, ибо для него служение интересам народа и страны было главным делом жизни, высшим проявлением общественного долга. Товарищи его отмечали крайне доверчивый характер Рылеева, ценили его верность и преданность в дружбе, восхищались его непримиримостью к несправедливости и лжи. Не тщеславный и не красноречивый, Рылеев покорял собеседников силой внутренней убежденности в правоте начатого дела, страстностью и чистотой помыслов своих. Он яснее многих своих единомышленников понимал опасность пути, выбранного им без колебаний, решительно и бесповоротно. Все силы своего ума, сердца и таланта отдал поэт делу освобождения народа. Вскоре вместе с князем Оболенским и Никитой Муравьевым Рылеев становится во главе движения.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг, недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

Эту любовь к общественному благу поэт нес в сердце своем как яркую путеводную звезду.

В 1821 году Рылеева принимают в Вольное общество любителей российской словесности, а еще через два года избирают действительным его членом. В 1823 году поэт вместе с другом своим А. А. Бестужевым начинает выпускать альманах «Полярная звезда».

Рылеев-поэт не менее прямой, страстный и открытый, нежели Рылеев-гражданин. С 20-го года стихотворения его появляются регулярно на страницах столичных журналов. В 1822—1823 годах написана большая часть его «Дум». В них чувствовалось хорошее знание поэтом русских летописей и весьма популярной «Истории государства Российского» Карамзина. Герои «Дум»—выдающиеся деятели прошлого: Олег Вещий, Святослав, Ермак, Иван Сусанин, Дмитрий Донской, Михаил Тверской, Петр Великий, Богдан Хмельницкий... Все они ведут борьбу с врагами своей родины. В призыве к борьбе за свободу видел поэт-трибун смысл жизни.

Он приводил слова польского литератора Немцевича: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине; ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета...»

Столь искренни и чисты были чувства поэта, выраженные в «Думах», что и сегодня волнуют нас строки из «Ивана Сусанина»:

Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит.
. . . .
Кто Русской по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!

Рылеев явил собой первого в истории русской словесности поэта-гражданина, страстного защитника народной свободы.

Его стихотворение-призыв «Гражданин» показывает, что поэт был не просто вождем движения, но страстным трибуном всех передовых сил русского общества. «Я не поэт, а гражданин»,— писал он своему другу. Он и Пушкину повторял это: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин». Через тридцать лет после гибели Рылеева эту мысль почти дословно повторит Некрасов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Огромной была популярность рылеевских «Дум», поэмы «Войнаровский», вышедшей в 1825 году отдельным изданием и вызвавшей добрый отклик Пушкина, отрывков из неоконченных поэм и особенно «Исповеди Наливайки». Количество списков было бессчетным, несмотря на то, что после казни поэта его произведения были под запретом, не издавались и даже имя его упоминать не разрешалось. Почти с биографической точностью говорил он о своей близкой судьбе:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла...

Да, его ожидала мрачная судьба. Она была предрешена Николаем I в первые же часы после подавления восстания.

День восстания и последние месяцы жизни рисуют перед нами образ человека стойкого, мудрого, искреннего и прямого, каким Рылеев и был всегда. Он ушел с Сенатской площади задолго до разгрома восстания, ибо видел неорганизованность и бесперспективность выступления. В смятенных чувствах бродил он несколько часов по улицам Петербурга, словно навсегда прощаясь с городом.

Около восьми часов вечера его арестовывают и сразу привозят в Зимний дворец для предварительного допроса, а в полночь он уже доставлен в Петропавловскую крепость с личной инструкцией Николая I коменданту крепости Сукину. Инструкция была соблюдена, и Рылеев стал узником каземата № 17 Алексеевского равелина. Здесь провел он все шесть месяцев следствия.

3 июня 1826 года следствие закончилось. Назначенный императором Верховный уголовный суд приступил к работе. В числе пятерых, «осужденных к смертной казни четвертованием», оказался и поэт Кондратий Рылеев. 11 июля суд заменил четвертование повешением. 13 июля между четырьмя и шестью часами утра Рылеева вместе с другими приговоренными ведут к виселице мимо строя войск. На груди каждого — надпись: «Злодей, цареубийца». После напутствий священника приговор приводят в исполнение.

«Придет время,— убежденно утверждал Огарев,— история скажет, насколько эти люди составляли родоначальный исток широкого развития нашей будущности».

У истоков этой будущности был и поэт-гражданин Кондратий Федорович Рылеев.

НОВЫЙ СИЛУЭТ МТАЦМИНДЫ

Придется менять на рекламных марках привычный силуэт Тбилиси. Вершина горы Мтацминда с маленьким восклицательным знаком — телебашней. Строится другая башня, на сто метров выше. И будет она походить на трехгранную асимметричную пирамиду. Одна «грань» пирамиды вертикальная, две другие — под разными градусами к ней.

Это довольно сложное сооружение, спроектированное «Укрпроектстальконс т р у кцией», возводят руставские монтажники. Два здания будут возвышаться на 277-метровой пирамиде: одно на 71-м метре от фундамента, другое — на 155-м метре. Все расчеты конструкции производились с помощью кибернетических машин.

И. МЕСХИ

На снимке: монтажники Руставского управления треста «Южстальконструкция» сооружают новую телебашню на горе Мтацминда в Тбилиси.

Фото М. Квирикашвили.

ЛЮДЯМ НА УДИВЛЕНИЕ

Старые улочки индустриального Рыбинска очаровывают не только своими названиями: Ключевая, Родниковый переулок... Идешь по ним, словно по роскошной тенистой аллее, и не перестаешь удивляться. По-праздничному, широко раскрытыми глазами окон глядят на тебя дома, разукрашенные руками искусных мастеров. У каждого дома цветные наличники. Узоры напоминают нежнейшие кружева.

Захотелось узнать имя хоть одного мастера. Обходим дом за домом. Но ответ повсюду один: «Мы приезжие, лет двадцать — тридцать всего здесь живем. Вот купили такой чудесный дом и бережем его».

И только встреча с Марией Васильевной Зубановой, симпатичной, доброй старушкой, вносит ясность: «На нашей улице все наличники мой муж делал». Давно нет в живых Алексея Васильевича Зубанова, зато его сыновья Николай и Василий, потомственные плотники, увлекаются резьбой по дереву. И их сосед Вениамин Быков тоже искусный резчик. Искусство отцов передано в надежные руки.

У рыбинских мастеров свой стиль. В центре многих наличников изображен круг — символ солнца, а вокруг него всякие сказочные существа.

Фотокорреспондент «Рыбинской правды» В. Архаров сфотографировал один из старых домов. Орнамент здесь напоминает работу опытных кружевниц. Стоят такие дома людям на удивление и делают улицу солнечной, светлой даже в пасмурный день.

К. ХРОМОВА,
сотрудница газеты «Рыбинская правда»

Фото В. Архарова

●

ЧТО ЧИТАЛИ ПРЕДКИ

Древний Вильнюс. Старые кварталы. Толстостенные, почти безоконные дома. Внутренние дворики, мощенные булыжником и плитами. Костелы один возле другого. И среди них центральный корпус Государственного университета имени В. Капсукаса. Университет — патриарх среди советских собратьев. И еще старше самого университета его библиотека, которой в эти дни исполняется четыреста лет. Это одно из крупнейших в стране книгохранилищ: основной его фонд — два с половиной миллиона томов. Гордость библиотеки — богатейшая коллекция рукописных, древних и старых изданий.

...Торжественно и щедро расписанный известным литовским художником Смуглявичюсом зал. Здесь бывали фельдмаршал Кутузов и император Наполеон. Здесь вручали диплом Адаму Мицкевичу... Сейчас во всю длину сводчатого зала стоят узкие столы-саркофаги и громоздкие, как троны, с высокими резными спинками стулья. Под стеклом, прикрытым от света зеленым сукном, лежат книги. Небольшая книжица в тисненом кожаном переплете. На титуле типографски набрано, что издана она «в Вильно, працею доктора Франциска Скорины, лета 1525 месяца марта в 9 дне». Это «Апостол» — один из четырех экземпляров первой русской книги. Ведь Вильнюс — первый город на территории нашей страны, где было начато печатание славянских книг. Лежит тут же знаменитая Грамматика Мелетия Смотрицкого, воспитанника Академии (так первоначально назывался университет). Написал Грамматику и напечатал ее он в Вевисе, в 38 километрах от Вильнюса. А на другом столе Атлас Птолемея, в котором нет еще ни Америки, ни Австралии; работа Коперника о движении небесных тел; произведения Петрарки; гравюры «Нюрнбергской хроники», изданной в 1493 году. Здесь хранится 310 бесценных инкунабул — первых печатных книг.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

КЛУБ ПОДВОДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Мировой океан таит в себе значительно больше богатств, чем суша. Поэтому в Советском Союзе, как и во всем мире, создаются проблемные подводные лаборатории, организуются экспедиции аквалангистов.

В Чукотском море биологи обследуют плантации морской капусты, в Японском и Охотском морях геологи разведывают полезные ископаемые, на островах Попова ихтиологами организована добыча трепангов, многочисленные поисковые экспедиции на Черном море проводят подводную геологическую съемку побережий для инженерно-строительных сооружений...

Но где взять столько специалистов-подводников? Эту новую профессию осваивают члены единственного пока в СССР подводного клуба «Дельфин».

Любой специалист, успешно закончивший школу подводного плавания в Москве, направляется на лето в Крым для тренировки в условиях Черного моря. Опытные инструкторы подбирают здесь составы будущих экспедиций.

Профессия подводника необычайно популярна среди молодежи. Только в Москве ею овладевают ежегодно более 1 000 человек.

Н. ХЛЕБОДАРОВ

Студентка Московского кооперативного техникума Лидия Растащенова и научный сотрудник Юрий Малюшин — опытные подводники.

Фото автора.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Вечности юный лик

ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА

Самарканд... «Жемчужина Востока». «Сияющая точка Земли». Двадцать пять столетий — твой путь к солнцу славы. Двадцать пять веков истории древнего города — дорога великих испытаний, падений и взлетов. Едва ли какой другой город планеты перенес столько часов ужаса и скорби. Но, пожалуй, мало найдется мест на нашей старой земле, где так ярко сияли бы вершины поэзии, науки, зодчества. Сквозь гарь битв и чад пожарищ сверкают звезды имен Улугбека и Навои. Сквозь тьму веков на стенах храмов и мавзолеев пылают имена великих зодчих и мастеров Фахри-Али, Абул Джаббара, Бареддина, Шамседдина и других.

Исстари говорят, что каждый город имеет свое лицо.

Самарканд... Высокое чело мудреца изборождено глубокими морщинами. Тысячи бед оставили свои заметы на бронзовом лике. Ярким, нестерпимым огнем горят бирюзовые глаза. Юные. Бездонные, как лазоревое небо Азии. Колдовские, как сказки Шехерезады. Мудрые и добрые, как твой народ.

Можно изъездить весь мир. Увидеть пирамиды и улыбку сфинкса. Услышать ласковое пение ветров Адриатики и преклонить колени у мраморных руин Акрополя. Вас может ослепить Рим, его Форум и Колизей. Очаровать Нотр-Дам де Пари и древние соборы Милана и Кельна, Кордовы и Праги. Но побывайте хоть единый раз в Самарканде! И никогда вас не покинет колдовство его чар. Всегда будет звучать в сердце пение бирюзовых труб минаретов, вознесенных в синее небо. Вечно будут цвести в саду вашей памяти голубые тюльпаны куполов его храмов и мавзолеев.

Пройдите однажды по ступеням Шахи-Зинда. И где бы вы ни были, вас будет манить за тысячу верст серебряная прохлада мавзолеев, вы будете мечтать еще раз услышать великое молчание Вечности.

Самарканд... Алые маки венчают чело твое. В них все тепло горячей крови, весь жар буйного пламени, пожиравшего некогда твои стены, вся прелесть весны, вся радость жизни.

Рожденный в огне — второе имя Самарканда.

Двадцать четыре с половиной века великий город был ареной войн. По его камням шагали не раз тяжелые стопы завоевателей. Александр Македонский, Чингисхан, Тамерлан и сотни полководцев были как будто магнитом влекомы за тысячи, тысячи верст к твоим сокровищам, к твоей красоте и славе...

Огню и мечу предавали не раз Самарканд. Но вновь и вновь восставал он из пепла. Гордый и непокоренный. Такова сила народа. Его воля, труд и мечта.

Вечным огнем горят имена героев битв с захватчиками: гордого Спитамена, вождя свободолюбивых согдийцев — предков нынешних граждан Самарканда, юного сарбадора Мавлоно-заде, высоко поднявшего знамя восстания против врагов, и тысячи других безымянных смельчаков, отдавших жизнь за свободу...

Прошли века. Но живут гордые творения человеческого гения, дело рук человеческих.

Руки сынов Самарканда... Руки ваятелей, зодчих. Руки гончаров и резчиков по ганчу. Руки поэтов и мудрецов. Это ими воздвигнуты Шахи-Зинда и Биби-Ханым, Гур-Эмир и Регистан. Это они построили медресе и обсерваторию Улугбека. Это они начертали бессмертные строки Навои:

Познания чару, кравчий,
дай скорей.
Глотка вина не стоит власть
царей.
Что мощь владык? Обман,
насилье, гнет!
Я пью вино страданья
за народ...

Немы гробницы сотрясателей мира. Утихли славословия придворных льстецов, превозносивших их кровавые и страшные дела. Но живут в веках создания мечтателей и звездочетов, строителей и мастеров.

Посетите берега Оби-Рахмата. Там, на невысоком холме, вы увидите то, что сохранило время от обсерватории Улугбека.

Глубоко под землей начинает свой разбег стрела звездного секстанта, построенного пять с половиной столетий назад. Из далекого средневековья к нам, в космическое сегодня.

Молчат камни... Они могли бы рассказать о подвиге Улугбека, бросившего вызов мраку и открывшего тайну звезд раньше других ученых мира. Камни могли бы поведать нам о страшном кровавом конце Улугбека, растерзанного мракобесами, и о многом, многом другом.

Самарканд... Твоя юность в древних храмах и мавзолеях, поборовших огонь... Твоя история, страницы твоей летописи, сами камни твоих мостовых, стены твоих архитектурных шедевров утверждают вечное стремление человека к знанию, к прекрасному, к свету...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Последние лучи заката озарили руины башен, дворцов, окрасили багрянцем бескрайние сады, изумрудно-черным ожерельем опоясавшие Мараканду (Самарканд).

Холодный ветер резким порывом распахнул плащ всадника и открыл усыпанные драгоценными камнями доспехи. Огромные белоснежные перья султана венчали шлем, сверкавший в лучах вечерней зари багровыми бликами.

Александр задумчиво глядел на развалины недавно прекрасного города, разрушенного его воинами. Бронзовые ряды его македонских фаланг стерли с лица земли еще одну столицу.

Совсем недавно Искандер сказал: «Все, что я слышал о красоте Самарканда,— все правда, за исключением того, что он более прекрасен, чем я мог себе представить». Но это были слова... И они остались лишь словами, а города нет. И это его, Александра, рук дело... Выбора не было. Слишком грозно бушевало восстание Спитамена, слишком далеко была Эллада.

Лицо Александра Македонского, столь известное нам по скульптурам Лисиппа, было хмуро. Глубокие складки бороздили высокое чело воина.

Ах, как он ошибся, послушав Аристотеля, который называл согдийцев варварами, лишенными разума и воли! Нет, недаром о согдийцах, об их храбрости и стойкости ему рассказывали много лестного. «Могучие телом», пленные согдийцы не боялись смерти; они пели песни перед казнью и высказывали радость по поводу того, что смерть вернет их предкам; они были «сильными мужами».

329 год до нашей эры. «Взяв половину конных этеров, всех гипаспитов, стрелков, агриан и самых легких из фаланги,— свидетельствует историк Арриан,— Александр пошел с ними к Мараканду».

Но столица Согдианы не покорилась. Трижды пришлось ее брать войскам Искандера Двурогого, и все же покоя не было. Хотя город был разрушен дотла, а население истреблено.

Разрушенный Искандером город вскоре восстал из руин. Но, как известно, история Самарканда — это история бесконечных войн и разрушений. Нет возможности в короткой статье изложить все драматические страницы летописи столицы Согдианы...

Вот что писал через тринадцать столетий Ибн-Хаукаль:

«Я поднимался на цитадель Самарканда и осматривал прекраснейший из видов. И замки, и высоко построенные башни, прочно сложенные, представляющие великолепные жилища, и драгоценные палаты. Что за вид, сколько на это потрачено средств... но стоят они опустевшие и разрушенные».

...Прошли века.

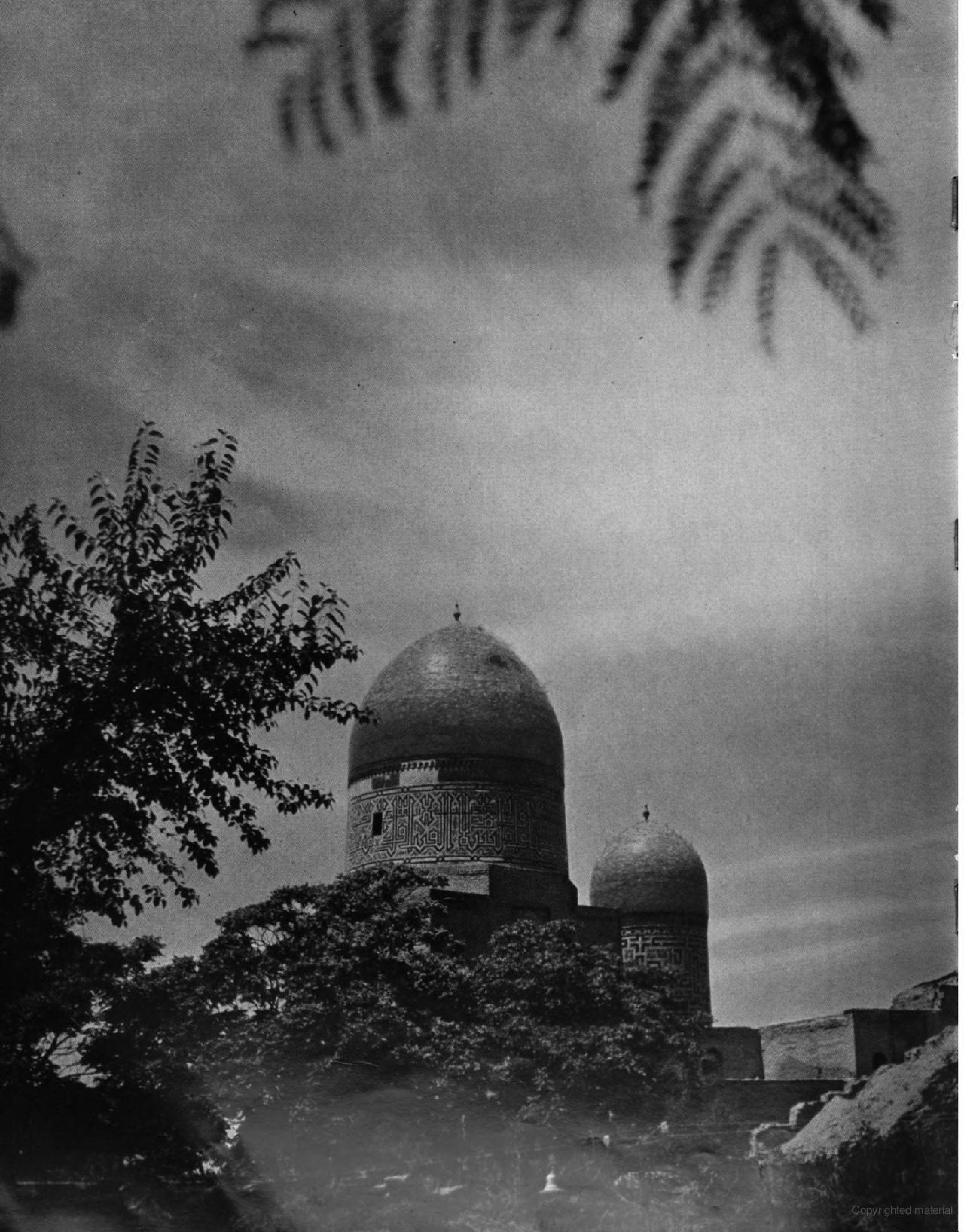
Тамерлан. «Железный Хромец». «Сотрясатель Вселенной».

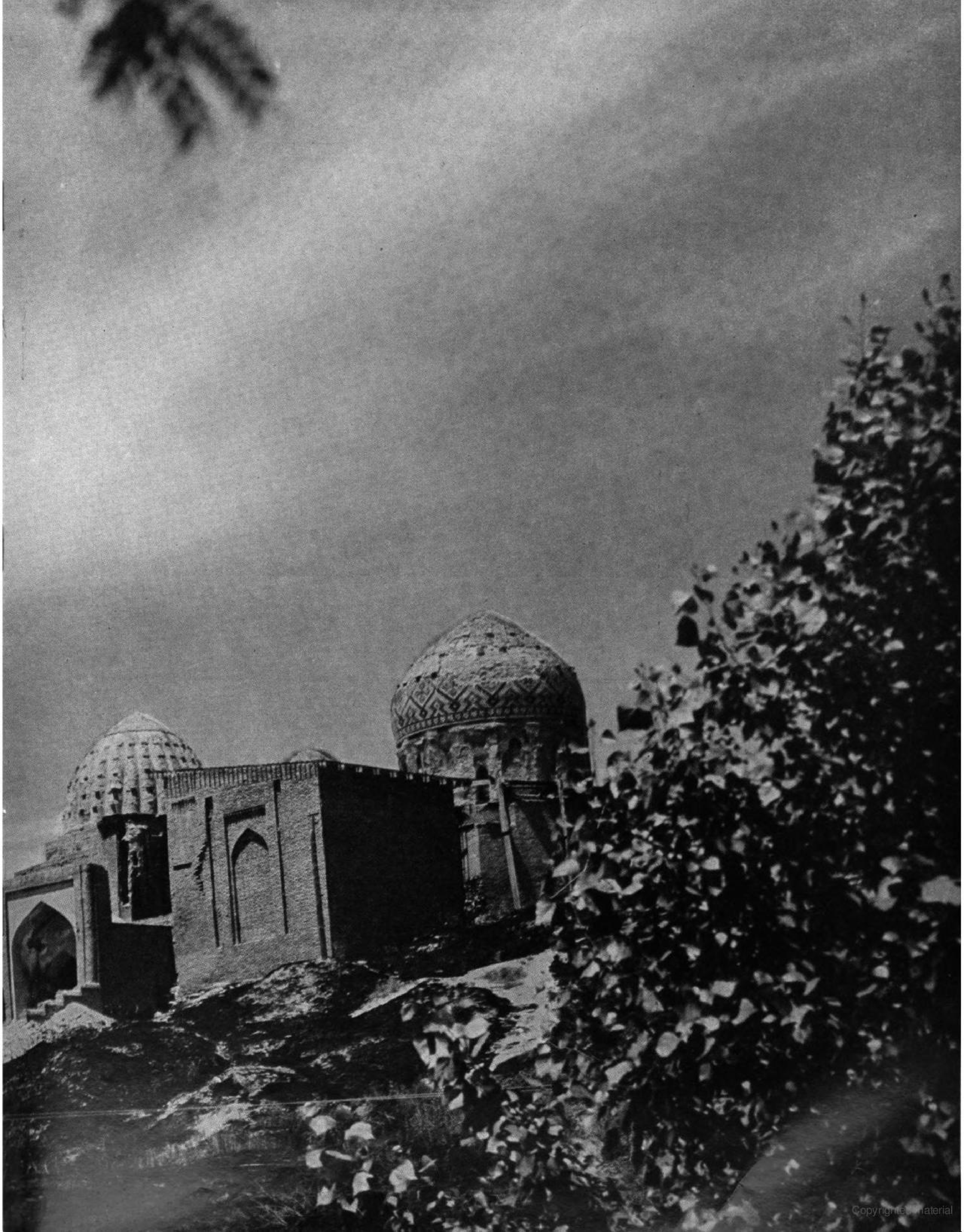
Огромного роста, хромой, беспалый... Его лицо, подобно железной маске, невозмутимо. Только глаза «похожи на свечи, но без блеска» — как вспоминают современники. Правда, мало кто из них мог безопасно увидеть вблизи пламя этих зловещих свечей, несущих смерть.

Неграмотный, мудрый Тимур был не только великий полководец и стратег, он был строитель и созидатель. Это он превратил Самарканд из глиняного в каменный — тысячью тысяч золотых рук народных мастеров.

Мечеть Биби-Ханым.

На развороте: Шахи-Зинда.

Мавзолей Гур-Эмир.

Регистан. Шир-Дор.

Биби-Ханым... Вокруг создания этой мечети много легенд, но правда единственна: ее повелел построить Тамерлан.

Вот что рассказывает об этом испанский посол де Клавихо:

«В воскресенье — 4 числа месяца рамадана 801 г. (1399 год нашего летосчисления), когда луна, бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника солнца и соединилась с шестиугольником планеты Венеры, искусные инженеры и опытные мастера в час, счастливый и предсказанный по звездам, положили основание постройке. Исполнители работ и проворнорукие мастера, каждый из которых был лучшим в стране и единственным в государстве, обнаружили высокие свойства ловкости и умения в укреплении устоев и возведении фундамента. Двести человек каменотесов из Азербайджана, Фарса, Индостана и других стран работали в самой мечети и 500 человек в горах упорно трудились над обтесыванием камня и отправкой его в город. Артели мастеров и ремесленников, собравшись со всех концов мира к подножию трона, прилагали каждый насколько мог в своей области тщательное старание. Для сосредоточения материалов 95 горechoподобных слонов доставлены были из стран Индии в Самарканд и пущены в дело. С помощью телег, запряженных волами, и большого числа людей волокли они огромные камни».

Строительство продолжалось четыре года. Тамерлан вернулся из похода в Индию. Он разгневался, увидев Биби-Ханым неоконченной. Более того, наглядевшись на грандиозные храмы Индии, он приказал внести поправки в проект и... казнил мимоходом нескольких незадачливых вельмож. Что была для него, «Железного Хромца», воздвигавшего пирамиды из десятков тысяч отрубленных голов, смерть двух-трех людей!

Маркс в «Хронологических выписках», говоря о Тимуре, подчеркивает это противоречие: «Он (Тамерлан) дал своему новому царству г о с у д а р с т в е н н о е у с т р о й с т в о и з а к о н ы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые п о е г о п р и к а з а м совершали... орды».

Тимур был жестоко болен. Накануне смерти. Однако он повелел носить себя к месту строительства Биби-Ханым. Он торопился окончить задуманное — создать величайшую мечеть мира.

Тимур на строительстве. Зима... «Потом он приказывал,— продолжает в своем дневнике де Клавихо,— приносить туда вареного мяса и бросать его тем, которые работали в яме, точно как собакам; иногда он сам своими руками бросал мясо и так возбуждал рабочих, что на удивленье; иногда же приказывал бросать в ямы даже деньги. Над этой постройкой также работали день и ночь; она прекратилась так же как и работы по проведению улицы, оттого, что начал падать снег».

Тамерлан умирает. Но Биби-Ханым живет. Ж и в е т т в о р е н и е р у к н а р о д н ы х!

Великим Тимуридом, прославившим свой род, был Улугбек. Он правил Самаркандом сорок лет (с 1409 по 1449 год — год своей трагической гибели).

Это был «золотой век» Самарканда. Вот что писал о славнейшем из Тимуридов другой великий гражданин города — Алишер Навои:

«Султан Улугбек, потомок хана Тимура, был царем, подобного которому мир еще не знал. Все его сородичи ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но он, Улугбек, протянул руку наукам и добился многого. Перед его глазами небо стало близким и опустилось ниже. До конца света люди всех времен будут описывать законы и правила с его законов».

Улугбек был не только просвещенным государем, но прежде всего замечательным ученым своей эпохи. Яркую характеристику Улугбеку дает его современник Давлат Шах.

«Улугбек,— пишет он,— был падишахом-ученым, справедливым, могущественным и великодушным. Он достиг высокой степени учености и глубоко проник в суть (вещей). Уровень ученых в его время был на большой высоте и достойные занимали при нем важное положение. В геометрии он был подобен Евклиду, а в астрономии — Птолемею. По единодушному мнению превосходных и мудрых, при исламе и даже раньше, со времен (Александра) Двурогого по сие время на престоле власти не было падишаха-ученого, подобного Улугбеку Гургану. Он имел столь глубокие познания, что основал обсерваторию (для изучения) звезд в содружестве с другими учеными того времени, такими, как слава ученых и мудрых Казы-заде Руми и Маулана Гиясуддин Джемшид Каши. Оба эти великие ученые скончались, не завершив работы. Его величество (Улугбек), сосредоточив все свои помыслы на завершении этого дела, закончил постройку обсерватории и выпустил «Зиджи султони».

Знаменитый Лаплас назвал Улугбека «величайшим в истории астрономом-наблюдателем».

Казалось, сорок лет столь мудрого правления Улугбека должны были благополучно окончиться. Но история — сложный процесс. Злые, черные силы мрака изгоняют неугодного им хана и...

Предоставим слово историкам:

«В сырой холодный день в конце октября 1449 года Улугбек верхом выехал из Самарканда вместе с указанным ходжи, который был дан ему в спутники. Только несколько нукеров сопровождали недавно могущественного правителя. Не успели они утомить в первом перегоне своих лошадей, как их догнал какой-то чагатай и передал предписание заехать в соседнее селение...»

«Было холодно. Улугбек велел развести огонь и сварить мясо. Искра от пламени, разведенного нукерами, упала на плащ Улугбека и сожгла часть его; Улугбек посмотрел на огонь и сказал по-турецки: «Сен хем бильдин» («Ты тоже узнал»). Мысли Улугбека приняли мрачное направление; ходжи тщетно старались его утешить. Вдруг отворилась дверь и вошел Аббас с другим человеком; увидя Аббаса, Улугбек, не помня себя, бросился на него и ударил его кулаком в грудь; спутник Аббаса удержал Улугбека и сорвал с его плеч алтайскую шубу; Аббас ушел за веревкой. Ходжи запер за ним дверь на цепь, чтобы Улугбек успел совершить омовение. Когда Аббас вернулся, Улугбек был связан и вытащен во двор; ходжи и другие спутники Улугбека попрятались по углам; Аббас посадил Улугбека у горящего фонаря и одним ударом меча покончил с ним».

«Религии рассеиваются, как туман. Царства разрушаются, но труды ученых остаются на вечные времена». Эти слова Улугбека, пожалуй, в одинаковой степени относятся к жизни всех трех правителей, описанной в этой главе. Только надо добавить, что вместе с трудами ученых остаются еще творения поэтов, художников, зодчих, народных мастеров... О с т а е т с я т а л а н т л и в ы й и т р у д о л ю б и в ы й н а р о д... П р а в д а, п р о й д е т е щ е п я т ь с т о л е т и й, п о к а В е л и к и й О к т я б р ь н а в с е г д а о с в о б о д и т е г о о т г н е т а и б е с п р а в и я!

УТРО

Утро Самарканда... Золотое солнце зажигает краски на розовом сюзане высокого неба. Румянит вершины снежных гор, блестит в серебряных струях Зеравшана... Лучи восхода горят на лазоревых куполах мавзолеев, и кажется, вот-вот распустятся бутоны этих живых, влажных от росы каменных цветов.

Поют птицы. Горячий свет солнечных лучей миллионами голубых звезд сверкает на стенах храмов и мазаров. Синие, фиолетовые, лазоревые, бирюзовые переливы повторяют все цвета далеких небес и морей, неведомых озер и рек.

Прохладный ветер, прилетевший с гор, колышет поле маков у стен мавзолеев, и кажется, вот-вот тронется голубая ладья Шахи-Зинда и поплывет по алому морю цветов.

Киноварь и бирюза — вот два камертона Самарканда.

Цвет жизни и цвет мечты.

Пышно расцветает урюк у стен мечети Биби-Ханым. Солнечные блики тонут в глубокой синеве ее купола. Бегут по затейливым письменам, расцвечивают еще ярче орнаменты майолики... Забываешь на миг о том, что перед тобою всего лишь руины: так велика власть гармонии, так непобедимо очарование истинной красоты творения зодчего, нашедшего силы создать из камня чудо, равное природе, ж и в у щ е е с о г л а с н о с пением птиц, цветением урюка и буйством солнечных лучей.

Победоносный свет утренней зари гонит седые ночные тени и все жарче разжигает голубой пожар куполов.

Гур-Эмир. Гордый купол мавзолея рвется к небу. Он как бы готов каждую минуту взлететь в бездонную высь. Таковы загадочные пропорции, такова тайна зодчества, заставляющего ж и т ь к а м е н ь. И как тут не вспомнить об иных сооружениях, в сотни раз превышающих по объему Гур-Эмир, но мертвых по форме и лишенных д у ш и...

Поют, поют бирюзовые трубы минаретов Регистана. Поют славу солнцу, наступающему новому дню. По каменным плитам «Форума Востока» звонко звучат каблучки юных дочерей древнего города.

Дочери Самарканда... Где слова, чтобы воспеть вашу грацию и прелесть! Давно ушли годы, когда ваши лица застилала паранджа и когда жестокие законы делали вас бесправными.

П р о ш л о в с е г о п о л в е к а т р у д а, б о р ь б ы и п о б е д. С а м а р к а н д а н е у з н а т ь!

Зеленые купы деревьев у Самаркандского университета имени Алишера Навои.

Солнечные зайчики пробиваются через изумрудные дебри и, вырвавшись на простор, озаряют молодежь, бурлящую у входа в храм науки.

Солнце пылает ярким костром на атласных платьях девушек. Все цвета радуги собрали в себе абровые ткани их нарядов. Они современны и традиционны. В этом особенность нашей советской молодежи, хранящей добрые заветы предков, бережно оберегающей национальные святыни и жадно постигающей новь века.

...Новые районы города. Ласточки с криком носятся у своих гнезд под крышами. Пищат птенцы. В лоджиях домов — новоселы. Молодая узбечка кормит ребенка. Зеленые ветки протягивают малышу белоснежные цветы... Весна.

Самарканд строится... Руки оранжевых кранов тянутся к раскаленному зениту неба. Грохочут, ревут самосвалы. Пыль. Жарко. Лязгая металлом, проносится машина, с разбегу взлетая по крутому котловану.

В кабине чумазый шофер с ослепительной улыбкой. За ухом у парня огромный алый мак.

Цветут маки у Шахи-Зинда. Летят, курлычут в высоком небе журавли.

Бело-розовая кипень садов, пестрый ковер хлопковых карт, серебряные узоры Зеравшана и, как волшебные цветы в темно-изумрудной оправе зелени,— лазурные скуфьи куполов.

Узкий переулок Старого города. По стертой мостовой, звонко цокая копытцами, бредет ослик. Рядом степенно шагает старик в белоснежной чалме, в синем, цвета индиго, халате. На его медном от загара лице будто мелом нарисованы борода и усы. Он везет охапку упругих тюльпанов, прикрытую полосатым паласом, на базар.

Весна...

Древние стены медресе Улугбека смеются. У их подножия носится, как бешеный, мяч. Мальчишки в алых галстуках играют в футбол... В ярких ковбойках — клетчатых, оранжевых, красных. В майках сиреневых и синих, в узких брючках и баскетбольных кедах. Мальчики гоняют розовый мяч. Вместо ворот положены два осколка бирюзовой керамики. Подстриженные челки грозно топорщатся, сверкают белые зубы, горят глаза малышей. Гудит старая стена.

Утреннее солнце смяло белое кружево цветущего урюка, бросило узорчатую тень на стертые плиты Шир-Дора, поросшие по швам яркой зеленой щетиной травы.

Весна... Нагретый воздух струится, растворяя во влажном теплом мареве звонкую синь небосвода.

В нефритовых саркофагах, в прохладных мраморных склепах покоится прах повелителей Самарканда, Азии, полумира. В голубом сумраке мавзолеев тихо... Лишь нежный говор горлинок напоминает о жизни, кипящей за каменными стенами.

Заблудший солнечный луч проник в полумрак Гур-Эмира и зажигает теплым сиянием драгоценный оникс. Тихо. Лишь пляшут пылинки в свете солнца.

Ушло в небытие царство Чингисхана. Рухнула империя грозного Тамерлана... Давным-давно было все это.

Носится, прыгает, как живой, розовый мяч в ногах шустрых малышей, смеются древние стены медресе.

Вспоминаются прекрасные строки Луговского:

«Мальчики играют в легкой мгле, Сотни тысяч лет они играют: Умирали царства на земле, Детство никогда не умирает».

Гудит, поет весенний ветер. Юный, как сама жизнь, как вечность...

Слова Дмитра ПАВЛЫЧКО.

Музыка А. БИЛАША.

Когда я собирался по весне,
Чтоб выйти в жизнь дорогою степною,
Рубашку, мама, ты расшила мне
Червонною и черною листвою.

Припев:

Два колера, как две мои судьбы...
Опавшую листву река уносит вдаль.
Два колера, как две мои судьбы:
Червонный — то любовь,
А черный — то печаль.

Меня кружило, как листву, житье,
Но к твоему я приходил порогу.
Переплелись, как мамино шитье,
Печальные и светлые дороги.

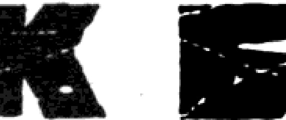
Припев.

Повеяла мне в очи седина,
И вновь она лежит передо мною —
Рубашка из простого полотна,
Где вышита вся жизнь моя твоей рукою.

Перевел с украинского Анатолий Поперечный.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ

19

Граф расселил Альвираса, Биля и трех их помощников на зиму по одиноким лесным хуторам. С каждым из пришельцев с Запада на хуторах жили по одному-два человека из «отряда» Будриса — Графа. Делиньш с согласия англичан свою радиостанцию свернул: англичане разрешили ему легализоваться так же, как и Юрке, новому стивидору в Вентспилсе...

Работали две шпионские рации: Альвираса и Бертулиса, который в эфир выходил все реже.

Мазайс слезно умолял Будриса освободить его от охраны Бертулиса. Парень, по его словам, все чаще задумывается, «почти как Эгле!» — писал он в своих сообщениях. А это был очень опасный симптом.

В январе Бертулису должно было исполниться тридцать пять лет. И он все чаще жаловался Мазайсу, что ему нет смысла отмечать эту дату. Что он успел сделать в своей жизни?

Где-то в восточных районах Латвии жила его семья: отец, мать, братья и сестры. В сорок четвертом году, когда он был всего-навсего учеником Экономической школы в Риге, немцы вывезли его со всеми остальными школьниками в Германию. Он едва успел отправить короткую записку отцу...

После окончания войны детский лагерь оказался в английской зоне. Англичане отнеслись к детям нарочито участливо: их стали хорошо кормить, одели в костюмы бойскаутов. Появились и преподаватели.

Однажды Бертулиса вызвали в управление лагеря. Там ему сказали, что завтра в лагерь приедут русские. Россия разрушена войной, поэтому русские собирают по лагерям детей и подростков в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, чтобы создать строительные бригады наподобие тех, что были в немецких концентрационных лагерях. Дети будут жить и работать под охраной. Если Бертулис не хочет погибнуть от голода и изнуряющего труда, он может отказаться от такой судьбы. Тогда его перевезут в Англию, где он закончит экономическое училище, а позже, если пожелает, помогут разыскать родителей — еще неизвестно, не сослали ли русские всех латышей в Сибирь.

Русские действительно увезли всех, кто назвал свое имя и национальность. Бертулис и многие другие промолчали, и администрация лагеря скрыла их документы.

Он окончил английское экономическое училище и мог бы работать счетоводом, но работы не было. До восемнадцати лет жил в общежитии при училище и получал хорошее питание, бойскаутскую форму и один

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—38.

РОМАН

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

Рисунки В. ВЭТРА.

штатский костюм в год. После окончания училища все эти блага кончились. Временно его поселили в латышской колонии «Двинских соколов», но работы все не было... Иногда их вызывали на погрузку и выгрузку военных кораблей, порой они заменяли бастующих почтальонов или водителей машин, если бастовали шоферы. Правда, в таких случаях все жители колонии получали довольно крупные деньги, но и неприятности случались крупные. Кого-то забастовщики успевали избить, кто-то нарывался на неприятности даже в колонии — туда тоже проникали коммунистические агитаторы, как объясняли Бертулису руководители «Двинских соколов».

Неприятностей Бертулис избегал, но сама неустроенная жизнь так надоела ему, что в возрасте двадцати лет он дал согласие бывшему государственному деятелю Латвии Скуевицу и английскому офицеру из латышей Силайсу пойти в особую школу.

Школа была действительно «особой». В ней обучались всего полтора десятка латышей, эстонцев и литовцев из детей перемещенных или вывезенных немцами. Так Бертулис переменил профессию экономиста на профессию шпиона.

И вот он уже больше года живет в Латвии, но даже и не пытается разыскать своих родителей. Конечно, он знает, что они наверняка живы, порой он читает название родного хутора в газетах, которые получает хозяин его прибежища, на родном хуторе работает колхозная бригада, вероятно, и его родители состоят в этой бригаде, но Бертулис помнит, что теперь за связь с ним родители могут понести наказание. И он боится даже издали взглянуть на родной хутор...

Деньги у Бертулиса были. Перед отправкой в Латвию Силайс дал Бертулису, кроме радиостанции, шифров, оружия и яда, еще и пятьдесят тысяч рублей советскими деньгами. За все время сидения на хуторе Бертулис истратил разве что десять тысяч. Не будь у него денег, его кормили бы и бесплатно. Так, во всяком случае, сказал руководитель подполья Будрис, да и сам хозяин хутора, работник Тераидского лесничества, никогда о деньгах не заговаривал, но Бертулис сам в начале каждого месяца оставлял на столе тысячу рублей, кроме того, он попросил хозяина купить велосипед, недорогой костюм, пальто, кое-какое белье...

День рождения у Бертулиса был пятнадцатого января. Бертулис достал из тайника пакет с деньгами и попросил Мазайса сходить в ближний городок, купить выпивки и закуски. Все-таки тридцатипятилетие нельзя не отметить, как бы бестолково ни проходила жизнь.

Мазайс всю зиму жил в бане, где хранилась и радиостанция Бертулиса. Сам Бертулис обитал в маленькой горенке возле комнаты лесничего. Если к лесничему приходили хуторяне, Бертулис отсиживался в этой горенке. Когда посетителей не было, он сидел в комнате хозяина, где были письменный стол, два шкафа с книгами, два удобных кресла и большая лампа-«молния». Хозяин хутора, хотя он и был вдовцом, любил уют, а книги остались от покойной жены, которая была учительницей.

Кроме книг, в доме были и журналы.

Бертулиса никто не беспокоил. Хозяин объяснял знакомым, что у него живет племянник: заболел в городе туберкулезом. И если кто-нибудь из хуторян случайно встречал Бертулиса, то поглядывал на него с сочувствием: такой молодой, а вот — на тебе! — болен...

Впрочем, Бертулис и на самом деле был болен.

Он болел тоской. Тосковал по родине, хотя и жил на родине, тосковал о родителях, хотя по шоссе, недалеко от которого стоял дом лесника, было едва сто километров до родного хутора, и любой шофер довез бы его туда. Это была очень тяжелая болезнь, может быть, даже тяжелее придуманного лесником туберкулеза.

Мазайс сунул деньги в карман, перекинул через плечо пустой рюкзак и ушел: путь не близкий, до городка десять километров, если не окажется попутной машины — шагай два часа. Бертулис вернулся по узкой, прогребенной в сугробах дорожке в дом.

Вошел и остановился в удивлении. Лесник, босой, с мокрой тряпкой и ведром, протирал стены и окна дома. Пол был уже вымыт, книги протерты и тщательно поставлены рядами. Комната так и сверкала, отражая косые лучи зимнего низкого солнца, врывавшиеся в окно.

— Дядя Генрик, чем это вы занимаетесь?

— Гостью жду! — сухо ответил лесник, продолжая орудовать тряпкой. Генрик не признавал излишней роскоши, стены не обивал ни сухой штукатуркой, ни линкрустом. Его жилище должно было д ы ш а т ь. Оно и на самом деле дышало лесным воздухом, смоляным запахом зимнего леса.

Генрик шлепал босыми ногами по мокрому еще полу, а стены уже начинали сиять своей первозданной золотой окраской доброго к человеку дерева, гудела прокалившаяся печь, тоже блещущая, тоже протертая. И Бертулис вспомнил, что так бывало и в его родном доме перед праздниками, даже перед его собственными именинами, когда он был еще ребенком.

Но воспоминание вдруг оборвалось: дядя Генрик ждет гостью! Кто она? Как хозяин объяснит ей пребывание Бертулиса в доме? Не придется ли вот сейчас же, немедленно собирать свои вещи и бежать из этого счастливого дома, в котором он прожил так долго, что чувствовал его уже почти родным? И, как на беду, он отослал своего помощника Мазайса, а куда он денется без него?

Он неловко спросил:

— Какая гостья, дядя Генрик?

— Племянница. Настоящая. Не такая, как ты, мой богоданный племянничек!

— А как же я?

Генрик швырнул тряпку в ведро с водой и смотрел довольно презрительно на своего жильца. Потом вытер руку об руку, также суховато сказал:

— Она знает, что у меня есть дальний родич из латгальцев, что он болен и живет здесь.

— А где она работает?

— Она учится. Студентка четвертого курса! — Эти слова прозвучали важно, весомо. Но Генрику, видно, еще не хватало этой весомости, так как он, подумав, добавил: — Филолог!

Последнее утверждение дяди Генрика начисто добило бедного Бертулиса.

— Может быть, мне переехать куда-нибудь? — робко спросил Бертулис.

— А зачем? Живи, как живешь. Мирдза и не такое на моем хуторе видала, — равнодушно сказал дядя Генрик.

— Она, что же, тоже состоит в организации?

— Ей это ни к чему! И ты при ней своей теории не развивай. Живи тихо, ты же больной, — чуть приметно усмехнулся лесник. — А больных всегда жалеют. Только извини, кабинет мой она займет. Мы с тобой как-нибудь вдвоем разместимся, а Мазайса отпустим домой. Он давно уже просился у Будриса, чтобы дали ему отдохнуть: жена его вот-вот рожать будет...

— А я-то собирался именины сегодня устроить... — растерянно сказал Бертулис.

— А кто тебе запрещает? — хмыкнул дядя Генрик. — Ежели человек живет, значит, у него бывает и день рождения. То-то, я вижу, Мазайс куда-то исчез. Наверно, ты упросил туда да обратно два десятка верст протопать? А спросил бы, я бы сказал: в два часа поеду на лошадке до городка, к рижскому автобусу, все бы и захватил, что требуется...

— Кто же знал...

20

Мирдза оказалась славной темноволосой девушкой, с пряменьким носиком, пухлыми губами. Белый пушистый свитер отлично шел к ее складной фигуре, а лыжные брюки делали похожей на подростка. На санках лежали и лыжи, и чемодан, и связка книг на каком-то непонятном Бертулису языке. Он все-таки пересилил свою робость и вышел встретить гостью и хозяина. В задке санок сидел и Мазайс: лесник позаботился, отыскал его в городке. Мазайс поддерживал солидно набитый мешок, и Бертулис порадовался тому, что послал его в город, что затеял эти именины. Тем более что Мирдза, едва выпростав ноги из-под волчьей полсти, тут же воскликнула:

— А это, значит, и есть Бертулис? Вот хорошо, будем вместе бегать на лыжах! — И протянула маленькую крепкую руку.

— Ты, Мирдза, все ж помни, что он у нас больной, — нарочито строго сказал дядя Генрик, на что Бертулис поспешил ответить:

— Я уже выздоравливаю!

Мазайс обошел их и скрылся в кухне. Лесник распрягал лошадь. Молодые люди стояли и разглядывали друг друга. Вдруг Мирдза забеспокоилась:

— Я не стесню вас?

— Ну что вы! Мы с дядей Генриком уже все устроили...

— Ах, он сказал мне, что отдает тетин кабинет. Но ведь вы, наверно, тоже учитесь? Или работаете?

— Я в отпуске! — солгал Бертулис. — Только читаю!

— Ах, книги тетушки! — обрадованно сказала Мирдза. — Я их когда-то тоже прочитала от корки до корки. Но у меня с собой тоже есть несколько книг, и отнюдь не связанных с курсом. — Она улыбнулась. — Да, что же мы стоим? Пойдемте в дом! Я очень люблю запах вереска, который дядя Генрик развешивает по стенам!

Бертулис подхватил увесистый сверток с книгами, чемодан, Мирдза взяла лыжи с башмаками.

Именинный ужин удался на славу.

Утром Мазайс засобирался домой. Бертулис вскрыл тайник и достал один из пакетов с деньгами. Смущаясь, но довольно настойчиво попросил Мазайса принять подарок новорожденному...

Две недели пролетели быстро. Мирдза после завтрака сразу собиралась на прогулку, и Бертулис не мог отказать в просьбе сопровождать ее. Как-то она спросила:

— А что вы собираетесь делать дальше, Бертулис?

— Когда дальше?

— Ну, когда выздоровеете? Впрочем, вы уже здоровы. Я вчера нарочно бежала без остановок целых десять километров, и вы все время поспевали за мной. А я ведь перворазрядница. И когда я остановилась, у вас дыхание было даже ровнее, чем у меня. Значит, практически вы здоровы...

— Врач приказал мне явиться к нему весной...

— Ну, а потом? Если он разрешит вам вернуться в город?

Порой у него возникало подозрение, что все эти расспросы ведутся неспроста. Не подослана ли Мирдза каким-нибудь дотошным начальством, чтобы проверить, кто живет у дядюшки Генрика под видом племянника. Ведь она-то знает, что, кроме нее, у дядюшки племянников нет. А тому, что он дальний родственник, она может и не поверить. Ведь тщательно продуманная дядей Генриком легенда рушилась сама по себе в тот день, когда Мирдза приехала сюда... Он, правда, боялся связывать Мирдзу с таинственными чекистами, но ведь были и другие советские власти: не менее таинственный комсомол, сельсовет, лесничество, милиция... Но нет, нет! В лице Мирдзы было столько участия вместе с чисто девичьим любопытством, она так интересовалась прошлым и, главное, будущим Бертулиса, что он невольно сам расширял рамки заранее придуманной легенды. Вот уже в ней появились хутор его отца, усталая и довольно болезненная мать — не от нее ли и получил Бертулис эту болезнь, заставляющую его всю зиму жить в лесу?

— Вернусь в Ригу... — говорил он. «Какая Рига! Кто тебя туда пустит?» — стучало у него в висках. Но он мужественно продолжал: — Я ведь техник-экономист, для меня всегда найдется работа...

— А почему бы вам не пойти в институт? — вдруг рассудительно спрашивала Мирдза. — На экономическом факультете вас примут на второй курс. Еще три года, и вы дипломированный экономист. Сейчас эта профессия в большом почете! А там, глядишь, Госплан республики или какое-нибудь министерство, а потом вдруг: «Здравствуйте, товарищ министр, вы меня не узнаете?» — Она мгновенно обернулась к нему в поклоне и засмеялась, увидев растерянное лицо. — Между прочим, это совсем не сказка, а самая настоящая быль! Один мой приятель окончил университет в прошлом году, он славист, а осенью уже приезжал в отпуск из Болгарии, работает в нашем посольстве в Софии...

Она сказала это «в нашем посольстве» так, как будто в Болгарии было такое же посольство, как то, латвийское, в котором министр Скуевиц благословлял Бертулиса на подвиги в Латвии в честь «свободного мира». По ее словам выходило, что для простой девчонки-латышки не было никаких неодолимых да и вообще никаких препятствий, какую бы задачу или мечту она ни придумала, надо было только со всей решительностью устремиться вперед, освоить свой предмет досконально, быть трудолюбивой и смелой...

Ну, а сам-то Бертулис? Был ли он трудолюбивым, смелым, сильным? Это как сказать! Вот освоил же он и экономическое училище, а потом еще такую трудную школу, о которой, вероятно, никогда не станет никому рассказывать, разве что если его схватят чекисты... Но те-то сразу поймут, что он за птица! А ведь в той школе он научился черт знает чему! Он может пройти с аквалангом около пяти километров по дну моря; он может гнать машину хоть сутки, будь это танк, трактор, грузовик, легковой автомобиль; может прыгать с парашютом хоть днем, хоть ночью; умеет передавать по радиостанции максимум слов в минуту; может стрелять через плечо и навскидку; может, наконец, раздавить в зубах ампулу цианистого калия, если его внезапно попытаются захватить чекисты.

Ах, да, вот насчет цианистого калия у него с некоторого времени появились сомнения. С чем же они связаны? Неужели именно с тем, что Мирдза проявляет некоторый интерес к нему? Но ведь это смешно! Навряд ли он убедит ее бежать с ним нелегально за ту самую границу, которую Мирдза может пересечь официально хоть завтра?

Но почему именно ему, тихому, мирному человеку, так полюбившему ту профессию, к которой он никак не мог прикоснуться, почему именно ему приходится постоянно думать об ампуле с ядом?

Он так задумался, что даже не расслышал голос Мирдзы:

— Может быть, пойдем обратно?

— О нет, побродим еще! — попросил он.

— Вы не очень вежливы, мой кавалер! — сказала девушка. — Вот уже полчаса вы молчите. Не скажете ли вы, о какой русокосой красавице вы задумались?

Он чуть не проговорил: «О железнокосой!» — но спохватился. Ведь она может понять это именно так, как он только что думал! Да, она его-то все время ожидает, эта «железнокосая» старуха смерть...

— Мне захотелось пробежаться до лосиной кормушки!

Лоси и козули пробили в глубоком снегу тропы от водопоя к стогам сена. Дядя Генрик знал свое хозяйство и если не кликал каждое живое существо в лесу по имени, то заботился о них почти так же, как если бы был с ними знаком лично.

Мирдза и Бертулис постояли на опушке поляны, глядя на нескольких запоздавших с завтраком зверей, круживших возле невысоких стожков.

И опять у Бертулиса засосало под сердцем: все, что он видел вокруг, отныне связалось для него с образом Мирдзы.

Утром первого февраля Мирдза уезжала в город.

Накануне они долго сидели в большой комнате лесника возле круглой печи и мирно разговаривали. Поздно вечером вышли попрощаться с лесом. Под деревьями было совсем тихо, как будто в лесу было две жизни: верхняя — беспокойная, и внизу — застоявшаяся, неподвижная. И Бертулис вдруг подумал: это так и есть! Жизнь Мирдзы — движение, непокой, а у него — болото, засасывающее его все глубже, может быть, до той минуты, когда он уже не успеет крикнуть: «Спасите!»

Он как-то неловко повернулся, может быть, хотел сказать об этом Мирдзе, и вдруг коснулся губами ее лица.

Когда оба они опомнились, когда смогли произнести первые слова: «Ты меня любишь?» — это со страхом и недоумением сказал Бертулис,— «А ты и не замечал?» — это с ликованием и нежностью — Мирдза,— оба вдруг заспешили подальше от освещенных окон дома. И только остановившись у огромной сосны за домом лесника, опять принялись говорить, теперь уже оживленно, быстро, как будто боялись недоговорить что-то важное.

И вдруг он вспомнил:

— Но ведь ты уезжаешь!

— Глупый мой, да я же вернусь в конце февраля и останусь здесь до самой весны! Я приеду сюда писать свою дипломную работу!

— А я...

— Молчи, молчи! Я говорила с дядей Генриком... Он считает, что тебе не вредно пробыть здесь хоть до мая. Тогда воздух станет суше, и ты сможешь поехать к своему доктору...

Да. К доктору. И ничего больше. Ты не смеешь ничего говорить. Завтра вернется Мазайс. Если он услышит твои мысли, прочтет их, когда ты будешь спать, он просто пристрелит тебя и будет прав. Потому что ты собираешься изменить д е л у. А зачем оно тебе, это дело? Мазайса это не будет интересовать. У него приказ.

21

По возвращении из Москвы полковник Балодис, он же «руководитель группы национально мыслящих латышей Будрис», занялся инспекцией своего «хозяйства». Приближалась зима. Как ни приучены были люди и их подопечные — бывшие воспитанники английских шпионских школ — к лишениям и неудобствам, но оставлять их в лесу на зиму было просто опасно. Зимний лес надолго сохраняет следы. Зимой в лес выходят охотники. Стоит охотникам заметить чужие следы, учуять дымок бункера, спрятанного где-нибудь в чаще, как они выследят «чужаков».

И он снова объехал знакомые хутора, договариваясь с хозяевами, кто и кого именно приютит у себя на зиму. Человек, живущий на хуторе, будь он и посторонний, скорее сойдет за гостя.

Выполнил он и просьбу Альвираса.

Альвирас чрезвычайно волновался перед встречей с легендарным Будрисом. Граф, провожавший Альвираса на хутор Арвида, устал от расспросов и был вынужден напомнить о правилах конспирации. И, когда поздним вечером Альвирас добрался до хутора, он был уже тише воды и ниже травы.

Но Будрис принял «посланца» очень любезно, на столе стоял обильный ужин, украшенный бутылками вина и водки, и Альвирас, отогревшись, за ужином несколько ожил.

Он предъявил «господину Будрису» свои верительные грамоты, проявленные им на досуге письма Силайса, которые Будрис прочитал раньше, чем Альвирас, и радиограмму, которой Будрис не видел: она была получена Альвирасом до того, как его шифры были перефотографированы шифровальщиками на улице Стабу...

«Норд» запрашивал:

«Дорогой Будрис, можно ли просить тебя направить кого-либо из твоих друзей в один из городов центральной России для сбора некоторых разведывательных данных? Эти задания очень важные. Выполнить их можно только с помощью глаз и ушей, не задавая никому никаких вопросов. Задание очень срочное, поэтому прошу тебя ответить как можно быстрее...»

Будрис набросал ответ и передал Альвирасу для передачи по радио. Будрис дал согласие на посылку «одного из друзей» в центральную Россию, и Альвирас проникся еще большим уважением к своему новому начальнику.

— Когда прикажете передать?

— Во время очередного сеанса. Они ждут! — строго сказал Будрис.

— Я сам с удовольствием поехал бы туда!

— Вы говорите по-русски без акцента? — поинтересовался Будрис.

— Я знаю русский, но давно уже не разговаривал ни с кем из русских! — признался Альвирас.

— Ну, что же, я устрою вам практику.

— Как? — удивился Альвирас.

— На следующей неделе вы все переходите на зимние квартиры. Я распоряжусь, чтобы Граф поселил вас и вашего помощника на хутор, хозяин которого знает русский и женат на русской женщине...

— Но... русская женщина... Разве это не опасно?

— Русские тоже бывают разные, как и латыши,— усмехнулся Будрис.— Его жена — дочь священника, да и сам хозяин, хотя он и латыш, тоже православный. Так что не рекомендую заводить с ними споры о вероисповедании.

— Я буду очень рад, господин Будрис! Признаться, в лесном лагере с каждым днем становится труднее...

— Мы живем так уже долгие годы! — сурово напомнил все время молчавший Граф.

— Простите, командир, я не хотел обидеть вас и наших храбрых друзей.

Альвирас задал еще несколько вопросов: как организовать хотя бы небольшую группу помощников для сбора сведений по Латвии? Он очень упирал на то, что ему разрешено организовать такие группы на свой страх и риск. И еще хорошо бы ему легализоваться в каком-нибудь безопасном пункте. Будрис был вынужден напомнить, что предшественник Петерсон, устроившийся в Риге, был довольно быстро засечен со своей радиостанцией советскими пеленгаторами.

После такого напоминания Альвирас несколько увял и больше слушал, чем спрашивал. А Будрис отдавал немногословные распоряжения Графу: какие хутора вне подозрения; сколько человек и на какой именно хутор, в какой день доставить; о семье и привычках хозяина; где надо помалкивать, а где можно разговаривать свободно; кто из хозяев не прочь выпить, а кому нужно подготовить подарок... И Альвирас слушал все это, как сказку! Его руководитель знал окрестные места лучше, чем сам Альвирас бывшую школу. Теперь-то он был убежден, что находится под надежной защитой...

Перед рассветом Граф разбудил Альвираса, и они ушли в лес. Там уже все готовились к переселению...

Через неделю Альвирас и его напарник Кох были переведены на хутор. Граф не поскупился: он привез не только гостей, но могучего кабана-секача, которого подвалил сам Альвирас во время охоты. Парень стрелял отлично, не испугался, когда секач вывалился на него из болотной заросли, и заслуживал этой щедрой награды за участие в охоте. Кох свалил двух козуль, но одну оставил в пользу Биля, который заболел и не мог принять участия в охоте.

Альвирас и Биль расстались довольно равнодушно. Граф понимал, что более тихому Билю надоела вечная опека и покрикивания старшего по группе, он, видимо, надеялся на тихую зиму.

Впрочем, Альвирас сеансов связи не пропускал. И получил долгожданный ответ на согласие Будриса. К его сожалению, ответ «Норда» был неожиданный. Англичане били отбой:

«Мы выражаем сердечную благодарность за вашу готовность оказать нам помощь: направить вашего друга в Россию. Но, когда мы еще раз проверили задание, нам показалось, что оно все же более опасно, чем предполагалось вначале, и поэтому мы решили свою просьбу временно отменить, так как не желаем, чтобы вы или кто-то из ваших друзей подвергали себя новому риску...»

Альвирас отправил эту радиограмму Будрису через Графа уже из своего нового жилища.

А жилище оказалось превосходным.

Владис Ринкуле работал бригадиром в колхозе «Рассвет», но от хутора не отказался, хотя большинство колхозников жили теперь в новом селении, куда свезли или свои старые дома, или построили новые. В селении были и школа, и клуб, и пекарня, и маленькая столовая для тех, кто работал на центральной усадьбе, а жил еще в своих хуторах, вроде Владиса Ринкуле. Ринкуле предпочитал ездить на работу на мотоцикле, но жить в одиночку. Жена его — поповна, была еще молода, может быть, двадцати пяти лет, у них был ребенок, которому оставался год до школы, так что причин для переселения у Ринкуле не было. Да и позже, когда ребенок пойдет в школу, Ринкуле считал, что правильнее будет катать сына в школу и из школы на мотоцикле, чем ломать привычное житье-бытье. Тем более что на его жену в колхозе смотрели не очень одобрительно. Она в колхозе не работала, ссылаясь на болезни, хотя выглядела здоровее мужа, который стремился заслужить милость односельчан хоть тем, что трудился за двоих.

Житье было тихое. Помощник Альвираса Кох сходил тут за охотника. Он хвастался лицензией на отстрел двух лосей,— Будрис достал ему и лицензию и какую-то справку из общества охотников, так что Кох почти легализовался, часто бывал в селении, даже завел там друзей среди местных охотников. Альвирас получил от Будриса справку о том, что является таксатором соседнего лесничества, ведет «камеральные» работы по определению будущих порубочных площадей, но одновременно со справкой Будрис дал и совет, так сказать, «не высовываться». Поэтому Альвирас сидел тихонько, больше слушал «слепые передачи» из Лондона, а сам выходил в эфир только в случае прямого приказа Будриса или Графа, передававшего распоряжение через Коха.

Кох довольно откровенно предостерег Альвираса, чтобы тот не открывался перед хозяевами, кем он является на самом деле, так как хозяева были «пассивными» помощниками Будриса и его организации. Это означало, что Ринкуле и его жена могут дать временное прибежище людям из леса, помочь продуктами, вызнать, что говорят о «лесных братьях» и преследующих их чекистах в селении или в соседнем городке, но от прямого участия в тайных делах отстранились, оберегая семью и свой дом... Сам Кох вел себя в семье Ринкуле как свой человек, но о лесе тоже не вспоминал, больше говорил о своих охотничьих подвигах... Впрочем, он и впрямь был отличным охотником, это Альвирас видел своими глазами во время осенней охоты.

Альвирас довольно быстро отъелся, отдохнул после тяжкой лесной жизни, начал бродить на лыжах в окрестном лесу и както даже забыл о том, что он «нелегальный». Жена Ринкуле — хозяин звал ее Сашей — к жильцам относилась вполне гостеприимно, тем более что у Альвираса водились деньги и на оплату пропитания и на подарки. Вечерами, когда Альвирас не сидел возле приемника, а хозяин уже отдыхал, играли в четыре руки в «66» или в «канасту», которой обучил остальных Альвирас. Играли до полуночи, потом расходились. Альвирас и Кох шли в пристройку, а если случалась передача, Альвирас ждал своего часа, потом включал рацию и старался побыстрее передать радиограмму.

Первого марта Альвирас принял длинную радиограмму, адресованную Будрису. Англичане сообщали:

«Несколько месяцев тому назад мы обменялись радиограммами, в которых вы так вежливо выразили готовность послать своего друга в один из городов восточной России. Сейчас такая нужда возникла снова. Ранее вы сообщали, что ваш друг, который должен был отправиться в дальний вояж, обладает оптической памятью. Это очень хорошо. Если он имеет сейчас возможность выехать из Латвии, ему нужно будет посетить город по списку Лидумса № 17 и пробыть там около трех недель.

О подробностях задания мы сообщим, как только получим ваш ответ».

Днем Кох выехал на хутор, где жил Граф. Там он передал радиограмму и двое суток ждал ответа. Граф поехал к Будрису. С ответом Кох вернулся на свою базу.

В радиограмме Будриса стояло три слова: **«Посылаю Казимира. Будрис».**

Продолжение следует.

ТЕРЕМОК НА НИКОЛЬСКОЙ

Ванда **БЕЛЕЦКАЯ**

Фото Л. **БОРОДУЛИНА.**

Подобного высшего учебного заведения нет ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке. Только в США при университетах есть факультеты, родственные ему. И профессия, которую дает Московский государственный историко-архивный институт, удивительная — романтическая, полная поиска. Этот институт учит раскрывать тайны, учит умению увидеть судьбы людей и государств в стершихся строчках древнего столбца, в четких буквах Правительственного указа, в старенькой фотографии, в торопливом письме с фронта, так и оставшемся неотосланным... Архивист поднимает из забвения и «дела былых времен», и подвиги первых советских пятилеток, и имена героев, отдавших жизнь за Родину... Обо всем этом он, архивист, часто узнает первым и стремится не только сохранить для будущих поколений, но и рассказать всему миру.

Каждый раз, когда я шла на занятия, мне казалось, что институт не случайно расположился в одном из самых красивых и старинных зданий Москвы, на бывшей Никольской улице — улице 25-го Октября. В узорчатом теремке, «горящем, как печатный пряник», произошли события, дорогие каждому русскому. В 1564 году тут напечатана первая книга — «Апостол». Существует версия, что в теремке на Никольской был сам Иван Васильевич Грозный, чтобы воочию увидеть «чудесную» машину Ивана Первопечатника.

Ректор института доктор исторических наук С. И. Мурашов читает лекции по истории Коммунистической партии Советского Союза.

Прошел век и еще полвека. И тут стала печататься первая русская газета «Ведомости», основанная Петром Первым. Шел 1703 год.

На изразцовое крыльцо теремка поднимались не только цари. Великий «архангельский мужик» Михайло Ломоносов частенько хаживал сюда. В те годы тут помещалась знаменитая Книжная палата. Ломоносов тогда учился тоже на Никольской, в соседнем доме, в Славяно-греко-латинской академии.

Рассказывают, что в 1917-м в подвалах этого здания прятали оружие, которое получали красногвардейцы, шедшие по Никольской к Кремлю...

Организация Московского государственного историко-архивного института связана с именем Владимира Ильича Ленина. 1 июня 1918 года был подписан Декрет СНК РСФСР о реорганизации и централизации архивного дела. Осуществление этого декрета, работа с ценнейшим достоянием государства — документами была невозможна без квалифицированных, политически зрелых, преданных революции кадров. Для подготовки таких специалистов в этом же году в Петрограде и Москве открылись архивные курсы. 3 сентября 1930 года ЦИК и СНК СССР постановили образовать на их основе Институт архивоведения, который вскоре был переименован в Московский государственный историко-архивный институт.

Занятия в нем вели замечательные ученые, вобравшие в себя лучшие традиции российской профессуры и революционный пыл первой Страны Советов: академики Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский, М. Н. Покровский и М. Н. Тихомиров, профессора П. П. Смирнов и А. А. Новосельский, В. К. Никольский и И. Л. Маяковский, Л. В. Черепнин и Н. В. Устюгов, В. К. Яцунский и А. В. Чернов. Многих из них уже нет в живых, но в институте и сегодня сильны их традиции, работают их ученики. Например, первый курс источниковедения читал академик М. Н. Тихомиров. Теперь занятия ведет его ученик доктор исторических наук профессор С. О. Шмидт.

Более шести тысяч специалистов вышло из стен института. Где только они не работают!

Закономерно, что среди ученых, посвятивших свою жизнь сбору документов, связанных с жизнью и работой Владимира Ильича Ленина, особенно много выпускников МГИАИ. Бережная работа над ленинскими документами, смелый поиск — традиция института на улице 25-го Октября.

Выпускников МГИАИ я встречала в Музее Революции и Архиве древних актов; в Институте истории Академии наук и Театральном музее имени Бахрушина; в новосибирском Академгородке в Институте истории, филологии и философии академика Окладникова и в Оружейной палате Московского

Кремля; в Архиве Академии наук и в Фотофонокиноархиве. И совсем недавно, на XIII Всемирном историческом конгрессе, проходившем в Москве, я случайно оказалась рядом с делегатом конгресса, доктором исторических наук, одним из крупнейших ученых, занимающихся периодом феодализма, моим бывшим однокурсником Сергеем Каштановым.

...И вот я снова, волнуясь, как когда-то в дни сессии, иду по улице 25-го Октября. Первое, что бросается в глаза в вестибюле института,— отпечатанные на машинке списки вновь принятых.

Захожу в библиотеку, любовно собранную знатоком книги Глебом Вадимовичем Трониным. На полке стоят сборники научных трудов института. Ого! Уже вышло 26 томов. Рядом с именами известных, маститых ученых напечатаны фамилии студентов. Два сборника целиком состоят из студенческих научных работ. Это тоже традиция института.

Беру еще две книжечки, изданные совсем недавно — к 20-летию студенческого кружка источниковедения, о работах которого знают многие крупные историки. Новые данные о ленинских документах, статья об истории советских орденов, свежие и ценные материалы из архивных фондов знаменитых русских ученых... Современность и старина. Анализ документов глубокий и профессиональный. А ведь авторы этих работ — пока еще студенты: Саша Амосов, Сережа Чирков, Валерий Туманов...

В аудиториях и кабинетах начались занятия. Через неплотно прикрытые двери слышу знакомые голоса преподавателей, у которых я училась: Сигурда Оттовича Шмидта, Ирины Александровны Мироновой, Александра Александровича Зимина.

Около кабинета ректора толпятся ребята, которые не прошли по конкурсу, но все еще надеются, а вдруг... С удовлетворением отмечаю, что конкурс в институт опять самый высокий. Словом, все как раньше...

Но что это? «Аудитория технических средств обучения». На каждом столе установки для программированного обучения. Самые современные. «С восемью неизвестными»,— с гордостью говорит заведующий кафедрой иностранных языков А. М. Данилянц.

Почему в институте появились кабинеты «высшей математики» и «вычислительной и информационной техники»? Почему во дворе рядом с древним теремком из грузовика выгружают перфораторы, копировальные машины, телетайпы?..

— Да, историко-архивный институт за последние годы очень изменился,— говорит ректор доктор исторических наук Сергей Ильич Мурашов.— Одна из черт нашего времени — гигантский рост информации. Особенность эта, вызванная прежде всего научно-технической революцией, касается и такой важнейшей стороны государственной жизни, как делопроизводство. Ежегодно в стране создается почти четыре миллиарда документов. В ближайшие 10—15 лет это количество удвоится. Бурное развитие техники родило и совсем новую документацию: уже сейчас в нашей стране имеется свыше 10 тысяч научно-технических архивов. Поэтому мы открыли новый факультет — государственного делопроизводства, готовящий документоведов — организаторов управленческого труда. Введена специальность по научно-техническим архивам. Созданы кафедры автоматизации и механизации делопроизводства (ее руководитель — крупный специалист доктор технических наук В. Д. Шорин) и введены в учебную программу необычные для историко-архивного института предметы.

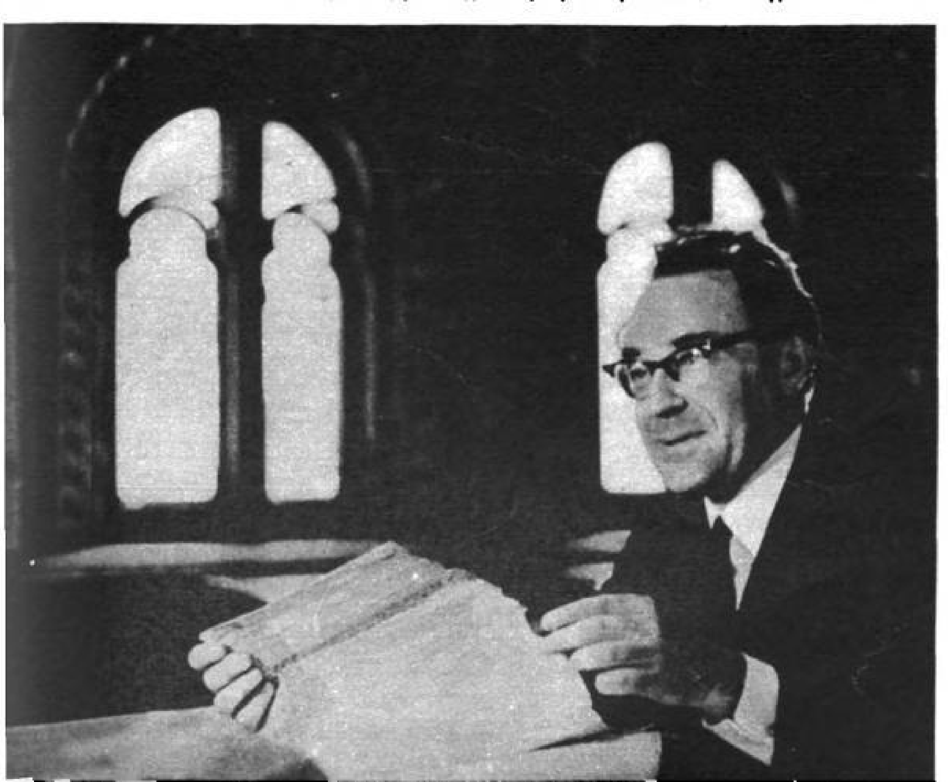
Я просматриваю учебную программу: рядом со знакомыми мне историческими дисциплинами высшая математика, физика, основы технологии черчения и деталей машин, науковедение и научно-техническое прогнозирование, логические и математические основы информационно-поисковой системы.

Я понимаю, как много еще не решенных вопросов стоит перед преподавателями и студентами института. Ведь ввести новые предметы еще далеко не все. Они должны быть подчинены основному — изучению источника, разработке методики им пользования, позволяющим сделать более глубокие и обоснованные выводы. В решении этих вопросов помогут те традиции русской и советской исторической науки, о которых нельзя забывать никому, и тем, кто преподает, и тем, для кого в этом древнем здании начался первый в жизни студенческий год.

На семинаре по истории организации архивного дела доцента В. И. Вяликова.

В теремке вечерами заседает студенческий кружок источниковедения которым руководит профессор С. О. Шмидт.

ЧЕСТНОСТЬ НА СТРЕЖНЕ

Вернувшись на родину из длительных странствий, я застал сразу две новых книги Сергея Васильева — «На стрежне» и «Одиночество на миру». Последняя создана в жанровом содружестве с художником Марком Абрамовым. Еще не выветрился из меня горчичный привкус заграницы, поэтому я, видимо, особенно остро воспринял эти книги.

Я обнаружил во многих стихах и дерзкую свежесть знаменитого «Голубя моего детства», и литую точность лучших стихов С. Васильева о Москве, и новые качества, привнесенные опытом и мудрым блеском седины в волосах: широту творческого диапазона, широту тем и, главное, широту суждений. И что самое удивительное: в характере творчества поэт ни на йоту не изменился, остался тем же отчаянно русским человеком, беспредельно добрым и беспредельно преданным родной земле. Он просто не может быть иным, хоть порой по роду писательской судьбы он и находится «за тысячу верст от роднмого края, зато по соседству с мечтой о России»!

В новых книгах С. Васильева тема верности выступает в едином сплаве с темой честности писателя.

Я понимаю, мои стихи
не обтекаемы, не покаты.
Они ощетинены, как штыки,
развернуты, как плакаты.
Не для концертных эстрад
и зал,
не в помощь сладкому
блюду...
То, что увидел, то и сказал,
за то и в ответе буду.

Эта честность во всем: в том, что поэт не берется привнести что-либо новое в описание Нью-Йорка; в его отношении к друзьям и врагам за океаном; в оценке явлений, которые его волнуют; в непримиримости к злу; в уважении к чужой честности, даже если она исходит от врага...

В стихотворении «У могилы Кеннеди» есть такие строки:

Нет нации покоя
у этих строгих плит.
Тут что-то есть такое,
что совесть шевелит.

И дальше:

Налево и направо —
открытых душ стена.
Великая держава,
жестокая страна.

Вот уж действительно тот счастливый случай, когда простые слова становятся патронами в обойме!

По стихам щедро рассыпаны поэтические находки, без которых блекнет любая художественная ткань. Поэт описывает французскую реку-работягу: «Струнтся вразвалку усталая Сена». Пишет о Пушкине: «Серебряным инеем Пушкин оброс, как будто из белой метели изваян». И при всем этом — неумолкающий русский говорок, верность естественной, родной интонации.

Стихи заморского цикла в книге «Одиночество на миру» дополняются прозаическими заметками поэта. Проза эта так же, как стихи, бесхитростна и честна, лишена дипломатических вывертов и реверансов, поэтому ей веришь.

От Сибири до Сабира — так в шутку можно определить серьезную, весомую работу Васильева — переводчика, открывшего русскому читателю силу сатир великого азербайджанца. Эта работа высоко оценена на родине Сабира; она открыла еще одну яркую грань дарования русского поэта.

Не сомневаюсь, что новые книги Сергея Васильева доставят истинное удовольствие его почитателям и завоюют ему новых друзей.

Иван РЯДЧЕНКО

ПРОЗА ПОЭТОВ

В заголовке этой небольшой заметки ошибки нет. Не проза поэта, а именно «проза поэтов», ибо автор романа «Солнце встает у нас» — известный абхазский поэт Иван Константинович Тарба; ну, а переводчик романа — хорошо известный русскому читателю поэт, прозаик, лирический очеркист Владимир Алексеевич Солоухин. Здесь мы смело можем сказать, что это талантливое содружество дало очень примечательные результаты. «Солнце встает у нас» прочитывается с интересом, с легкостью, с возрастающим уважением к мастерству писателя и его переводчика.

Можно не согласиться с тем, что это произведение поименовано романом. Дать подзаголовок «повесть» было бы правильней, тем более что «Солнце встает у нас» как наименование возникает в конце фабульного развития. Так называется песня одного из персонажей — студента Сухумского музучилища Татея Ахба. Для романа этот «эпиграфический» прием слишком случаен и легкомыслен. Но суть, конечно, не в этом. Иван Тарба написал интересную книжку о нашем сегодняшнем дне, о «дружбе и любви», как пишется в стандартных рецензиях, а говоря конкретней — об абхазской молодежи и славящихся своим долголетием жизнелюбивых аборигенах кавказских гор. Поэтичность повествования не только в романтичности, а иногда и романичности действий и явлений, но и в самой так называемой языковой ткани. Здесь-то и проявляется результативность содружества Ивана Тарбы и Владимира Солоухина.

«...Если сравнивать вино с добрым конем, важно не отпускать поводья, а держать коня в узде».

«Для того чтобы узнать настоящий вкус абхазского яблока, нужно разуться и босым залезть на шершавую теплую яблоню. Выбрать ветку покрепче, усесться на нее верхом, как в седло, протянуть руку и сорвать плод. И съесть тут же, не слезая, не теряя ни минуты, пока сок в яблоке так же прохладен, как и в стволе, потому что только секунду назад яблоко составляло одно целое с деревом и кровь его бродила в плодах».

«Горы вздрогнули. Харзамана будто толкнули в грудь. Он покачнулся, отшатнулся назад. Скала, на которую он только что смотрел, вдруг странно сдвинулась с места, приподнялась, стала клониться на сторону и рухнула. Словно перья из лопнувшей подушки, взметнулись вверх и наполнили небо осколки камней».

На любой странице романа (повести?) «Солнце встает у нас» есть такие, несомненно, поэтические в самом своем естестве, живописные, художественные строки. Есть и более красочные, выразительные. Поощрим скромность автора и его переводчика и подождем мнения читательской общественности.

А. КОВАЛЕНКОВ

Иван Тарба «Солнце встает у нас». Роман. Журнал «Дружба народов» №№ 1, 2, 1970 г.

Три воскресенья

А. СОФРОНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР В МАНИЛЕ

Вот так, незаметно наступил последний вечер в Маниле. Только что, казалось, мы оставили в Манильском аэропорту монументальную и, как мне представилось, даже символическую, но вместе с тем весьма реальную фигуру современного американского колонизатора Френка Джерома, как уже входили в здание манильского банка, где в роскошном, охлажденном до предела зале заседаний ожидал нас спикер палаты представителей филиппинского конгресса Хосе Лаурель, человек невысокого роста, с живыми глазами. Он сердечно приветствовал нас и пригласил занять места. Чуть поодаль скромно присели к столу доктор Амаду Юзон и Кончита. Мы поблагодарили филиппинское правительство за разрешение побывать на конгрессе поэтов и познакомиться со страной. Мы отметили большую роль доктора Амаду Юзона как организатора и руководителя конгресса поэтов.

Выслушав нас, Хосе Лаурель сказал:

— Были некоторые задержки с визами... Обычная государственная процедура. Не было уверенности, что вы приедете, а потом, когда получили из Токио сообщение, все постарались сделать. Я дал распоряжение моему младшему брату, он наш посол в Японии. Мой брат вообще имеет указание общаться с дипломатическими представителями социалистических стран, несмотря на то, что они коммунисты. Мы придерживаемся другой идеологии, но это не имеет значения. Я думаю, что мы можем у вас многому поучиться... Да и ваша страна может найти у нас что-то такое, что будет полезно для обеих стран.— Лаурель остановился, словно бы желая убедиться, что мы всерьез воспринимаем его слова, затем продолжил: — Пришло время, когда американцы должны прекратить запрещать нам жить так, как мы сами желаем... Сами американцы имеют с Советским Союзом дипломатические отношения, хотя и мало, но торгуют, обмениваются выставками, актерами и музыкантами, а нам запрещают... Я был в Москве всего три дня, но остался очень доволен. Ваш Большой театр?! Это же божественно... Мы все знаем, как бывает...— Здесь Лаурель снова остановился.— Некоторые наши товары, через посредников,— Лаурель не расшифровал, каких посредников он имел в виду,— через чужие руки оказываются в социалистических странах... Те, кто вывозит от нас эти товары, зарабатывают на этом более сорока процентов. Это наши деньги... Зачем же мы будем терять наши богатства? У нас бедная страна, но мы гордые люди и желаем действовать сами, не завися от других.— Лаурель снова остановился и уже более спокойно произнес: — Я лично считаю, что дипломатические отношения между нашими странами должны быть установлены, но... Но не могу сказать, когда это случится. Пусть же пока развиваются торговые, деловые и культурные отношения, они будут способствовать сближению Филиппин и Советского Союза.

Слово попросил доктор Юзон:

— Советские писатели привезли нам с собой мир и дружбу. Они ярко показали отношения между народами Советского Союза. Мы имели возможность слушать выступления советских писателей на трех языках — русском, грузинском и узбекском. Это имело большое значение для филиппинских писателей, разрешающих языковые проблемы филиппинской литературы.

— Говорят, вы завтра улетаете? — спросил Лаурель.— Жаль, что так мало побыли у нас... Но пусть для вас сохранится запах Филиппин в этих сигарах,— сказал спикер конгресса, подавая нам коробки.— Конечно, кубинские сигары хороши, но наши им не уступают.

...Мы вышли на шумную улицу. Мимо нас проносились, трубя рожками, «джипы». На тротуарах покачивались разноцветные шары. Кричали продавцы фруктов, нейлоновых носков, купальных шапочек, туфель... Наступал темный манильский вечер, расцвеченный всеми красками электрической и неоновой рекламы.

— Ну, а теперь время отдыха. Вас ждет моя семья,— сказала Кончита.

Как-то даже было странно. Еще утром быть на фабрике кокосового масла в Легаспи, побывать в туберкулезной больнице Сорсогона, мчаться среди банановых плантаций, беседовать со спикером конгресса, а потом отправиться по приглашению Кончиты в ее дом, расположенный в Кесон-сити. И все в один день!

На пороге дома нас встречали пожилая женщина и, уже явно навеселе, отец Кончиты Рафаэль.

— Не утерпел? — спросила Кончита отца.

— Вы же опоздали,— сказал, широко улыбаясь, Рафаэль.

— Я уже ему говорила,— смущенно пробормотала мама Кончиты.

— Будем пить виски или бренди? — с места в карьер обратился к нам папаша Рафаэль.

— Погоди, папа... Я хочу представить своих детей нашим гостям. Розалина, иди сюда.

К нам подошла девушка, почти подросток, в белом коротком платье.

— Она нам сегодня будет петь. У нас все хорошо поют. А это младшие.— Кончита подвела мальчика и девочку.— Это моя Бемби,— с какой-то особой нежностью погладила она девочку с белым бантом на голове, огромными черными глазами, изумленно смотревшую на нас. Папаша Рафаэль терпеливо ожидал своей очереди.

— Будем пить виски или бренди? — повторил он настойчиво.

Мы уселись за стол, и на душе стало как-то спокойно. Розалина пела, аккомпанируя на гитаре. Со слезой в глазах слушала ее бабушка. Требовательно смотрела на дочь Кончита. Нетерпеливо ожидал возможности поговорить папаша Рафаэль. И он дождался.

Когда Розалина отложила в сторону гитару, папаша Рафаэль вдруг спросил нас:

— Как вы относитесь к англичанам?

— Так же, как и ко всем людям на земле.

— А я их не люблю,— сказал решительно папаша Рафаэль.

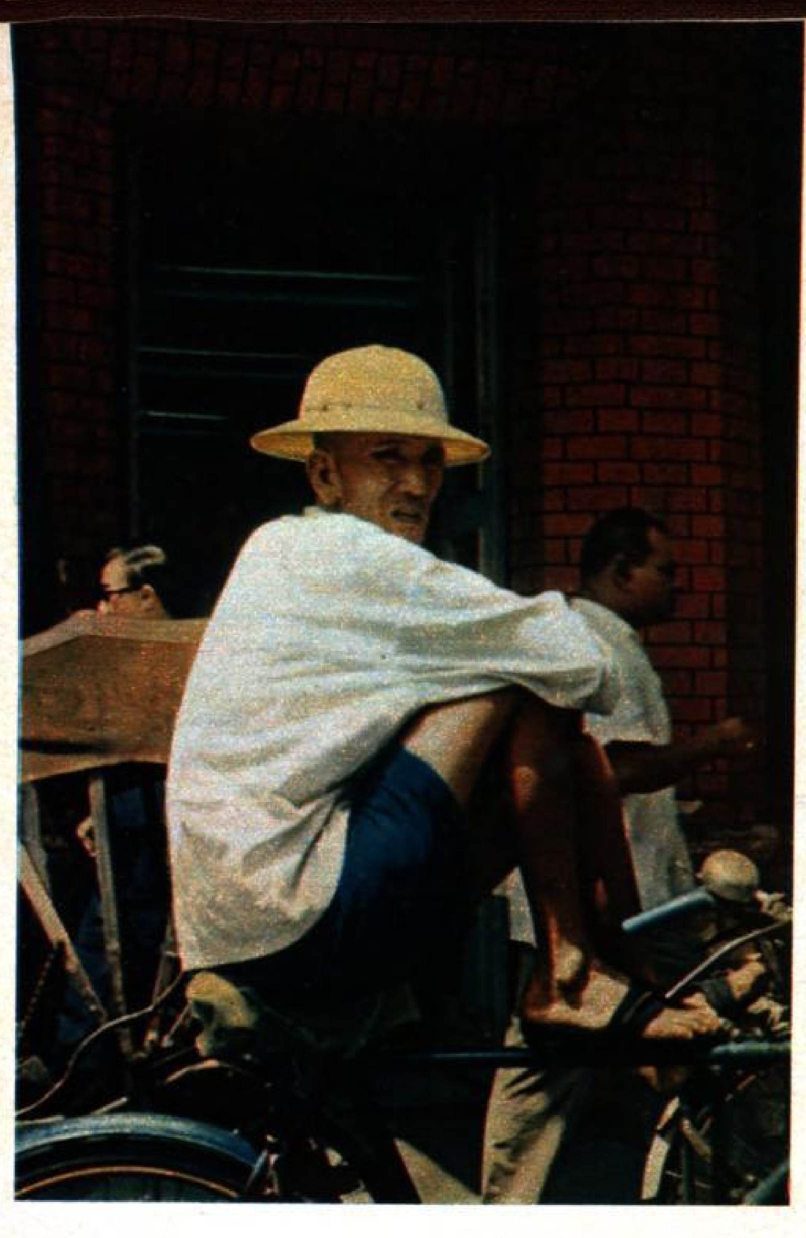
— Почему именно англичан?

— Впрочем, все они одинаковы... Но англичан я не люблю особенно. У меня для этого есть все основания... Сейчас я на пенсии. Но когда-то был государственным деятелем, заместителем министра труда... Я летал в Лондон с дипломатическим паспортом. В Лондонском аэропорту служащий придрался ко мне. Ему показалось, что мой чемоданчик весил больше, чем следовало бы по норме. Он потребовал, чтобы я поставил его на весы. Я показал ему дипломатический паспорт... Я летел на межгосударственную встречу. Но я желтый... Принадлежу к желтой расе, ему было плевать на мой дипломатический ранг. Я бросил чемодан на весы. Бросил чемодан, а сам пошел жаловаться на этого негодяя. Старший чиновник разобрался и сделал этому негодяю внушение... Потом этот негодяй нес мой чемодан до такси и все время извинялся... Но я этого не мог забыть... Потом на встрече мы вырабатывали один проект. В комиссию вошли представители Японии, Малайзии и Филиппин... Должен был войти еще англичанин. Не знаю, почему, но он отказался. Я смотрел на него и думал, что отказался он потому, что мы желтые... С тех пор я не могу терпеть этих англичан... Они слишком долго правили миром и обнаглели.— Папаша Рафаэль налил себе виски.

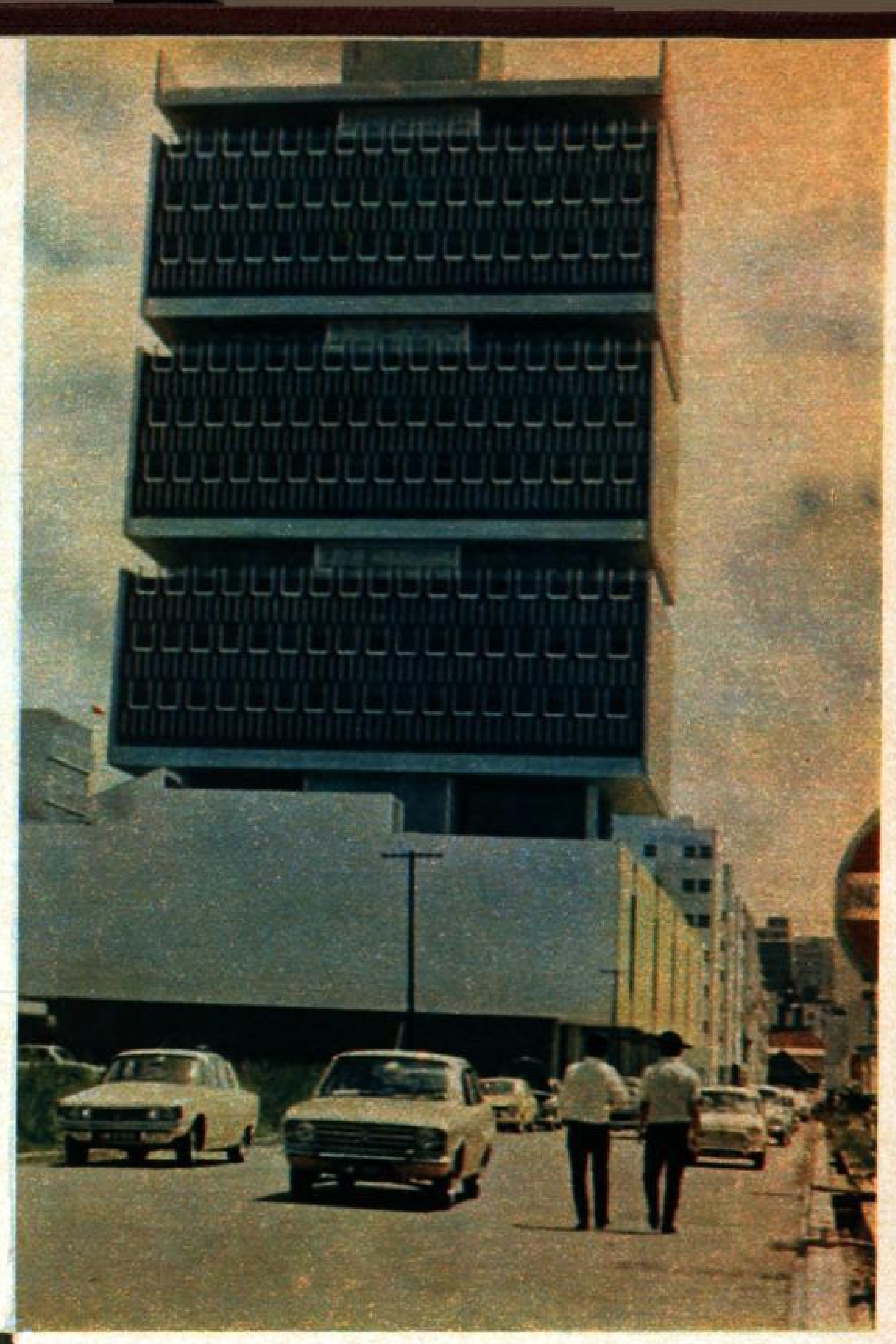
— Довольно, папа,— решительно сказала Кончита.

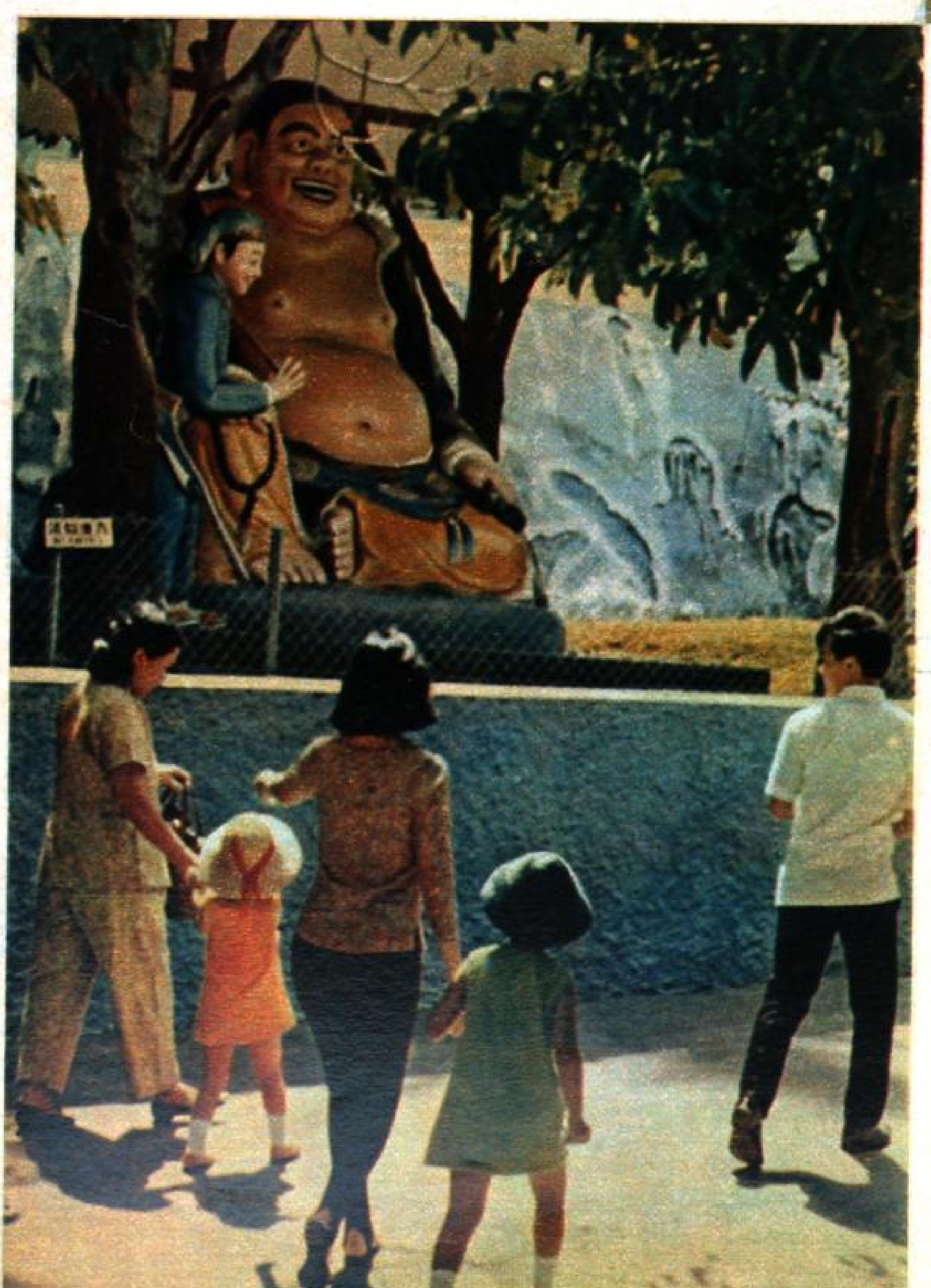
...Как-то особенно жадно мы всматривались в ночные улицы Манилы. Неожиданно гостеприимно открылись нам Филиппины с их лихорадочной, полной противоречий жизнью. Еще десять дней назад мы

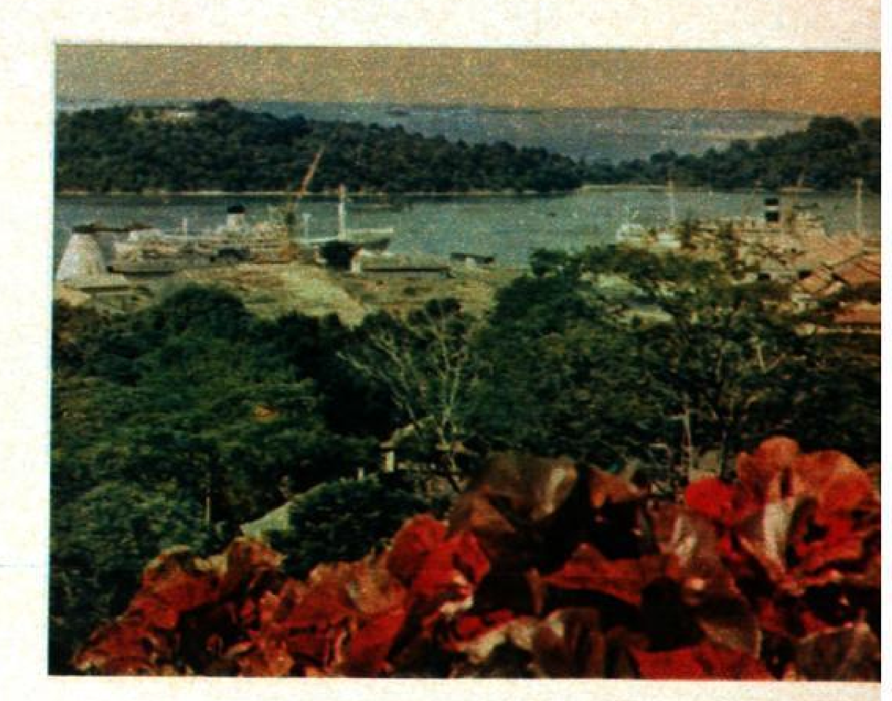
См. «Огонек» №№ 36—38.

В СИНГАПУРЕ.

В СИНГАПУРЕ.

почти ничего не знали, не ведали об этом удивительном уголке нашей планеты, а теперь он уже стал по-своему знакомым; здесь мы встретили людей, жадно ищущих выхода из того трудного положения, в каком оказались Филиппины.

...Утром к нам приезжали прощаться Гилопес Кабайо со своей красивой сестрой, падре Сальвадор, сеньор Рио, Леонидас с Милой. Амаду Юзон вручил нам на память еще какие-то памятные грамоты и медали и высказал желание участвовать в движении солидарности писателей Азии и Африки.

Снова шел дождь, когда мы, сопровождаемые немного грустными Кармен и Кончитой, отправились на аэродром.

Уже у трапа самолета в последний раз мы дали интервью журналисту одной из манильских газет, в котором пожелали филиппинцам успехов в их борьбе за национальную независимость и свободу. Теперь в самолете мы получили возможность спокойно перелистать страницы манильских газет, щедро публиковавших информацию о нашем пребывании на Филиппинах и ответы на различные вопросы, которые нам задавались местными журналистами. Надо отдать должное манильской прессе: она воспроизводила наши ответы без особой собственной фантазии.

«Мы убеждены, что призвание поэтов заключается в том, чтобы способствовать укреплению мира. Мы не думаем, чтобы во всей истории мировой поэзии можно было бы найти поэта, воспевавшего ненависть и войну, и чтобы этот поэт пользовался любовью народов. Эти вещи несовместимы. Поэты сближают народы» («Манила кроникл»).

«Мы считаем Филиппины страной удивительной красоты, населенной дружественным и гостеприимным народом. Мы с удовольствием будем рассказывать устно и письменно об этой стране, чтобы о филиппинцах узнали наши советские люди» («Манила таймс»).

«За пределами Советского Союза люди считают, что все мы, советские писатели, пишем по-русски. Но это не так. В Советском Союзе живут национальности, литература которых выходит на 80 языках. Из трех поэтов нашей группы только один пишет по-русски» («Манила кроникл»).

«Мы призываем к здравому смыслу, рассудку, к дружбе и ни к чему больше. Мы должны сказать, что отношение нашего народа к народам Китая всегда было и будет дружественным. Мы верим, что чувство дружбы и здравый смысл победят».

Нет, у нас не было никаких претензий к манильской прессе в те дни, когда мы были на Филиппинах.

Еще в самолете мы познакомились с врученным нам типографским изданием «Доклад председателя парламентской комиссии по иностранным делам и руководителя специального комитета Мануэля С. Энверга по пересмотру национальной политики Филиппин в отношении коммунистических стран», опубликованным в Маниле в 1968 году.

В этом докладе комиссия Энверга считала необходимым:

«пересмотреть внешнюю политику Филиппинской республики в отношении стран социалистического лагеря, имея при этом прежде всего в виду необходимость выяснить целесообразность налаживания экономических и культурных отношений с этими странами».

Авторы доклада писали, что «им мешало то прискорбное обстоятельство, что ни система образования, существующая на Филиппинах, ни массовые средства информации не давали правильной, объективной и познавательной картины того, что собой представляют страны социалистического лагеря».

Ссылаясь на беседы с индийскими торговыми представителями, авторы сообщали, что:

«пример торговых отношений, существующих между Индией и Советским Союзом, заслуживает подробного рассмотрения, т. к. исследовательская группа обнаружила, что они представляют собой типичный пример того, как обращаются европейские социалистические страны со странами, испытывающими острые затруднения в развитии своей национальной экономики. Когда филиппинская исследовательская группа находилась в Индии и была занята выполнением необходимых формальностей получения виз для поездки в социалистические страны, члены группы благодаря содействию официальных представителей индийского правительства и профессиональных индийских экономистов имели возможность изучить третье торговое соглашение, действовавшее между Индией и Советским Союзом.

Это торговое соглашение заключено сроком на 4 года (1964—1968). По истечении срока действия или к моменту его возобновления общая сумма торгового оборота должна составить 400 миллионов рублей, что, грубо говоря, равно 1 600 000 000 филиппинских песо. Индийские представители объяснили нам, что этот торговый оборот вдвое превышает тот, что был установлен между двумя странами в 1962 году.

...Индийский чиновник объяснил нам, что торговые отношения между Индией и Советским Союзом основываются на «твердых принципах взаимной выгоды и равенства обеих договаривающихся сторон». Внимание членов исследовательской группы было обращено на то, что подробный анализ индо-советского торгового соглашения выявляет стремление обеспечить поставку Индии таких товаров советского производства, которые бы содействовали экономическому развитию Индии, и что только товары, в которых Индия нуждается, для этих целей ей и поставляются. Индийский чиновник без обиняков заявил, что индо-советскому торговому соглашению абсолютно чужд демпинговый характер торговли с капиталистическими странами, которые, имея огромные избытки некоторых товаров, обычно включают их в торговое соглашение с развивающимися странами.

...При внимательном чтении текста торгового соглашения мы обнаружили, что Советский Союз по условиям четырехгодичного обязательства должен поставить Индии следующие товары: энергетическое оборудование (для тепловой электростанции в Патраху, для гидроэлектростанций, как, например, для Мадрасской гидростанции в Балемела, штат Орисса), значительное количество оборудования, включая экскаваторы, драглайны, краны, бульдозеры, скреперы, автогрейдеры, самосвалы, советское геологическое оборудование и буровую технику, металлорежущие станки, запасные части к ранее поставленному советскому оборудованию и технике, узлы и детали машин для металлургического завода в Бхилаи, строительство которого заканчивалось в Индии, тракторы (к моменту пребывания исследовательской группы Филиппин в Дели 15 000 тракторов уже были поставлены Советским Союзом в Индию), разнообразная сельскохозяйственная техника, другие виды капитального оборудования и полуфабрикаты, предназначенные для изготовления законченных изделий, в которых Индия испытывает недостаток.

Самой поразительной чертой индо-советского торгового соглашения, на которое филиппинцы должны обратить особое внимание, является его, как говорят индийские экономисты, «органическая сбалансированность». По словам индийцев, именно это обстоятельство кардинальным образом отличает его от сущности торговых соглашений, заключаемых со странами Запада. По индо-советскому торговому соглашению все операции по финансовым расчетам осуществляются между обеими странами в индийской национальной валюте — рупиях. Это значит, что все товары, проданные Индией Советскому Союзу, оплачиваются им в рупиях, которые Советский Союз получает за проданные Индии товары советского производства. Более того, по условиям, записанным в торговом соглашении, все рупии, полученные Советским Союзом за продажу советских товаров Индии, предназначаются для приобретения индийских товаров. Благодаря такому порядку торговых взаимоотношений Индия никогда не испытывает дефицита торгового баланса в своей торговле с Советским Союзом. Это дает Индии двойную выгоду: ее резервы иностранной валюты, которые при других обстоятельствах она должна была бы расходовать на приобретение советских товаров, высвобождаются для других целей, а кроме того, Индия получает стабильный и постоянный рынок сбыта товаров, которые Советский Союз обязался у нее покупать.

Могут спросить: какие товары и изделия Советский Союз покупает в Индии? Вот перечень товаров, которые поставляются по торговому соглашению 1964—1968 годов: чай, перец, орехи нешью, джутовые изделия, шеллак, слюда, табак, хлопок и шерстяные изделия, кожаная обувь, изделия кустарных ремесел, жмых, инсектициды и т. д.

В дополнение к торговому соглашению Советский Союз и Индия осуществляют широкое сотрудничество в различных областях, имеющих целью содействовать усилиям Индии развивать и модернизировать свою страну. Это сотрудничество охватывает оказание технической помощи и консультации, поставки оборудования и подготовку технических специалистов в советских школах и учебных центрах.

По мнению членов исследовательской группы, характер взаимоотношений Советского Союза и Индии, как об этом говорилось выше, является типичным для взаимоотношений других социалистических стран с развивающимися странами. Они радикально отличаются от характера отношений западных капиталистических стран к менее развитым странам. Неоспоримо и то, что социалистические страны совершенно иначе ведут свои торговые и экономические дела с развитыми странами, чем когда они имеют дело с развивающимися странами. Так, например, практически все европейские социалистические страны торгуют с такими высокоразвитыми в промышленном отношении странами, как Англия, США, Франция, Италия и т. д. Условия торговых отношений с этими странами совершенно отличны от условий торговых соглашений с развивающимися странами».

При всей наивности некоторых положений комиссии Энверга следует все же отметить ее пытливость и отсутствие предвзятости не только в вопросах экономических отношений, но и в желании объективно отразить реальное положение вещей в различных областях жизни Советского Союза и социалистических стран.

Рассказывая о посещении Московского государственного университета, авторы доклада писали:

«Мы были поражены, что в огромной библиотеке университета имеется богатейшая коллекция книг по всем видам искусства всех стран мира, включая и по искусству Филиппин!»

«Марксизм,— пишут они,— стал составной частью всемирной цивилизации. Книги по марксизму можно приобрести почти во всех странах мира, их охотно и с интересом читает интеллигенция в поисках ответов на интересующие их вопросы. Став важной частью мировой системы идей, марксизм едва ли может рассматриваться как подрывная идеология. Исходя из того факта, что примерно половина человечества приходится на страны социализма, где придерживаются марксистской идеологии, ее невозможно считать подрывной».

«Мы нигде не видели в социалистических странах людей с пустым взглядом, с безнадежным, потерянным видом, который бросается в глаза у бедняков, встречающихся на тротуарах Манилы почти каждый день».

...Да, Манила. Много прибавила ты к нашему представлению о суровой борьбе за национальное освобождение.

И невольно обращались мы к национальному герою Филиппин, писателю и революционеру Хосе Рисалю, казненному испанскими колонизаторами 30 декабря 1896 года на Багумбаянском поле.

В своей статье, одном из наиболее интересных и страстных публицистических произведений, опубликованных впервые в газете «Ла Солидаридад» в 1889—1890 годах, он горько спрашивал:

«Останутся ли Филиппинские острова испанской колонией? И если останутся, что это будет за колония? Получат ли испанские провинции автономию? И, чтобы получить ее, какие потребуются жертвы?

...Ответить на эти вопросы невозможно. Вернее, можно ответить положительно или отрицательно на каждый из них, в зависимости от того, какое время мы имеем в виду. Если уж нет ничего вечного в природе, то что говорить о жизни народов, подверженной изменениям и движению!»

Время ответило Хосе Рисалю уже после его смерти. Сама смерть Хосе Рисаля от залпа испанских колонизаторов, его пламенные статьи, борьба тысяч филиппинских патриотов оборвали навсегда испанское владычество на Филиппинах. Но обратимся к словам Рисаля, сказанным в конце этой статьи:

«Разве что великая Американская республика с ее интересами на Тихом океане, не участвующая в разграблении Африки, задумается когда-нибудь о приобретении западных владений. Такая возможность не исключена, ибо пример других заразителен, а зависть и честолюбие — пороки сильных мира сего... Однако Панамский канал пока не открыт, да и территория Штатов не имеет избытка населения, а в случае, если они решатся выступить открыто, европейские державы не позволят им действовать свободно, так как хорошо знают, что аппетит приходит во время еды. Северная Америка могла бы стать очень беспокойным соперником, примись они за дело. Но это и не в ее традициях».

Смутно предчувствуя угрозу со стороны Америки, Хосе Рисаль все же, естественно, не мог себе представить, что на Филиппины на смену одним колонизаторам придут другие и что «Американская республика» «примется за дело», хотя «это и не в ее традициях». Пример других оказался заразителен. Почти полвека Соединенные Штаты Америки официально властвовали на Филиппинах. Только победа советского народа над немецким фашизмом и японским милитаризмом в последней войне, громом раскатившаяся по всему миру, внесла политические перемены и на Филиппины. Но, уступив кое в чем в политике, Соединенные Штаты Америки не уступили в экономике, активно влияющей на политическую жизнь Филиппин, на их социальное устройство. В этом мы убедились, находясь на Филиппинах, встречаясь с самыми разными представителями социальных категорий филиппинского общества.

К счастью, жизнь филиппинского народа так же, как и жизнь других народов, подвержена изменениям и движению. Свет борется с мраком. И, как бы ни было трудно, свет побеждает мрак. Уже в Москве мы узнали о многих событиях национально-освободительной борьбы на Филиппинах и, в частности, о том, что знакомый нам падре Сальвадор вместе с прогрессивными деятелями католической церкви выступил с декларацией, в которой провозглашено, что власть на

Филиппинах должна принадлежать трудовому народу. Но это только лишь малая частица тех событий, которыми полна классовая и национально-освободительная борьба на Филиппинах.

...Подлетая к Сингапуру и перебирая подробно в памяти каждый день, проведенный на Филиппинах, я вдруг не смог вспомнить, когда же промелькнуло второе воскресенье, которое по календарю выпало нам провести в Маниле. День походил на день, каждый из них был заполнен до предела. Воскресенье не осталось в памяти, потонув в калейдоскопе филиппинской жизни.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ТРЕТЬЕ

В СИНГАПУРЕ

Самолет разорвал облака, что нависли над океаном, и под нами протянулся серый океан и черная, словно обнаженная земля. В океане длинными поплавками покачивалось множество кораблей. Были ли они в движении, или стояли на якорях, определить было невозможно, так как самолет направился к посадочной полосе и неслышно коснулся бетона. Пока самолет подруливал к зданию аэропорта, справа, на зеленом холме, можно было прочитать выложенную белым камнем надпись: «Сингапур».

Несколько раз в тяжелой духоте выходил я по дороге в Австралию в этом аэропорту, слонялся по залам для транзитных пассажиров, наблюдая кипучую жизнь казавшегося таинственным аэропорта. Помнится, здесь пассажиры всегда устремлялись к киоскам, где продавались японские транзисторы и магнитофоны, как говорили здесь, без пошлинных надбавок. Видимо, это было так и в самом деле, так как торговля шла бойко. Продавцы роняли несколько слов, включали транзистор и вопросительно смотрели на покупателей. Затем они молча заворачивали покупку и обращали лицо к другому покупателю. Здесь действовал старый и вечный закон: время — деньги. Нагулявшись по залу, мы обычно продвигались к выходу, чтобы занять место в открытом автовагончике, который подвозил нас к трапу самолета, и, в последний раз взглянув на голубые неоновые фонари аэропорта, поднимались в темное небо. Еще какое-то мгновение под крыльями самолета успевали заметить мерцающие, расплывающиеся в вечерней мгле длинные гирлянды протянувшихся вдоль улиц Сингапура фонарей и погружались во мглу тихоокеанской ночи. Каждый раз из окон здания аэропорта и из открытых дверей мы видели яркую площадь, ряды автомашин, слышали незнакомый говор, но так и улетали, не увидев все это вблизи.

На этот раз до отлета в Москву нам выпал двухсуточный отдых. Ответив в последний раз на вопрос любознательной стюардессы, как сказать по-русски «добрый вечер», мы вышли под небо Сингапура. По сравнению с Манилой здесь оказалось прохладней. В холле, возле узкого прохода, где стоял чиновник аэропорта, мы услышали обращенные к нам по-русски слова:

— Здравствуйте, товарищи.

Перед нами стоял высокий улыбающийся человек.

— Я работник советского посольства Кирилл Иванов,— сказал он.

Это тоже было новым. Недавно между Сингапуром и Советским Союзом установились дипломатические отношения.

— Разрешение на визы есть,— сказал нам Кирилл Иванов, когда мы, пройдя паспортный контроль, оказались в ранее недосягаемом для нас зале.

— Визами мы запаслись на всякий случай еще в Токио,— успокоили мы Кирилла Иванова.

Вскоре мы втиснулись в маленький автобус и отправились в отель. Сопровождал нас сингапурец — служащий Аэрофлота. Мы жадно смотрели по сторонам, но мало что могли увидеть. В стороне от дороги высились ярко освещенные многоэтажные дома, да поближе к дороге расположились открытые фруктовые лотки с мигающими над ними разноцветными фонариками.

Мы ехали длинной темной улицей, потом сделали два-три крутых поворота и оказались возле подъезда отеля «Леди Хилл».

Когда вошли в номер и повернули рычажок радио, комната вдруг наполнилась современно трансформированной, но от этого не переставшей быть русской мелодией «Светит месяц». Это уже было чистое наваждение. Я прислушался, усилил звук, но все было безошибочно. В комнате звучала мелодия песни «Светит месяц».

— Ну светит, так светит,— сказали мы и отправились на воздух, туда, где тихо играл оркестр. Ресторан располагался рядом с освещенным бассейном, в котором плескались несколько человек. В отеле оказался один из наших знакомых журналистов, большой знаток района Тихого океана. Мы с интересом слушали его рассказы о Сингапуре.

— Во-первых, если собираетесь что-либо писать о Сингапуре, не пишите о нем плохо. Здесь очень ревниво относятся к каждой строчке, которая появляется об этом молодом государстве.

— Молодом государстве?

— Конечно, молодом. Сингапур — государство, получившее политическую независимость в 1965 году. И то, что мы здесь с вами так спокойно сидим и попиваем пиво, и что в центре города расположилось советское посольство, и что до пятисот советских кораблей в году отныне заходят в Сингапур, да и многое другое, конечно же, является признаками, что Сингапур — государство молодое, самостоятельное, во многом еще выбирающее свой путь, но так или иначе по-своему решающее множество проблем, оставленных колонизаторами.

— Сколько лет Сингапур находился под английским господством?

— Целых сто пятьдесят лет Сингапур являлся опорным военным пунктом и торговым английским центром в Юго-Восточной Азии. Владычица морей довольно точно протянула свои опорные крепости, начиная от Гибралтара, Суэца, через Индийский океан сюда, в Сингапур и Гонконг. Теперь, конечно, многое нарушилось, но и сейчас англичане не оставляют без внимания Сингапур...

Но сингапурское правительство относится к этому весьма реалистично.

Неожиданно затих оркестр, в тишине слышались только тихие всплески в бассейне.

— А русских эмигрантов здесь нет?

— Есть, конечно... Всего несколько человек. Здесь даже имеется ресторанчик «Старая Россия». Содержит его некая русская тетя... В меню и пельмени, и черный хлеб, и даже борщ... Только пельмени доставляют в банках из Скандинавии, черный хлеб — из Голландии, селедку — еще откуда-то... В борщ кладется немного свеклы и много

Кончита ТРАНКЕД

Филиппины

Табак Харисабокеда

Харисабокеда знали все. Он был король. Это был необычный король. У него были карлики, готовые явиться по первому зову своего повелителя и выполнить любое его желание.

Карлики были маленькими человечками, ростом едва ли ему по колено. Одни были одеты в зеленое, другие — в красное, некоторые — в желтое и лишь совсем немногие — в золотое. Их маленькие головки прикрывали черные шапочки. Стоило королю трижды топнуть каблуком о землю, как тут же появлялись его преданные карлики. Король был таким добрым и таким внимательным, что его приказания всегда были нужны людям его королевства. Поэтому его подданные и все, кто жил поблизости, никогда не боялись его.

Посреди королевства Харисабокеда возвышалась большая гора. Со всех сторон ее окружали табачные плантации. Табак рос быстро и давал хороший урожай, потому что Харисабокед приказал карликам помогать людям выращивать табак.

Каждое утро с первыми лучами солнца на плантациях появлялись карлики в зеленом. Они весело бегали, поливая каждый кустик табака. Их сменяли карлики в красном. Они внимательно осматривали каждый лист, стараясь отыскать спрятавшихся там гусениц и других вредных насекомых. Было забавно наблюдать, как эти крошки поднимались по маленьким лестницам, стараясь дотянуться до самых верхних листов. Наконец, появлялись карлики в желтом, но тут же исчезали за зелеными листьями табака. Они очищали плантации от сорняков. Маленькие человечки медленно передвигались от куста к кусту, не оставляя за собой ни одной сорной травинки. И хотя карликов не было видно, люди узнавали своих помощников по их веселым песенкам. Это были песни радости и счастья. Вскоре люди, жившие поблизости, выучили эти песенки и стали подпевать своим верным друзьям.

Харисабокед просил своих подданных лишь об одном: не сажать табак на самой вершине горы. Его карлики провели черту, которая отделила владения короля от табачных плантаций. Он оставил это место для себя и своих карликов. Народ с уважением отнесся к этой воле короля. Вскоре вся гора покрылась плантациями табака от подножия до той черты. За ней оставалась невозделанной земля Харисабокеда.

Часто по ночам вершина горы озарялась светом факелов. В темноте можно было различить

всяких местных специй. Все это стоит умопомрачительно дорого, но зато экзотика... Ресторан пользуется успехом. В нем даже водка русская есть, только пока еще не наша... Откуда-то завозят под названием «Казак». Ну и, конечно, «Смирновская»...

— И это все, что здесь знают о нас?

— О, конечно, нет... Уже имеется договоренность, что Советский Союз поможет построить в Сингапуре часовой завод и завод инструментов. Русское, советское все больше становится здесь популярным. Для этого много сейчас всяческих каналов. Приезжают актеры... Весной в театре «Виктория» проходил фестиваль советских фильмов. Как сказал сингапурский министр Инче Рахим Исхака, фестиваль был подобен «благотворному и свежему ветру...». Недавно с большим успехом выступал узбекский ансамбль «Бахор»... Цирковые, эстрадные коллективы... Очень хорошо принимают... Конечно, бывают и огрехи. Жонглер ваш выступал — три цилиндра и четыре сигары... Не так уж, кажется, и сложно, но роняет... Это здесь, где семьдесят пять процентов населения китайского происхождения! Они таких жонглеров плохо воспринимают... Или певица, фамилию не помню, хорошо пела... Но зачем сюда в репертуаре везла английские песни? Их и так сюда поверх головы навезли англичане... Люди интересуются советской музыкой. Здесь все на виду. Весь Сингапур по территории меньше Москвы. И населения всего два миллиона.

Был уже первый час ночи, когда мы вернулись в номера. Бесшумно работал эйркондишен. В номере было прохладно и тихо.

...Теперь настало последнее, третье воскресенье. Наши друзья обещали показать нам город и окрестности Сингапура, но предупредили, что лучше это сделать в понедельник, когда город живет полнокровной жизнью.

В воскресенье же к нам снова присоединился знакомый журналист. Он значительно расширил наше представление о том, что сейчас представляет Сингапур.

— Правительство Сингапура ведет, в общем, реалистическую политику. Один из основных вопросов — это борьба за обеспечение занятости населения работой. По разным линиям все это происходит. Экономика перестраивается. Взят курс на индустриализацию Сингапура. Сейчас развиваются электронная, судоремонтная и нефтеперерабатывающая промышленность. Сингапур имеет приличную текстильную промышленность... Правда, здесь встает вопрос сбыта. Дело это сложное... Но так или иначе здесь считают, что торговля лучше, чем помощь. Сингапурцы хотят развития торговли, особенно в районе Юго-Восточной Азии. Они были бы не прочь, чтобы США и Англия хотя немного, но потеснились в этом районе... Честно говоря, эта мера ответственности завоевывает здесь симпатии. В Сингапуре неплохо строится жилой фонд... Но, конечно, в эти дома попадают не все, кто бы желал... Частные лица, обладающие деньгами, покупают целые секции в новых домах, а потом уже сдают квартиры... Повторяю, государство молодое, руководители его — тоже люди сравнительно молодые, но энергичные и инициативные.

Новое государство в Азии, правительство которого возглавляет Ли Куан Ю, проводит политику международного сотрудничества, в том числе с Советским Союзом, политику, соответствующую национальным интересам Республики Сингапур.

Был ослепительно яркий солнечный день. Ярко-голубое небо широким пологом висело над Сингапуром.

Мы отправились в центр города. Старые, массивные, по всему виду английского покроя здания банков, магазинов и различных торговых учреждений массивно нависали над улицами, заполненными автомашинами, велорикшами и торопливыми прохожими.

Здесь, в центре города, совсем не было ощущения, что мы вообще-то находимся на сравнительно небольшом острове, всего в 225 квадратных миль, так основательно строился англичанами этот город, строился, по всем предположениям, навечно. Помнится, что точно такое впечатление осталось у меня от центра столицы Кении — Найроби, мало чем отличающегося в архитектуре от деловой части Лондона. Но здесь было то неуловимое, что могло прийти только в последние годы. Когда я навел фотообъектив на велорикшу, по-извозчичьи сидевшего в седле, положив ноги на руль, он взглянул на меня так, что я понял, что он не испытывал ни малейшего желания остаться на фотопленке неизвестного ему пришельца.

Машина колесила по новым, вполне современным кварталам многоэтажных домов, возле которых бегали ребятишки. Огромное количество белья сушилось на балконах, было перекинуто на веревках от дома к дому.

Машина въехала в район старых деревянных домов и скученных рынков. Здесь все лежало навалом: одежда, дешевый текстиль, легкая обувь, фрукты, сладости... Вился синий дымок от жаровен. Бегали ребятишки с поклажей на голове, шли навьюченные до предела женщины. Было очень шумно, душно и по-восточному пестро...

Мы переехали старый мост, переброшенный через забитую пришвартованными к пристаням баржами. Это были не судоходные баржи, а жилье многих тысяч сингапурцев.

Шофер предложил посмотреть сад-музей, в котором богатый купец при помощи местных художников и скульпторов поставил диковинные фигуры богдыханов и различных зверей. Сад был расположен в стороне от центра города. Несколько человек с любопытством рассматривали ярко раскрашенные фигуры. В маленьком ларьке маленький человек торговал маленькими баночками с тигровой мазью.

И, наконец, мы поднялись на высокую горку, откуда был виден весь Сингапур в голубовато-золотистой дымке. Со всех сторон синел океан. В разных направлениях шли корабли и танкеры. Дымились трубы старых и новых заводов.

А здесь, на горке, ярко цвели деревья. Укротители змей протягивали нам руки, на которых толстыми кольцами висели змеи, равнодушно смотря желтыми маленькими глазами на надоевших им, жаждущих экзотики людей. Но экзотики не было. Все вокруг было настолько реально, все жило какой-то своей, вписанной в это океанское побережье жизнью, что и сами змеи и их желтые глазки казались какими-то старыми, переползшими из давнего-давнего мира.

Уже совсем под вечер мы посетили сингапурский Комитет солидарности народов Азии и Африки и передали его руководителям приглашение для приезда в Советский Союз.

Ночью мы улетали из Сингапура. Густые звезды низко висели над океаном. Дул легкий, освежающий ветерок. В аэропорту было шумно. Пассажиры пересаживались на наш самолет, кто-то оформлял билеты, чтобы лететь в Австралию. Все это мы видели и испытали много раз. Все казалось обычным и даже будничным.

1969—1970 годы.

тень Харисабокеда и светящиеся фигуры карликов в золотом. Никто не знал, что они делали и о чем говорили по ночам на вершине горы. Оттуда всегда доносились отголоски веселья, и люди знали, что Харисабокед счастлив со своими карликами.

Однажды король собрал весь народ и объявил, что он намерен отправиться в долгое-долгое путешествие. Он еще раз напомнил всем о своей воле — владеть вершиной горы — и объявил людям, что они могут продолжать выращивать табак в любом месте, кроме вершины. «Не заходите за черту,— предупредил король.— Иначе я отберу у вас весь табак, и он не будет расти до тех пор, пока я его весь не искурю». Люди обещали исполнить его волю и помнить о королевском запрете. После этого Харисабокед ударил о землю башмаком, земля медленно стала уходить у него из-под ног, и на глазах у своих подданных Харисабокед исчез под землей. Затем земля сомкнулась, но короля уже не было.

Прошло много лет.

Люди помнили о своем короле и его карликах. Табак продолжал расти от подножия до той черты у вершины горы. Люди поливали табак, как это делали карлики в зеленом, очищали плантации от вредителей, как это делали карлики в красном, пропалывали свои участки, как это делали карлики в желтом. За работой они продолжали петь их веселые песенки. И табак рос все так же быстро и по-прежнему давал хороший урожай.

Но вот однажды молодой крестьянин с жадностью посмотрел на вершину горы. Он подумал о том, как хорошо мог бы расти табак на этих заброшенных землях. Быть может, Харисабокед забыл о них или нашел себе другую гору. И, думая так, под вечер он переступил запретную черту и стал сажать табак. Когда же ночью крестьянин вернулся домой, он вдруг почувствовал страх. Он понял, что нарушил запрет, и испугался гнева короля.

Но ничего ужасного не случилось.

Шли дни. Из них складывались недели и месяцы. Но ничего необычного не происходило. Тем временем новые посадки молодого крестьянина на вершине горы набирали силу. Другие решили последовать его примеру, и вскоре вся гора стала зеленой, табак теперь рос от основания до самой вершины.

Но вот неожиданно вернулся Харисабокед. Он посмотрел на вершину горы и понял, что люди не сдержали данного ему обещания. Он не произнес ни одного слова, но лицо его выражало гнев. Напуганные появлением своего короля, люди бежали вниз, не зная, куда скрыться от стыда. Затем произошло самое ужасное.

Раздался страшный грохот, вершина горы взлетела в воздух, и на ее месте образовалась огромная впадина, из которой полыхал огонь и валил дым. Гора содрогалась в течение многих часов. Деревня и все дороги, ведущие к ней, были завалены камнями. Всю ночь гора ревела, становясь красной, оранжевой и желтой от полыхавшего в ней огня гнева.

Утром наступило полное затишье. Гора совсем успокоилась. Она больше не извергала огня. Камни больше не сыпались вниз с горы. Но исчез табак. Плантации опустели. Харисабокед сдержал свое слово.

С тех пор прошло много лет, а гора оставалась безжизненной. У ее подножия появились новые деревни, но табак больше не рос. Вершина горы все еще дымилась. Народ должен был ждать, пока Харисабокед не искурит весь табак.

Перевод Леонида АГАПОВА.

Рисунок В. Добровольского.

БЕЗ СЕНСАЦИЙ

Начало см. на стр. 1.

— о переменах в калийном «королевстве»;

— о шахте, похожей на шатер;

— о победах команды Старшинова.

О. КУПРИН,
Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Фото авторов.

Сильвинитушко и английские прогнозы

Представьте себе картину сорокалетней давности. Яркое весеннее утро. Уральская тайга возле Соликамска. У ствола строящейся шахты перед кучкой камней, поднятых из недр земных, на коленях стоит человек. На нем грязная роба, промасленная кепка, и сам он небритый, уставший после бессонной ночи. Человек бережно берет в ладони замысловатые камни и с каждым разговаривает:

— Сильвинитушко... Ишь ведь ты какой... Добрались до тебя. И германцев обставили. Ну и красив же ты, стервец! Прямо как фон барон. И тебя-то, этакого херувима,— в землю. Заместо навоза. Жалко даже.

Вероятно, было в тот день много удивительных разговоров и радостных объяснений, но местная газета сохранила именно этот эпизод. Едва ли кто-нибудь из толпившихся у шахтного ствола в тот день догадывался, какие перемены в мировые экономические отношения принесут эти голубые камни с Урала.

Соликамское месторождение калийных солей было открыто в 1925 году профессором П. И. Преображенским. Через два года, 7 ноября, в день десятилетия Великого Октября, в глухой тайге торжественно заложили первую в стране калийную шахту. Поскольку опыт в калийном производстве у нас был «нулевой», пришлось заключить договор с одной немецкой фирмой.

Залежи калийной соли обнаружили сначала в Германии в прошлом веке, и до первой мировой войны она была полным хозяином на мировом рынке — 97 процентов добычи калия на планете. Самыми квалифицированными учителями в этой области были немцы. К немцам нам и пришлось идти в ученики. Если бы калийные монополисты могли тогда предположить, чем все это кончится, они едва ли польстились бы даже на те солидные деньги, которые им обязалось выплатить Советское правительство.

Как бы там ни было, в глухой тайге началось строительство двух шахт. Одну сооружали немцы, другую — «уральские таежные медведи», как сообщали домой зарубежные специалисты. Потом, по всей вероятности, приезжие употребляли в своих письмах на родину другие эпитеты и сравнения, потому что «уральские таежные медведи» оказались порасторопнее. Немецкая шахта дошла до соляных пластов почти на полтора месяца позже советской.

Примерно в то же время, когда старый уральский рабочий произносил свой монолог, обращенный к «сильвинитушке», английская газета «Манчестер Гардиан Уикли» высказалась по тому же поводу языком более изящным: «Если бы большевики смогли развивать новую калийную промышленность в том темпе, какой намечен их планом, это было бы беспримерным явлением не только в истории России, но и в истории мирового хозяйства».

Будем справедливы и воздадим должное прозорливости английских журналистов.

Да, все течет, все изменяется. И как! Сорок лет прошло с того дня, когда в подарок XVI съезду партии делегаты Урала привезли голубой камень сильвинит. Калийным коммерсантам всего мира давно известны Соликамский и Березниковский комбинаты. У Березниковского с прошлого года есть приставка — «первый», потому что уже выдает на-гора́ соль плодородия первая очередь Второго Березниковского комбината, о котором говорилось в Директивах XXIII съезда КПСС. До конца нынешнего года сооружение второго комбината будет закончено полностью.

Калийное «королевство» теперь в Березниках и Соликамске, потому что тут почти половина разведанных мировых запасов калия.

Большие перемены нынче в калийном «королевстве». Два комбината реконструируются, два строятся, идет подготовка к сооружению еще двух. Честно говоря, на нас тогда не произвели особого впечатления цифры, которые нам назвали. К самым большим цифрам мы давно приучены. Сенсаций тут, как говорится, и не пахло. Один комбинат после реконструкции даст столько-то, другой—чуть меньше, те, которые строятся... И опять что ни цифра, то больше миллиона. Но в конце концов очень ли это много — миллион тонн калия? В Большой Советской Энциклопедии сказано: в 1950 году добыча калия во всех капиталистических странах, вместе взятых, составила 2 миллиона 910 тысяч тонн. То есть один только Второй Березниковский комбинат произведет примерно половину того, что поставила вся капиталистическая промышленность двадцать лет назад!

Но у калия есть и другие единицы измерения. Не для того мы строим новые комбинаты, чтобы поражать цифрами статистиков. Уральские калийные удобрения могут вдвое повысить урожайность сельскохозяйственных культур. Итоги работы уральцев подводятся на полях всей страны. Результаты их труда измеряются еще и дополнительными миллионами тонн пшеницы, хлопка, картофеля, свеклы.

Мастера

Об одной проблеме нам рассказал Хамза Кадыров. Но прежде чем передать нашу беседу с ним, стоит хотя бы упомянуть о событиях, ей предшествовавших. Впрочем, с точки зрения профессионального шахтера, никаких событий не было. Просто мы облачились в горняцкую форму — каска, спецовка, резиновые сапоги, шахтерская лампочка — и отправились вниз.

Надшахтное помещение очень просторное, вероятно, потому, что и шахтные стволы нового калийного комбината на два метра шире, чем стволы на старых комбинатах. И скипы, что бегают по тем стволам, покрупнее прежних. Два скипа — и загружен железнодорожный вагон.

Раньше мы бывали во многих шахтах — и в угольных, и в железорудных, и в медных. Но то, что предстало перед нашими глазами здесь, не идет ни в какое сравнение с виденным прежде. Выработки в неярком свете фонарей казались таинственными пещерами с высокими сводами. Сначала своды были серебристыми, а через полкилометра мы словно попали в бесконечный сказочный шатер из персидских ковров. Два цвета — темно-красный и светло-серый — сплетались в удивительной красоты узоры. Это был не сильвинит, а какая-то другая калийная соль.

Мы брали в руки рубиновые камни, и они переливались тысячами искр в лучах наших шахтерских лампочек. Мы очень хорошо поняли чувства старого рабочего, стоявшего когда-то на коленях перед сильвинитом.

Да, все это красиво. Но, оказывается, самое главное в этой красоте для специалиста — высота выработок. Специалист может не обратить внимания на затейливые узоры и игру красок, но высоту отметит непременно. Чем выше выработка, тем мощнее пласт. В иных соляных шахтах согнувшись надо ходить, а тут шагаешь как по тоннелю метрополитена.

В одном из тупиков, примыкающем к основной подземной магистрали, мы и встретили Хамзу Кадырова. Он машинист комбайна «Караганда». Почему такое угольное название? Да потому, что принцип добычи угля и калийной соли примерно одинаков. Кстати, среди здешних горняков много бывших угольщиков. По той же самой причине.

А Хамза Кадыров пришел на подземную работу в полном смысле слова из поднебесья. Стал шахтером сразу после армии, служил в авиации. Как работает? Нормально работает, по его словам. В прошлом месяце должен был нарубить 15 тысяч тонн, а нарубил 23 тысячи.

Как раз когда мы с ним беседовали, к комбайну подошли мальчишки. Человек двадцать. Экскурсия. Учащиеся профессионально-технического училища. Тут-то Кадыров и назвал одну из самых сложных березниковских проблем:

— Наверно, никогда у нас не будет вдоволь высококвалифицированных кадров.

— Разве плохо учат? — кивнули мы на мальчишек, с интересом рассматривавших «Караганду».

— По-разному учат,— отозвался Хамза,— но работа наша, сами видите, какая.

Мы видели: сложная и нелегкая, как и всякая работа под землей.

— Так что первое время новичок робко действует,— продолжал Кадыров,— и хорошо, коли так. Лихость тут к беде быстро привести может. Короче говоря, работают ребята первое время вроде как по шпаргалке, по подсказке, несамостоятельно. А строители нас подгоняют. Селу калийных удобрений нужно все больше. Как в шахте аукнется, так в поле откликнется. Сами понимаете... И появляются у нас новые шахты, новые фабрики и цеха. И всюду специалисты требуются. Потому так и получается, что даже маленький опыт у нас в большой цене. Только человек мало-мальски освоился, ставят его бригадиром или еще кем, и он сам уже учитель. А ко мне опять новичков шлют...

И пошел объяснять ребятам из ПТУ устройство своего комбайна. Их успехи в учебе интересуют его не меньше, чем педагогов училища.

Да, проблема... Как ее решать? Пока выход один — рабочие становятся учителями. А работа с таким асом, как Кадыров, для новичка — целая академия. Или ветеран-монтажник Михаил Федорович Королихин. Его ученики по всей стране славятся. Рядом с таким быстро крепнут таланты. Все естественно, принцип этот всюду действует. В спорте, например, точно так же. Поставь, скажем, вместе с опытным хоккеистом новичка играть, все возможности, какие только в нем заложены, проявятся быстрее, и опыт мастера станет частью таланта новой спортивной звезды. Сколько, например, талантов родилось в команде Старшинова!

Читатель, наверно, подумает, что ни к чему в репортаже с калийного комбината рассказывать о хоккеистах московского «Спартака». Но речь идет вовсе не о знаменитом спартаковце и капитане советской хоккейной сборной. На комбинате командой Старшинова называют бригаду строителей Александра Старшинова. Со своим хоккейным однофамильцем Александр примерно одного возраста, чуть постарше. Лет десять назад окончил училище, а сейчас на разных участках стройки в Березниках уже работают сорок его учеников.

Каждый год Старшинову дают новичков, и каждый год его команда идет в лидерах, а победных знамен и вымпелов Старшинов-строитель получил не меньше, чем Старшинов-хоккеист кубков. В одном, правда, есть разница: если берут из спортивной команды молодого, подающего надежды хоккеиста, то обычно это сопряжено с моральными драмами, и болельщики бурно обсуждают проблемы патриотизма и спортивной чести. Когда забирают «оперившегося птенца» из бригады Старшинова, то с грустью — жалко расставаться с человеком, которого выучил,— соседствует чувство гордости, как у учителей на выпускных школьных балах.

Поверьте Пушкину

Людей, которые спроектировали на новом калийном комбинате склад готовых удобрений, наверняка вдохновение посещало не раз. Удивительно легкое и изящное получилось сооружение. И громадное, как крытый стадион. Несколько таких складов-гигантов будет на комбинате. Один из них, еще строящийся, вы видите на нашем снимке. Весь этот исполин сделан из дерева. Металл и бетон ушли в отставку. Дерево оказалось прочнее и надежнее. Курганы калийного концентрата, которые будут храниться под этими сводами, постепенно разъели бы и железо и бетон, а дерево под действием калийных солей становится твердым, как камень. Так и решили монтировать склады из клееных деревянных арок.

Мало ли сделано за последние годы в Березниках других открытий! Не все они отмечены авторскими свидетельствами, но все важные, пусть не в государственных масштабах, а в масштабах одной судьбы или одной фабрики.

В подземном тоннеле шахты мы встретили вдруг девушку. Встреть мы ее где-нибудь на улице, наверное бы, подумали: вот какая симпатичная. А тут первое, что пришло на ум,— основы законодательства о труде, запрещающие женщинам подземные работы. Но оказалось все правильно — закон раз-

решает женщинам «нефизические работы или работы по санитарному и бытовому обслуживанию» в шахтах. Люда Ковальчук оказалась как раз газомерщицей, блюстителем подземного санитарного порядка. А как к лицу ей шахтерская каска! И грубая спецовка и сапоги не делали ее неуклюжей.

В шахту Люда пришла из гастронома № 12. Три года работала в кондитерском отделе, продавала конфеты. Разве плохо ей было там?

— Мне было плохо,— ответила она.— В торговую школу я пошла просто за компанию с подругами. А как встала к прилавку, сразу поняла: не тут мое место.

Продавец кондитерского отдела в белом халате и горняк в грубой спецовке — две крайности, совместившиеся в одной судьбе. И не так-то просто было сделать выбор, понять, что тебя волнует и к чему ты равнодушен. И как радостно наконец сделать открытие собственного характера и найти свое призвание!

А вот еще одно открытие — опять без авторского свидетельства, но масштабом чуть покрупнее. Открытие таланта. В прошлом году, когда готовили к пуску флотационную фабрику, долго ломали голову над штатным расписанием. Кого поставить начальником смены? Решили рискнуть — назначили на эту должность Володю Чернова. Он только что окончил институт и никогда раньше в калийном производстве не работал. Из 70 его подчиненных 69 тоже опыта не имели — выпускники профессионально-технического училища и техникума. Вернее, выпускницы, сплошь девчонки.

На любом новом предприятии не все сразу идет гладко. Так было и на флотационной фабрике. Собственно говоря, больших успехов от новичков, работавших там, никто не ждал. И вдруг смена Чернова перевыполнила план. Сначала это посчитали случайностью. Теперь к таким «случайностям» давно привыкли. И никто уже не разводит руками: как это они смогли?

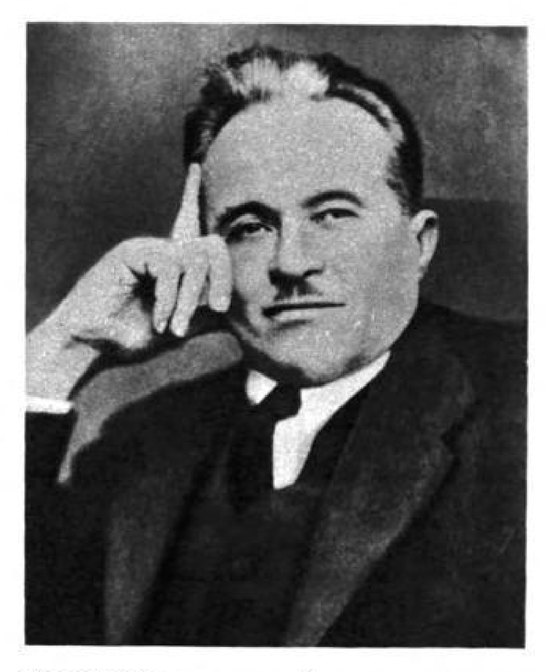
И все-таки как? Талант? Несомненно. Есть талантливые художники и певцы, но есть и талантливые слесари, комбайнеры и начальники смен.

— Нравится мне эта работа,— признался Володя Чернов.— Настроение отличное, потому что дружный у нас народ. А когда такая атмосфера в работе, то все недочеты, все трудности острее воспринимаются и решение находится моментально, будто какая-то сила тебя подталкивает к правильному ответу. Здорово! Аж дух захватывает!

Володя Чернов не произнес слова «вдохновение», хотя, сам того не подозревая, очень точно определил это понятие. Во всяком случае, не разошелся во взглядах с А. С. Пушкиным: «**Вдохновение!** есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных». Володя Чернов и его друзья не только «объясняют оные», то есть сложные и капризные процессы флотационного производства, но и отлично «оными» командуют. Впрочем, у Чернова есть немало других забот. Мы встретились с ним в конце смены, накануне выходного дня. Завтра утром черновцы будут держать еще один экзамен — состоится принципиальный волейбольный матч со сменой Мамаева.

...Работает комбинат. Бегут по транспортерам, упрятанным в галереи, удобрения, спешат на поезда и на речные теплоходы. Спешат к крестьянину, к земле, чтобы сделать ту землю щедрее и богаче.

ВЕРНЫЙ СОРАТНИК ЛЕНИНА

Осенние краски расцветили лес. Тихий уютный уголок Подмосковья. Небольшой поселок и фабрика, носящие имя выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Александра Дмитриевича Цюрупы. Здесь в Доме культуры создан народный музей соратника Ленина. Экспозицию открывают слова Михаила Ивановича Калинина: «На заре своей жизни т. Цюрупа начал вместе с немногими нашими товарищами создавать Коммунистическую партию, а в конце своей жизни он уже строил практически социализм. Немного найдется людей, которым удалось пройти в своей жизни такой путь».

Старые фотографии рассказывают о начале революционной деятельности студента Александра Цюрупы в Херсоне в 1893 году, о первом тюремном заключении. А потом — опять самоотверженная работа профессионального революционера в разных городах России, тюрьмы, ссылки, годы подполья...

В Уфе в 1900 году Цюрупа на квартире старого народовольца О. В. Аптекмана познакомился с Лениным, возвращавшимся из сибирской ссылки. Эта встреча имела решающее значение в жизни Александра Цюрупы. Он становится верным учеником и последователем Ильича.

Один из стендов музея посвящен революционным событиям 1901 года в Харькове. Там Александр Дмитриевич организовал забастовку статистиков, а 1 мая 1901 года харьковские рабочие и студенты вышли на демонстрацию под лозунгом свержения самодержавия.

Музей располагает интересными материалами, рассказывающими о деятельности Александра Дмитриевича в годы становления Советской власти. В то время он возглавляет Наркомпрод и проводит огромную работу по снабжению продовольствием Красной Армии и важнейших пролетарских центров республики.

Привлекают внимание посетителей фотокопии писем и записок Владимира Ильича, адресованных Цюрупе. Александр Дмитриевич многие годы работал совместно с Ильичем. Он был одним из ближайших соратников Ленина, его другом. Владимир Ильич ценил Цюрупу, заботился о его здоровье. Под стеклом фотокопия записки Ильича: «...Предписание: три недели лечиться!... Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться!

Привет! Ваш Ленин».

Когда же настало время мирного строительства, А. Д. Цюрупа был назначен заместителем Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны. Он возглавлял Наркомат РКИ, затем Госплан СССР и Наркомат внешней и внутренней торговли, был членом Центрального Комитета ВКП(б).

В народном музее А. Д. Цюрупы бывает много посетителей, особенно сейчас, накануне 100-летия со дня рождения замечательного большевика-ленинца.

А. ГОЛИКОВ

---

630 ЭКСПОНАТОВ

Собирать шариковые авторучки оказалось очень интересно.

В моем каталоге пока значится 25 стран, где изготовлены ручки, но тут же имеется список, где они побывали, и список лиц, от которых получены, и этот список намного обширнее.

В моей коллекции 630 ручек. Все они разные по виду и конструкции, по цвету и материалу.

Производство шариковых ручек древней истории не имеет. Наша промышленность начала их выпускать в сороковых годах, и с тех пор конструкция, качество и вид ручек стали совершенно новыми, но надо сказать, что пока не все фабрики выпускают доброкачественную продукцию.

Коллекционирую я только шариковые ручки, но имею две авторучки нешариковые, обыкновенные — одна ленинградской фирмы, другая московской. Они для меня очень ценны.

Как-то наш крупный советский селекционер, создатель дерева дружбы, о котором знает весь мир, Федор Михайлович Зорин, будучи у Климента Ефремовича Ворошилова, попросил ручку для моей коллекции. К. Е. Ворошилов сразу же дал ему две ручки в оригинальном футляре. Когда Ф. М. Зорин ему сказал, что коллекция моя из шариковых ручек и хотелось бы получить именно такую, К. Е. Ворошилов ответил, что он шариковыми ручками никогда не писал, а этими ручками пользовался много лет, ими указы подписывал. Храню я их как самый большой дар.

А вот простенькая серая ручка с надписью «Хиросима». Она привезена космонавтом А. Николаевым из Японии.

Известнейший селекционер луковичных цветочных культур Голландии Д. Б. Лефебер, который один из лучших своих экземпляров тюльпанов назвал именем Ю. Гагарина, а ко дню 100-летия В. И. Ленина один новейший сорт тюльпанов назвал «Памяти Ленина» и первые 100 луковиц прислал в Москву, и они зацвели весной этого года,— так вот, Лефебер прислал мне несколько ручек, одна из них сделана ювелиром специально для моей коллекции.

Одним словом, всех не перечислишь.

Теперь шариковые ручки выпускаются, как марки, в большом разнообразии и самых разных устройств. А в некоторых зарубежных странах они делаются вместо визитных карточек — на корпусе ручки соответствующая надпись.

Международным поставщиком ручек с жидкостными сменяющимися картинками является Дания. Англия, Австрия, Советский Союз, Польша и многие другие страны заказывают такие ручки именно в Дании.

Надо прямо сказать, что только благодаря многочисленным моим дарителям мог я собрать такую ценную и очень интересную коллекцию. Я ведь только собиратель и хранитель, а в остальном моей заслуги нет. И когда я смотрю на свою коллекцию, мне хочется от души поблагодарить всех моих добрых друзей.

О. ПЕТРОСЯН.
г. Сочи

Музей-панорама «Бородинская битва» — центр мемориального комплекса у Поклонной горы.

Бюст полководца установлен у исторической «Кутузовской избы».

Б. СМИРНОВ

Фото К. Каспиева.

Двери просторного здания музея-панорамы «Бородинская битва» широко открыты. Обычный, будний день, шестнадцатое сентября. Посетители группа за группой входят в здание. Наверное, мало кто из них сегодня утром заметил несколько строчек на листке календаря: «225 лет со дня рождения М. И. Кутузова, русского полководца, генерала-фельдмаршала». Но ведь люди ходят в музеи не ради юбилея. Конечно, может выпасть из памяти дата, но никогда не забудется великий подвиг, совершенный под Бородином русскими солдатами и их гениальным полководцем.

Здесь все так или иначе связано с памятью о Кутузове: сам проспект, носящий его имя, Триумфальная арка в честь победы его войск, здание с панорамой самого важного в его жизни Бородинского сражения, могила трехсот павших его воинов, его изба на месте исторического совета в Филях...

Этот мемориальный комплекс на Поклонной горе (за исключением обелиска и восстановленной еще в прошлом веке «Кутузовской избы») был создан совсем недавно. Не прошло еще и десяти лет, как музей-панорама стал собирать свои экспонаты, но уже сейчас коллекция музея является одним из крупных собраний, рассказывающих о войне 1812 года. А панораму Бородинской битвы даже иностранные специалисты ставят выше, чем знаменитую панораму битвы при Ватерлоо в Брюсселе.

— Музейная работа только непосвященным людям кажется скучной и однообразной,— говорит директор музея генерал-майор Н. А. Колосов.— Даже работая над экспозицией, посвященной Отечественной войне 1812 года, мы постоянно чувствуем себя в самой гуще современной жизни...

Николай Андреевич рассказал об одной из интересных задач сотрудников музея — розыске потомков героев Отечественной войны 1812 года. Тесно сотрудничает с музеем праправнучка Кутузова — Наталия Михайловна Хитрово. Кстати, когда она встает рядом с портретом полководца, в чертах лица Наталии Михайловны и ее знаменитого предка легко можно найти сходство. Очень похож на своего предка, «железного», как его звали тогда, кутузовского генерала Дохтурова московский инженер П. П. Дохтуров. Живет в Москве и Лев Денисович Давыдов — праправнук легендарного партизана. Разыскали сотрудники музея и П. Н. Лермонтова — потомка мичмана Лермонтова, командовавшего единственным в Бородинской битве гвардейским экипажем моряков и выполнявшего личные боевые задания Кутузова. Есть данные, что родственником мичману Лермонтову приходился и знаменитый поэт.

Не менее трудным и интересным делом стал розыск героев Великой Отечественной войны, кавалеров ордена Кутузова.

— Сравните два этих портрета Кутузова. Замечаете разницу? Не огорчайтесь, ее заметит лишь опытный специалист-искусствовед,— объяснил один из сотрудников музея, художник-реставратор Борис Михайлович Шахов.— А истории этих портретов совершенно не похожи одна на другую. Один из них, кисти художника Волкова, хранится в России с прошлого века. Второй же портрет — пока загадка. В годы гражданской войны его вывезли в Аргентину и хранили там в ужасных условиях. Лишь в 1962 году один из потомков белоэмигрантов предложил Советскому Союзу купить эту картину, но она была в таком плохом состоянии, что не заинтересовала специалистов. Тогда аргентинец отдал картину просто так. Я увидел это полотно в художественной лаборатории, где оно хранилось как материал для экспериментальных работ реставраторов. На обратной стороне картины есть подпись братьев Сидоровых — известных петербургских реставраторов. А они за плохие картины никогда не брались... Мы вместе с З. В. Черкасовой и С. С. Чуваковым — реставраторами высшего класса — восстановили картину. Видите, теперь портреты стоят вместе. Все говорит за то, что автор обоих — Волков. Искусствоведы определят, какой из этих портретов был оригиналом, то есть писался непосредственно с Кутузова...

Есть такое понятие — «сохранить память». Память о великом русском полководце не только хранится, она стала достоянием сегодняшнего дня.

«ЖУРНАЛИСТУ» — ПЯТЬДЕСЯТ

Пятьдесят лет дают право оглянуться назад, посмотреть вокруг: что сделано? Не только для того, чтобы перечислить все полувековые дела, а и с тем, чтобы лучше понять наш сегодняшний день, заглянуть в завтра. Это необходимо уже потому, что ежемесячник «Журналист» стремится быть в гуще жизни, в центре забот и проблем, которыми живет страна, а отсюда и периодическая печать Страны Советов.

Появился «Журналист» в 1920 году, назывался тогда «Красным журналистом». В сложной обстановке первых лет Советской власти профессиональный журнал помогал формировать и укреплять печать нового типа.

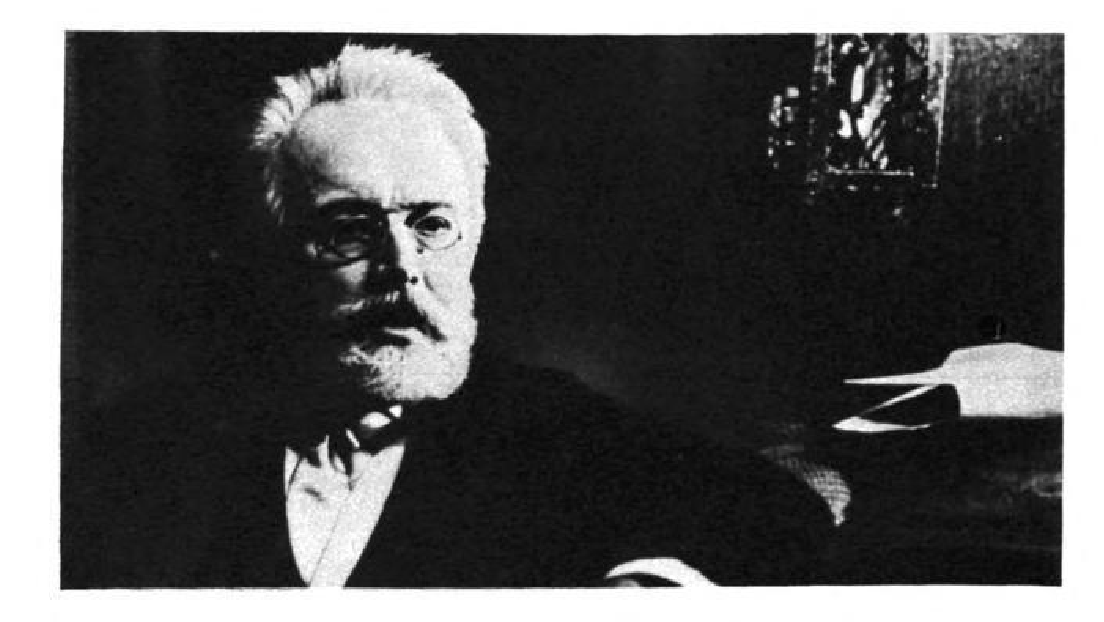
Несколько лет издание называлось «Советская печать», а с января 1967 года журнал обрел свой сегодняшний заголовок и облик. Одна характерная деталь. Мы поинтересовались в нескольких магазинах «Союзпечати», кто покупает «Журналист». Оказалось, что его читают не только профессиональные журналисты. В ежемесячнике находят нужный и важный для себя материал пропагандист и лектор, экономист, ученый, специалист по организации труда и оргтехнике...

Интересны и значительны многие рубрики «Журналиста». В разделе «Предлагаем тему» в журнале выступают видные общественные и государственные деятели, руководители крупнейших организаций, министерств и ведомств. «Журналист» не обходит вниманием районные газеты, активно и остро ведет рубрику «Полемика, суждения, размышления». Сейчас, в преддверии съезда КПСС, на страницах журнала нашел свое постоянное место раздел «Навстречу XXIV съезду партии».

Издание «Правды» и Союза журналистов СССР, «Журналист» перешагнул пятидесятилетний рубеж. С днем рождения, коллега!

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

ЭТО НАДОЛГО ЗАПОМНИТСЯ

Было обыкновенное, будничное московское утро. Все куда-то спешили, как это водится в нашей многолюдной и деловой столице.

На площади Пушкина три девочки-школьницы положили на серый цоколь памятника поэту цветы, полыхающие красками осени, и, постояв, побежали дальше.

К широким стеклянным дверям кинотеатра «Россия» шел народ, подъезжали такси. Остановился большой загородный автобус, то ли из Волоколамска, то ли из Каширы.

Первый день шел на экране фильм «Чайковский» («Мосфильм»). В зрительном зале както сразу возникла глубокая, внимательная тишина. Парнишка лет восьми, в длинной ночной рубашке подбежал на экране к роялю, подергал крышку. Заперта... И вдруг, оглушенный хаосом звуков, обхватил голову руками, зажал уши...

Потом зашелестели на экране белые березы. И возникла музыка, просторная и чистая, как эта роща. Начался разговор великого музыканта, жившего много лет назад, с незнакомым поколением родных ему соотечественников, разговор искренний и проникновенный, понятный и волнующий для всех, кто был в зале, как понятны и волнуют человека во все времена любовь, раздумья, грусть, радость жить на земле, видеть свет, удивляться прекрасному.

Мир музыканта... По-разному, вероятно, можно подходить к решению задачи, когда художник наших дней задумывает воссоздать в искусстве живой, человеческий образ гения далекого минувшего. Мы знаем немало поисков и немало счастливых находок на этом пути. Рембрандт и Глинка, Мусоргский и Россини... Славная и бесконечно ответственная это задача — заставить зрителей поверить в правду ожившего на экране или на подмостках сцены образа великого человека, о котором каждый давным-давно создал свое представление, рожденное своим и только своим восприятием творчества музыканта, живописца или поэта.

Думается, главная удача большого, двухсерийного фильма о Петре Ильиче Чайковском, поставленного режиссером Игорем Таланкиным (авторы сценария: Ю. Нагибин, Б. Метальников, И. Таланкин), в том, что мы, зрители, с первого и до последнего кадра картины становимся как бы участниками творчества великого русского музыканта, входим в тот мир, которым он жил.

Не богата, как известно, ни трагическими событиями, ни дальними странствиями, ни героикой жизнь Петра Ильича Чайковского. Откуда же тогда у композитора такая убедительность, такая необъятность музыкальных поэтических образов, такое проникновение в характеры человеческие, будь то юный веронец Ромео или пушкинская Татьяна, петербургская зловещая старуха или украинский чубатый хлопец? Что, какая сила пробудила в нем глубочайшие философские раздумья Шестой симфонии?

Понять все это позволяет нам фильм. Отбросив все второстепенное в жизни музыканта, отказавшись от поисков острого драматического сюжета, авторы фильма с большим художественным тактом сделали главным действующим лицом картины творчество композитора, его музыку. Именно поэтому предстал перед нами Петр Чайковский, именно поэтому мы, зрители, у з н а л и е г о. Есть в фильме такой проходной эпизод. Бесконечно расстроенный неудачной женитьбой на молодой мещаночке, угнетенный, забредает композитор в кабак. Все пьяно вокруг и чадно. Мир прекрасного, чем жил музыкант, далеко, да и существует ли он?.. И вдруг внезапно, казалось бы, вне всякой логики, рождается и крепнет светлая мелодия, чужая в этом пьяном чаду... И мы удивляемся и радуемся несгибаемой мощи духовной скромного, рано поседевшего профессора музыки и не ищем, не ждем от него необыкновенных поступков, понимая, что громадный художник живет громадной любовью, что в его разуме и сердце не личная судьба, а судьбы, любовь и трагедии целого мира.

Превосходно, на наш взгляд, сыграны заглавные роли: Иннокентий Смоктуновский — Чайковский, Антонина Шуранова — Надежда Филаретовна фон Мекк. Поражает мастерством операторская работа М. Пилихиной.

...До последнего титра на экране стоит внимательная, глубокая тишина в зрительном зале. Три часа мы провели с Петром Ильичом Чайковским. Это надолго запомнится.

СНОВА НАПРЯЖЕННОСТЬ

Мировая общественность глубоко встревожена угрожающими событиями в Иордании и попытками Соединенных Штатов, других государств — членов НАТО и Израиля использовать их в качестве предлога для военного вмешательства.

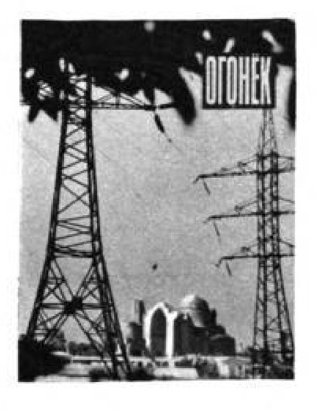
Недавно в нашей печати было опубликовано Заявление ТАСС, в котором выражается надежда советских официальных кругов, что «народы арабских стран, их руководители и правительства, арабские организации сделают все возможное для того, чтобы добиться быстрейшего прекращения братоубийственной войны в Иордании, предотвратить опасное развитие событий на Ближнем Востоке».

Тем временем Соединенные Штаты и их союзники хотят извлечь выгоду из событий в Иордании, чтобы осуществить военное вмешательство в дела Ближнего Востока. В момент, когда пишутся эти строки, Пентагон приводит в состояние боевой готовности несколько тысяч солдат, расквартированных в Западной Германии. На подкрепление 6-го американского флота в Средиземном море от берегов США выходит авианосец «Джон Кеннеди». Усиленная военная подготовка проходит в Израиле. Англия перебрасывает воинские части из Юго-Восточной Азии в район Кипра. Создается серьезная угроза делу мира на Ближнем Востоке.

Сейчас, как никогда, всем силам стран Арабского Востока, которые выступают за национальную независимость и мир, необходимо крепить единство перед лицом израильского агрессора и его союзников.

Недавно Израиль провел крупные военные маневры. Участие в маневрах парашютных частей (вы видите их на снимке) свидетельствует о подготовке наступательных операций, другими словами, расширении сферы агрессии.

Фото ЮПИ.

САМАРКАНДУ — 2500 ЛЕТ

Самарканду — 2500 лет. Эту дату отмечает наша страна, весь мир.

Исторические памятники Самарканда — шедевры мирового зодчества. Древний город — хранитель великих культурных ценностей узбекского народа. Здесь жили и творили замечательные ученые, философы, историки и поэты Улугбек, Навои, Казы-заде Руми, Али-Кушчи, Мавлоно Нафис, Хафизи-Абру, Хамза Хаким-заде и Садриддин Айни.

Древние города Советского Союза — Москва, Киев, Ереван, Тбилиси, Новгород, Псков, Суздаль... Среди них один из старейших — Самарканд. Но он славен не только своей стариной. За одну пятидесятую часть своей истории — за пол с небольшим века город превратился в крупнейший культурный центр Востока.

Университет, институты, вузы, десятки училищ, школ, театры оперы и балета, драмы, многочисленные дворцы культуры и библиотеки созданы за годы Советской власти.

Широко известна забота В. И. Ленина о сохранении древних памятников архитектуры.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, «с каким особым вниманием отнесся Владимир Ильич к необходимости ремонта известной исторической мечети в Самарканде, этого изумительного достижения восточного искусства...»

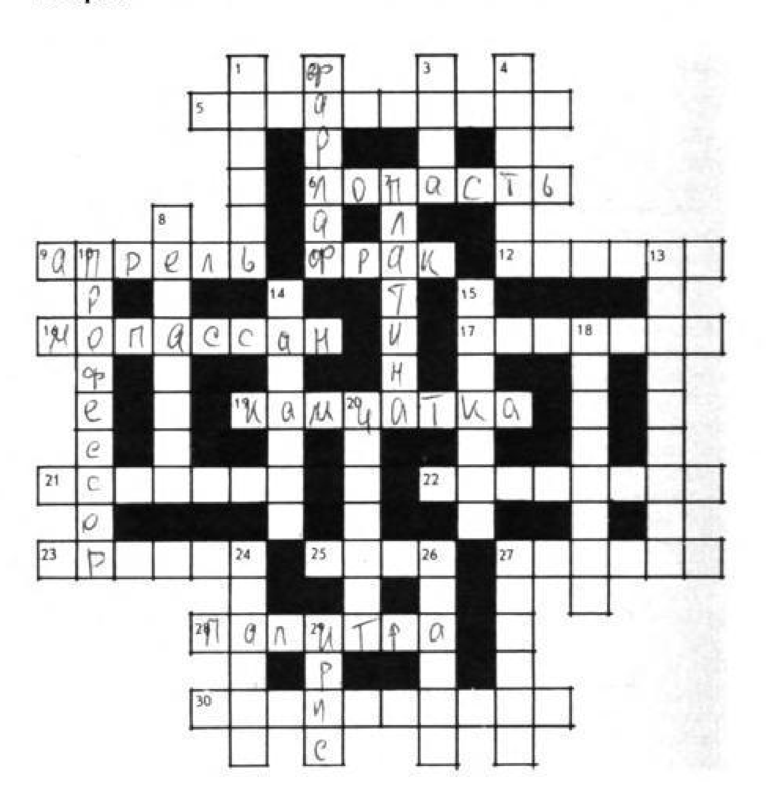
В 1966 году правительство Узбекистана приняло решение о реставрации мечети Биби-Ханым. Но это было лишь одно из мероприятий по охране и восстановлению великих памятников архитектуры Самарканда. Сохранение и реставрация этих замечательных памятников — предмет постоянной заботы правительства и народа Узбекистана.

Самарканд 1970. Сквозь ажурные мачты высоковольтной передачи виднеется величественный ансамбль Биби-Ханым. Эти цветные фотографии на обложках показывают нам в ч е р а и с е г о д н я Самарканда. Малыши в детском саду — узбеки, таджики, русские, армяне... Юные граждане древнего города, его светлое з а в т р а!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Приморский курорт в Краснодарском крае. 6. Часть весла. 9. Месяц года. 11. Парадный сюртук. 12. Летательный аппарат. 16. Французский писатель. 17. Приток Урала. 19. Полуостров в СССР. 21. Крупное соединение военных кораблей. 22. Трилогия Г. И. Серебряковой. 23. Птица семейства утиных. 25. Спутник Сатурна. 27. Испанский танец. 28. Дощечка для смешивания красок. 30. Столица автономной советской республики.

По вертикали: 1. Травянистое растение со съедобными листьями. 2. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 3. Единица силы. 4. Спортивное судно. 7. Металл. 8. Промысловая рыба. 10. Ученое звание. 13. Медицинский прибор. 14. Первый журнал пионеров нашей страны. 15. Черный тополь. 18. Порт в Канаде. 20. Город в Казахстане. 24. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 26. Река в Грузии. 27. Равновесие. 29. Сорт конфет.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 7. Федин. 8. Рулон. 9. Капабланка. 10. Ангар. 12. Сифон. 14. Телеграф. 16. Сангилен. 17. Теннесси. 18. Коненков. 20. Сценарий. 21. Панорама. 22. Пряжа. 25. Норка. 27. Абитурнент. 28. Лотос. 29. Тобол.

По вертикали: 1. «Демон». 2. Анкер. 3. Трамплин. 4. Трафарет. 5. Брамс. 6. Сопло. 11. Гренландия. 13. Фокстерьер. 14. Телескоп. 15. Фонотека. 19. Виньетка. 20. Ставрида. 23. Рожок. 24. Акаси. 25. Нетто. 26. Каноэ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Самарканд. Старое и новое...

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Самарканд. Детский сад — ясли в новом жилом районе города.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. М. КАЗАКОВА

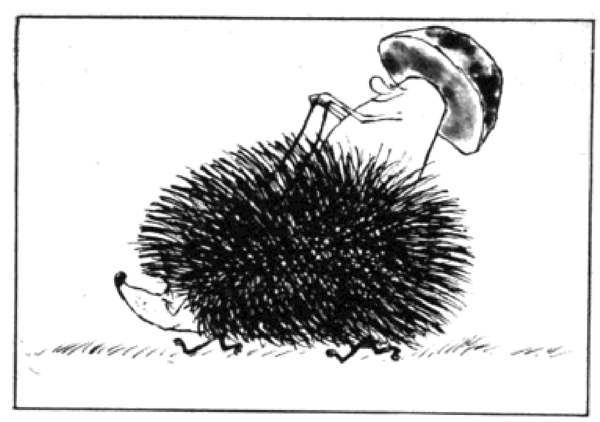
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

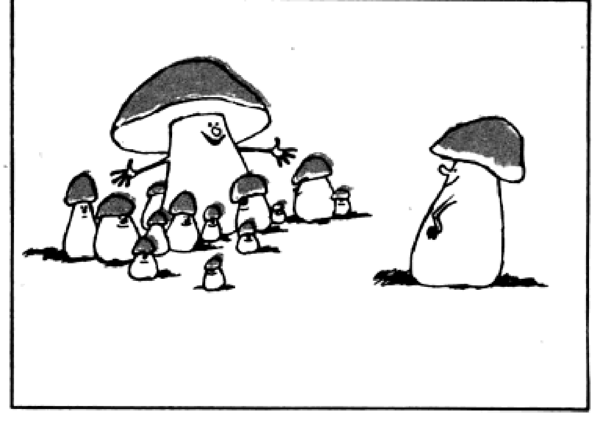
А 00461. Сдано в набор 8/IX-70 г. Подписано к печ. 22/IX-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч-изд. л. 11,55. Тираж 2100.000 экз. Изд. № 2017. Заказ № 2517.

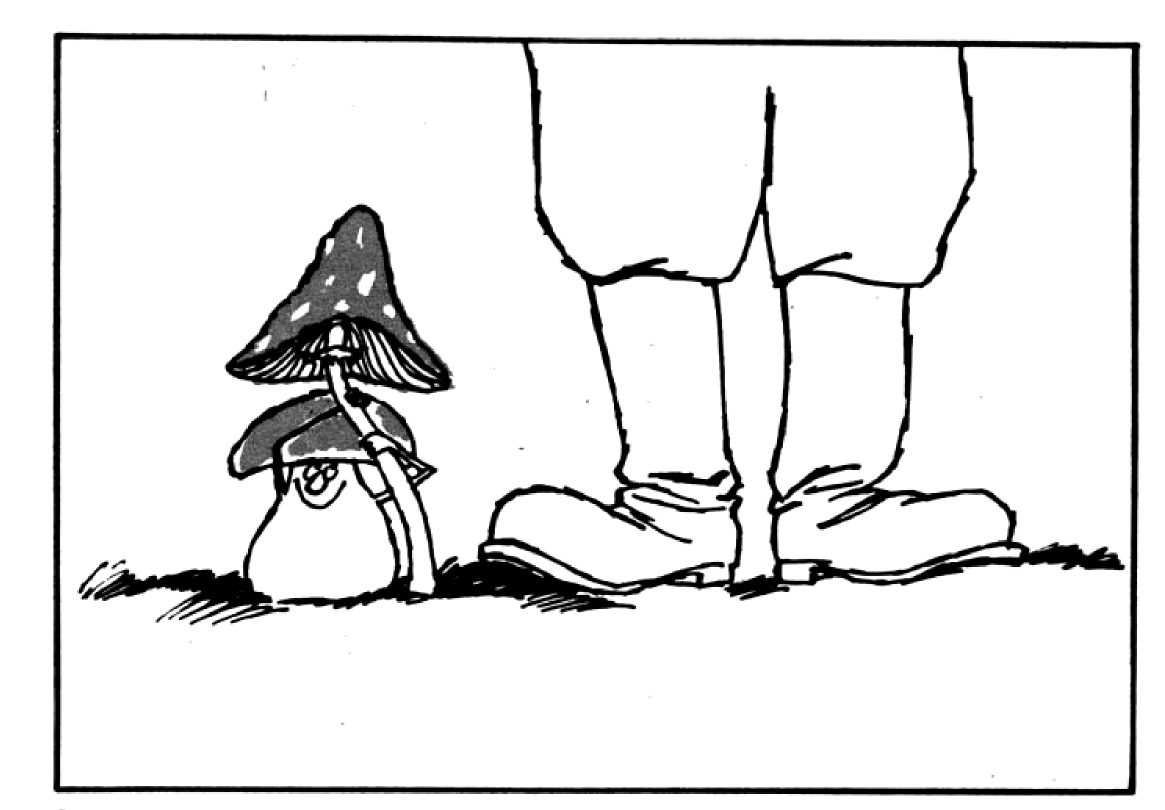
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

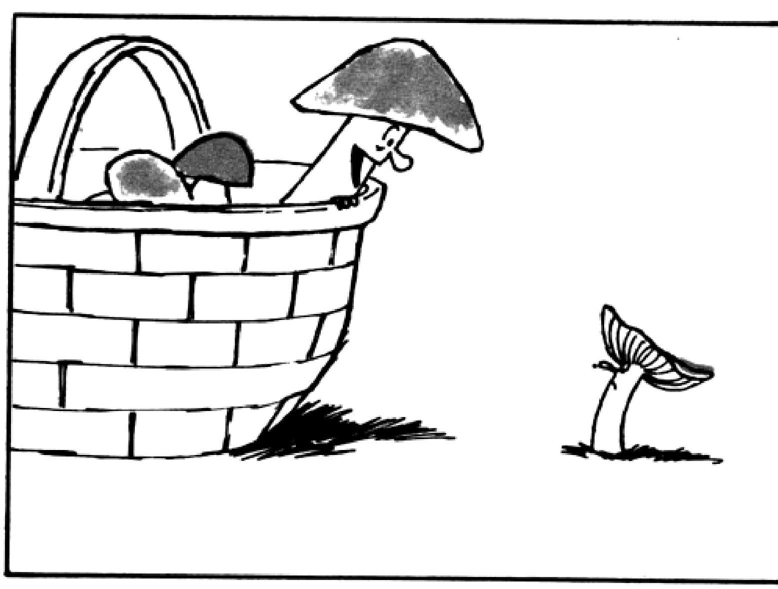
Дела грибные

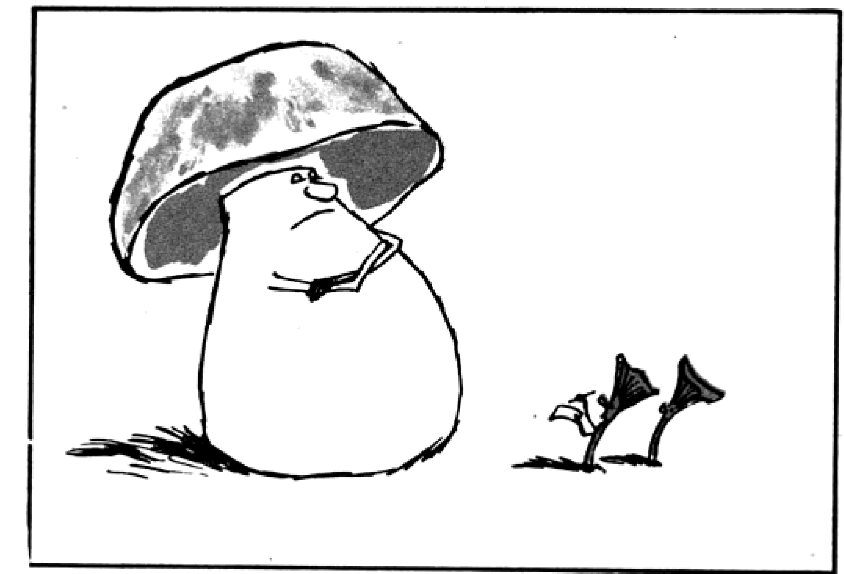

Рисунки А. Алешичева.

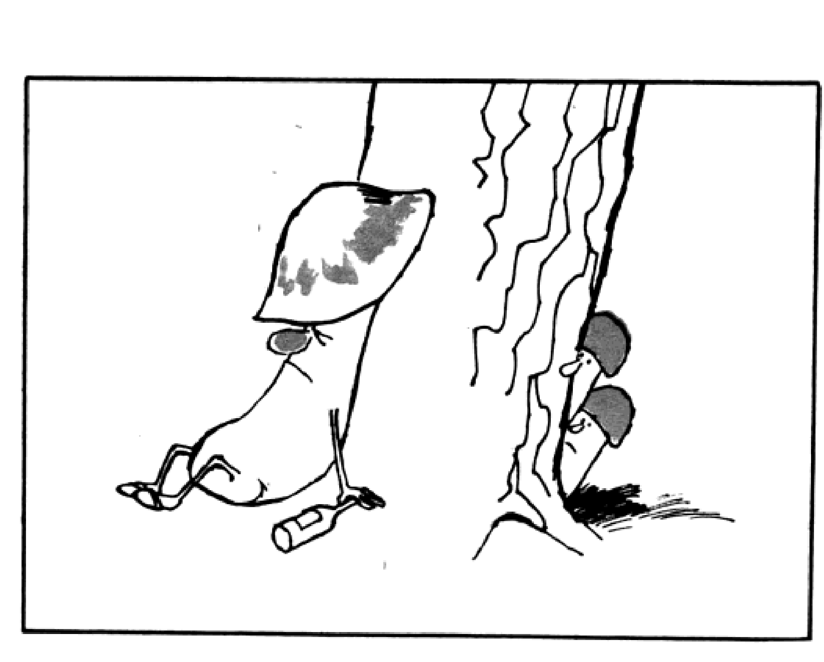

Без слов.

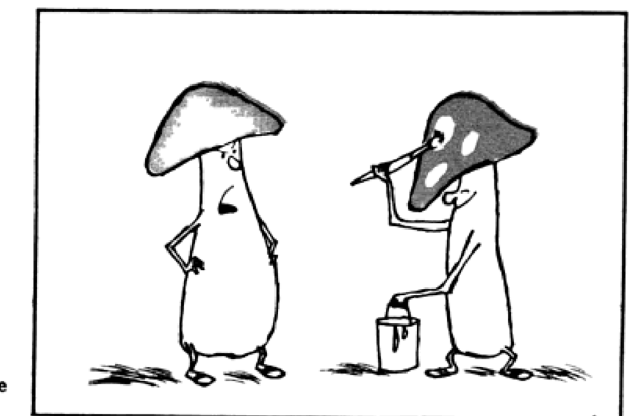
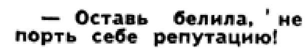

— Растут не по дням, а по часам!

Спрятался...

— Ну, ты, сыроежка!

— Разрешите ваш автограф?!

— У нашего подосиновика один только нос красный...

— Оставь белила, не порть себе репутацию!

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.